

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

○ В Ы П У С К Х Х ○

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
С Б О Р Н И К

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

○ ВЫПУСК XX ○

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Отв. редактор проф. *Н. Л. РУБИНШТЕЙН*

Редактор *С. Л. МАРГОЛИН*

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
МОСКВА ○

○ 1948

ОБОРОНА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Сторожевая и станичная служба и засечная черта

Настоящая работа построена на материалах, уже давно использованных в известных трудах И. Д. Беляева¹, Д. И. Багаля² и А. И. Яковлева³, но все же требующих дополнительной разработки и освещения. Желательно, прежде всего, сделать попытку более или менее полно показать на карте различные звенья и элементы системы станично-сторожевой службы конца XVI века вместе с засечной чертой. Этого до сих пор сделано не было.

Карта, приложенная к работе Беляева, равно как и карта в атласе Замысловского, на которую нанесены «сторожевые линии» XVI—XVII веков, не способны нас удовлетворить: они, во-первых, слишком схематичны, тогда как источники дают детальный перечень урочищ; во-вторых, они смешивают разновременные данные, в силу чего не получается синхронистической картины сочетания и взаимосвязи отдельных частей системы обороны юга; в-третьих, они не отделяют сторож от станиц⁴; в-четвертых, наконец, содержат целый ряд ошибок, легко вскрываемых при внимательном пересмотре актов.

В связи с общей постановкой в нашей современной исторической науке задачи изучения истории русского военного искусства, его исторических корней и исторической значимости, желательно отметить то значение, какое стратегические принципы и тактические навыки, длительно вырабатывавшиеся приемы и вековые традиции борьбы с татарами на южных рубежах и окраинах, могли иметь для формирования ряда специфических национальных особенностей и традиций военного дела в России и ряда черт национального характера, устойчиво проявляющихся в истории борьбы нашего народа с врагами.

Оборона южных окраин от татар — это повседневная будничная работа, тянувшаяся из десятилетия в десятилетие, из поколения в поколение, менее эффектная, чем завоевание Казани, первые кампании Ливонской войны и Полоцкий поход или оборона Пскова и т. д., но, может быть, еще более важная для развития русского военного искусства, его специфики, его традиций.

Середина XVI века была временем большой активизации враждебной России татарской силы, причем в эту эпоху татарские ханства оказываются втянутыми в систему вассальных владений Турецкой империи. Р. Ю. Виппер в своей работе об Иване Грозном взглянул на этот при-

лив татарской агрессии в XVI веке именно в аспекте ее связи с ростом турецкого могущества, достигшего своего апогея. Если отвлечься от факта существования недавно сложившегося сильного русского национального государства, которое начало спланировать вокруг себя основные территории и различные народы Восточной Европы, то можно было бы говорить о новой угрозе тюркских завоеваний для ее глубинных районов. Но если существование русского государства и устранило такую опасность, то все же оставались налицо хронические татарские набеги, сначала комбинированные — крымско-казанские, а со времени завоевания Казани — только крымские. Частота этих набегов и размах их в век, когда имело место и нашествие Сахиб-Гирея в 1521 г., и нашествие Девлет-Гирея 50-ю годами позднее, и турецко-татарский поход на Астрахань в 1569 г., и множество крупных и мелких нападений заставили современника с горечью воскликнуть, что Батый «молнией прошел», а теперь татары из Русской земли не выходят! Известно, какой тон принимали крымские ханы в сношениях с Москвой в эту эпоху. Сахиб-Гирей, например, в 1538 г. грозил Московскому государю: «Более 100 тысяч рати у меня есть; и возьму шед из твоей земли по одной голове, сколько твоей земли убытка будет и сколько моей казне прибытка?... твою землю возьму; а ты захочешь мне лихо чинить, на мою тебе землю нейти»⁵.

С другой стороны, с конца 1540 г. начинаются блестящие успехи Москвы в борьбе с татарскими ханствами Поволжья и вслед за завоеванием Казани и Астрахани намечается, как известно, широкая программа действий против Крыма и вообще на юге; усиленно налаживаются связи с ногаями и с Северным Кавказом. Дм. Вишневецкий в течение ряда лет числится на московской службе, благодаря чему на острове Хортице в эту пору сидят люди «царским именем», а в отряде Вишневецкого находятся путивльцы. Организуются удачные походы в Крым дьяка Ржевского и Даниила Адашева, представлявшие как бы боевую разведку. Девлет-Гирей терпит одну за другой неудачи в предпринятых им попытках больших набегов в 1552, 1555 (несмотря на урон, понесенный Шереметьевым под Судьбищем) и в 1559 гг.

Ливонская война заставила, однако, свернуть эту программу действий против Крыма. Вновь пришлось уделить большое внимание югу, когда ослабление этого внимания и поглощение главных русских сил борьбой в Прибалтике привело к тому, что татарская опасность вновь стала очень грозной. Но теперь, в условиях, когда продолжалась и становилась все более трудной борьба на северо-западе, когда достигла наибольшего обострения внутри страны борьба царя с боярами и самая опричная система переживала кризис, не приходилось думать о наступательных операциях против Крыма. Были предприняты широкие мероприятия, но мероприятия оборонительного характера. Именно тогда развертываются работы по реорганизации сторожевой и станичной службы. Несомненно, что и при такой, ограниченной оборонительными задачами, постановке дела, оно требовало немало сил и средств, и это неизбежное разделение сил должно было неблагоприятно сказаться, в числе прочих причин, на положении в Ливонии в 1570-х годах. Но зато на юге был достигнут несомненно большой положительный результат. В течение последних двух десятилетий века не только удавалось предотвращать татарские набеги внутрь страны, но и началось быстрое освоение значительных пространств «дикого поля», и появилась целая серия городов на верхней Оке и в бассейне Дона и Дона.

Ближайшим толчком, вызвавшим реорганизацию станичной и сторожевой службы в 1571 г., явился, вероятно, турецко-татарский поход к Астрахани в 1569 г.; реформа должна была стимулироваться и теми сведениями, которые приходили в Москву в 1570 г. о подготовке крымцев к новому крупному нашествию. Решения, принятые в начале 1571 г. кн. Воротынским, поставленным во главе всего этого дела, однако еще не могли быть реализованы к тому моменту, когда разразилось нашествие Девлет-Гирея (май 1571 г.), и осуществлять реорганизацию пришлось уже после этого нашествия и под тем впечатлением, какое произвели его страшные результаты.

Система оборонительных мероприятий на юге, соответственно двум главным задачам, которые перед ней ставились, — дать во-время сведения о движении татар и, по возможности, задержать это движение, — сложилась из двух основных элементов: 1) сторожевой и станичной службы, 2) засечной черты.

1. СТОРОЖИ И СТАНИЦЫ

Для изображения на прилагаемой карте системы сторожевой и станичной службы взят конкретный момент, а именно начало 1570-х гг. Выбор его объясняется, во-первых, наличием ряда актов 1571 г., обязанных своим происхождением работе, проведенной в этом году приказом М. И. Воротынского, во-вторых, несомненным эффектом, который дала эта работа. К этому следует добавить, что позднее, начиная уже с 1574—1575 гг., когда преемником Воротынского становится боярин Н. Р. Захарьин, и потом при царе Федоре, в связи с возникновением целого ряда городов на юге, производится значительная перестройка системы не в общих ее основах, а в конкретном топографическом развертывании — перестройка, которая идет постепенно и по частям, что делает трудным выбор нового момента, столь же удачного для синхронистического рассмотрения принципов построения и внутренней взаимосвязи отдельных элементов.

1 января 1571 г. Иван IV назначил одного из своих известнейших воевод, князя Мих. Ив. Воротынского, «ведать станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы».

Сторожевая и станичная служба отнюдь не была Воротынским организована впервые или сызнова: она лишь получает в этот момент развитие и более точную регламентацию.

Хорошо известно, что сторожевая служба упоминается еще в XIV веке, а летописные записи на протяжении всего XVI века содержат сообщения о вестях, доставленных сторожами и станичниками. Воротынский начал с того, что велел «доискаться станичных прежних списков» и созвал в Москву станичных голов, их товарищей, станичников, станичных вожей и сторожей, «которые ездят... в станицах на поле к разным урочищам и которые преж сего езживали лет за десять и за пятнадцать». Этот вызов касается как тех, которые ездили в станицы и сторожи из городов в порядке несения городской службы, так и тех, которых посылали в «поле» воеводы полков, стоявших «на берегу».

Вызваны были и старые, и увечные, лишь бы это были люди, которые «наперед того в станицах и на сторожи езживали». Воротынский особо интересовался теми станичниками и сторожами, которые «в полону были, а ныне из полону вышли». Словом, созваны были все те, чей опыт и наблюдения могли пригодиться для наиболее рациональной реорганизации системы. Вызванные станичники и сторожа съехались

в Москву в январе—феврале 1571 г. и подверглись расспросу, который должен был дать материал для разрешения следующих проблем: «из которого города и по которым местом и до коих мест пригоже станицам ездити, и в которых местех сторожем на сторожах стояти и до коих мест по которую сторону от которые сторожи разъездом бывати, и в которых местех головам на поле стояти для бережения от приходу воинских людей, и по кольку человек с которою головою и каким людем на государеве службе быти, чтобы государю про приход воинских людей быть не безызвестну, и воинские б люди на государевы украини безвестно не приходили»⁶.

В этой формулировке задач проводимого Воротынским совещания с служилыми людьми четко разграничены различные элементы службы «на поле». Они таковы: 1) сторожи, которые «стоят», — но лишь в том смысле, что имеют в своем ведении каждая лишь небольшое пространство, внутри которого однако совершают «разъезды»; про них в другом месте говорится, что они «стоят, с конь не сседаая» и «ездят по урочищам», 2) станицы, которые «ездят», пересекая «дикое поле» на большом пространстве, и 3) головы, которые — с приданными им людьми — «стоят» в определенных пунктах, образуя административные и контрольные центры всей системы «бережения от приходу воинских людей».

Следует отметить, что задачи всей «польской службы» определены как задачи наблюдения, а не боевого охранения границ.

Именно совещанием Воротынского со съехавшимися станичниками и сторожами и был выработан известный приговор, датированный 16 февраля 1571 г., который явился, по существу, уставом сторожевой и станичной службы⁷. Значение совещания в деле выработки этого приговора указано в заключительных словах цитированного выше документа, который предваряет текст приговора в книге Московского стола Разрядного приказа: «... и по государеву приказу боярин князь Михайло Иванович Воротынский с товарищи о станицах и о сторожах и о всех польских службах сидел и станичных и сторожевых голов и станичников и вожей, и о полках и урочищах и о сторожах спрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльней, а распрося их, приговор велел написати».

Ближайшим образом этот приговор касается системы донецких сторож и станиц, выдвинутых дальше всего на юг, но можно думать, что установленные в нем принципы и нормы имели для оборонительной службы на юге и более общее значение.

Приговор говорит прежде всего об организации при помощи сторож непрерывного наблюдения за татарскими шляхами в «диком поле»; он в следующих выражениях предписывает сторожам совершать постоянные объезды назначаемых им участков:

«А стояти сторожем на сторожах, с конь не сседаая, переменяясь, и ездити по урочищам, переменяясь направо и налево по 2 человека по наказом, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни класти не в одном месте; коли каша сварити и тогда огня в одном месте не класть дважды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати. А в лесах им не ставитца, а ставитца им в таких местах, где б было усторожливо».

Вслед за правилами объезда сторожами своих участков, приговор 16 февраля устанавливает порядок действий сторожей и станичников при обнаружении на сакмах «воинских людей». Как только сторожи

или станицы подстерегут «воинских людей», они обязаны, во-первых, посылать с вестью об этом кого-либо из своих товарищей в ближайшие украинные города, во-вторых, разведывать путем личного наблюдения по следам на сакмах и другим признакам, какова численность и состав появившихся людей и каково направление их движения. Об этой обязанности сторожи производить рекогносцировку приговор говорит в следующих выражениях: «самим сторожам или станичникам (оставшимся после отсылки первых вестников — С. М.) сзади людей на сакмы ездить и по сакмом и станом людей измечати».

Приговор предписывает делать все «бережно и усторожливо», предоставляя на усмотрение самим сторожам, ехать ли им сакмой или «которыми месты пригоже, покиня сакму по праву или по леву». Собрав новые сведения, — «ездив по сакмом и сметив людей», — сторожа или станица снова посылает вестников в «ближни города».

Считается, что эти вестники всегда могут обогнать двигающийся на север татарский отряд, несмотря на то, что отправляются из пункта, находящегося где-то позади его, окольными дорогами. Они должны «ехать; покиня тех людей (т. е. татар) вправо или влево, которыми дорогами поближе, чтобы перед воинскими людьми (т. е. неприятелем. С. М.) в государевы украинные города весть была ранее, не близко перед ними».

Кроме вестей в украинные города, сторожи и станицы должны посылать с вестью к головам и сторожам, которые стоят от них «на праве и на леве». Если усмотрены на сакмах крымский царь или царевич или «многие воинские люди», т. е. налицо угроза большого нашествия, то соседние станичные головы и сторожи должны сняться и соединиться с той, которая дала весть и следовать вместе с ней по сакме, по описанному выше.

Можно думать, что это последнее предписание вызвано, во-первых, тем, что местонахождение основных сил врага уже нащупано и нет смысла сохранять наблюдение за соседними участками, и, во-вторых, тем, что требуется много людей для дальнейших посылок с вестями. Но если соседние сторожи «вскоре не сойдутся», сторожа или станица все равно должна следовать по сакме, как указано, позади татар, не задерживаясь из-за своих соседей.

Есть известное различие между сторожами и станицами в порядке подачи вестей, а именно: последние, которые ездят гораздо дальше, чем простирается район наблюдения сторож, должны, усмотрев неприятельских воинских людей «на дальних урочищах», «чинити 3 или 4 или сколько будет пригоже, посмотри по людям и по делу, от которых мест пригоже, а не от одного места», направляя эти отсылки в «ближние украинные городы», а не обязательно в те, с которыми станицы связаны административно, и как с пунктами своего отправления (как, например, Рыльск или Путивль), а затем, «проведав, куда идут воинские люди», станичники должны сами «с подлинными вестями спешить в те ж городы, на которые места они (т. е. татары) пойдут». В отличие от станичников, сторожам указано отсылать «с вестями своих товарищей в те городы, из которого города в какую сторожу ездят», но остальная сторожа, следующая по сакме за неприятелем, «сметив людей», должна, как и станицы, спешить «в те городы, к которой украине те воинские люди пойдут». Этим путем обеспечивается получение вестей как в тех городах, которые являются военно-административными центрами украин, так и в тех местах, по направлению к которым движется неприятель.

Приговор 16 февраля устанавливает далее правила дисциплинарной ответственности сторожей и станичников. Запрещая сторожам самоволь-

но съезжать со сторо́ж «не дождався... себе перемены», приговор грозит смертной казнью виновным в оставлении своего поста, «если в те поры государевым украинам учинится война». За лишние дни, проведенные в сторо́же в ожидании запоздавшей смены, предоставляется право взыскать с опоздавших по полуполтине на человека за день. Если при проверке, произведенной воеводой или головой, окажется, что станичники или сторожа стоят «небрежно и неусторожливо и урочищ не доезжают», то «хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бити кнутом». Воеводам и головам надлежит «смотреть накрепко», чтобы у сторожей лошади «были добры». Ездить на сторо́жи следует «о дву конь» и притом на таких, «на которых бы лошадях мочно, видев людей, уехати, а на худых лошадях однолично на сторо́жи не отпущати». Обязанные производить осмотр лошадей при отпуске на службу воеводы и головы должны доправить добрых лошадей тем, у кого они худы, и если «случится посылка скорая», то лошадей дать им своих или взять под свою ответственность у своих полчан, детей боярских, выплачивая им по 4 алтына 1 деньге за день.

Приговор запрещает «не быв на сакме и не сметив людей и не дождався до-прямо, на которые места воинские люди пойдут», ездить с ложными вестями, но ограничивается лишь этим принципиальным запретом и осуждением, не предусматривая какого-либо наказания за ложные вести; не трудно понять, что угроза такого наказания могла связать сторожей и станичников и приводить к опасным промедлениям: предпочитали итти на риск получения неправильной информации, нежели сужать ее источники.

Приговор заканчивается расписанием порядка смены Путивльских и Рыльских (т. е. Донецких, если иметь в виду основной район их действий) станиц и сторо́ж. Станицы выезжают из Путивля или Рыльска, начиная с 1 апреля, с интервалом в 15 дней; таким образом следуют одна за другой 8 станиц. Через 4 месяца, т. е. 1 августа, наступает вторично очередь первой и т. д. Нормальным сроком прекращения станичных выездов устанавливается 1 декабря. Но если «еще снега не укинут», следует высылать станицы и позднее 1 декабря, соблюдая ту же очередность. В Путивле и Рыльске станичники должны собираться и быть наготове за две недели до срока выезда; это делается на случай «нечто которую станицу разгонят», чтобы заменить ее немедленно с соответствующей передвижкой выезда всех последующих станиц. Этот порядок устанавливается, видимо, для каждого станичного маршрута, исходным пунктом которого является Рыльск или Путивль, а из других документов, о которых будет итти речь ниже, видно, что всего существовало два путивльских и один рыльский станичный маршрут.

Что же касается сторо́жей, то их, согласно приговору, посылают из тех же городов, начиная с 1 апреля, сроком на 6 недель каждую «с проездом», т. е. включая время, потребное, чтобы добраться до самого участка разъезда сторо́жи. Сторо́жи делятся на три «статьи», т. е. сменяющие друг друга партии, и когда они все, по выражению документа, «обойдутся», то посылают «в другой ряд сторожей на месяц и с проездом опять первой статьи» и т. д. Таким образом, сторожевой службой будет обеспечен промежуток времени от апреля до ноября, впрочем, опять-таки приговор оговаривает: «на сторо́жах стояти доколе и снега укинут».

Приговор 16 февраля не устанавливает ни численности сторожевых станиц, ни конкретного их размещения и маршрута. Он лишь отме-

Рис. 1. Сторож дает весть воеводам о движении татар.
(Миниатюра из Никоновской летописи).

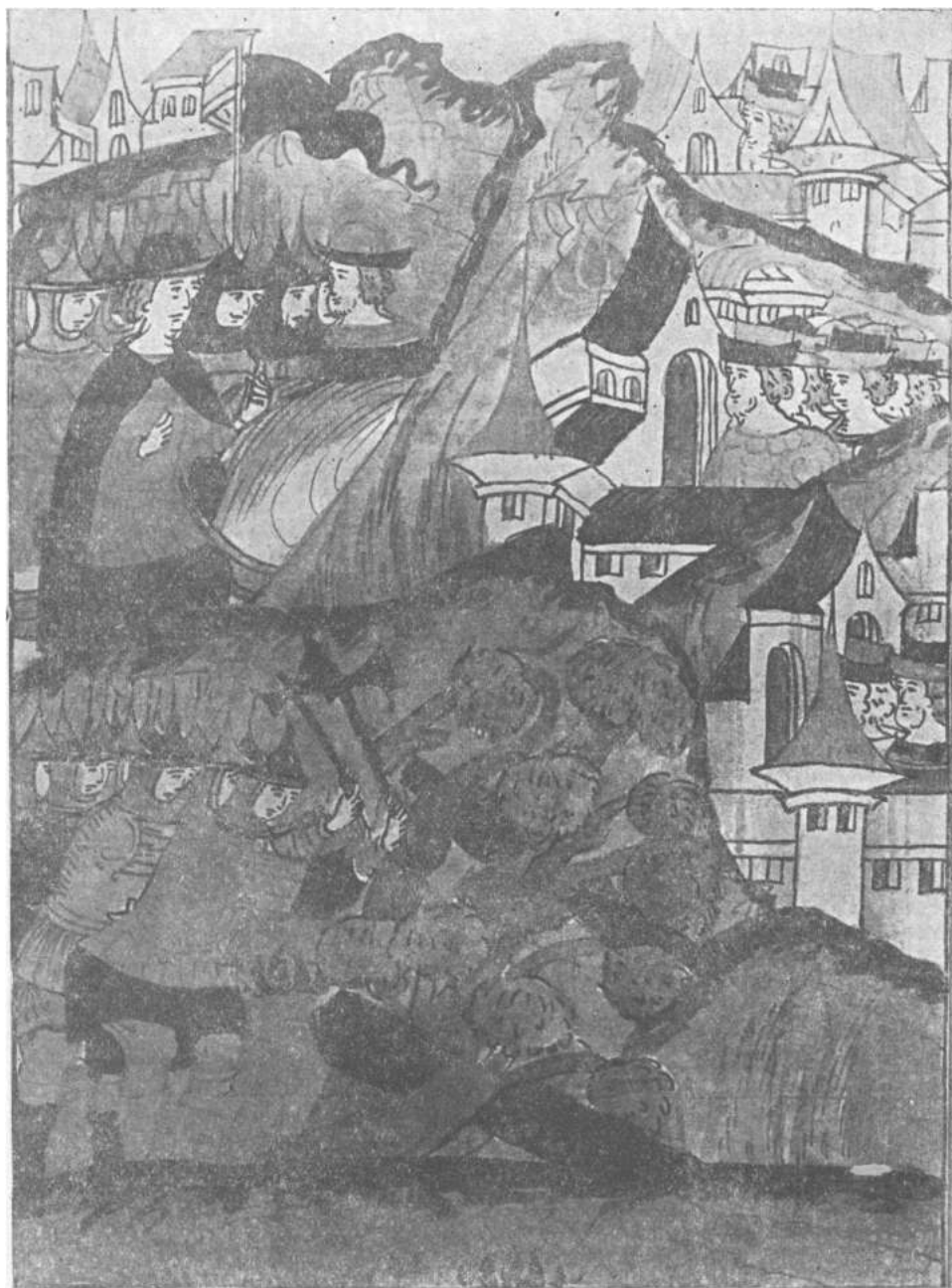

Рис. Русские воины рубят лес для устройства засеки
(Миниатюра из Никоновской летописи).

чает, что «на поле посланы по государеву наказу князь Михаил Тюфякин да диак Ржевской смотреть мест и крепостей, до коих мест и до которых урочищ пригоже будет ездити станицам и в которых местах пригоже ставити сторожи».

Мы находим в той же книге Московского стола Разрядного приказа росписи «Донецким сторожем» и «разъездам Путивльских и Рыльских станиц» по дозору кн. Мих. Тюфякина и дьяка Матвея Ржевского. Там же находим и ряд других росписей «Путивльским ближним сторожам», сторожам «по Сосне, по Дону, по Мече и иным речкам» (бассейна Дона), Мещерским сторожам; они все датируются 1571 г.⁸ Данные этих росписей приведены также в большой грамоте 1577 г., адресованной в Темников «кулунчаку» князю Еникееву в момент, когда проводилась реформа Н. Р. Захарьиным и дьяком Вас. Щелкаловым.

Мы видим из этих документов, что в каждой из шести Донецких сторожей насчитывалось по 6 человек (по три из Рыльска и Путивля). В других местах наиболее обычна численность в 4—6 человек, реже 8—10. Из их состава, как можно понять из изложенного выше приговора 16 февраля, 2 или 4 человека (в зависимости от того, совершался ли разъезд в одну или одновременно в обе стороны) должны были находиться постоянно в движении, тогда как двое, видимо, оставались на отдыхе. Протяжение участка, по которому сторожи разъезжали, могло быть очень различным: у Донецких сторожей оно равняется в трех случаях 35 верстам, в двух — 40 верстам, а в одном—70 верстам. Такого длинного разъезда, как этот последний, в других местах не встречаем. Так, некоторые из Алатырских сторож ездят на пространстве в 35, 40, 50 верст, а у большинства сторож разъезды ограничиваются 15—30 верстами; в нескольких же случаях расстояние равняется всего 5—10 верстам. Наконец, известны в росписях и сторожи, которым предписывается «стояти без разъезду»; в таких сторожах числилось 2—3—4 человека и к ним, очевидно, непосредственно не приложимо цитированное выше предписание приговора 16 февраля о порядке разъездов.

Оно не приложимо, разумеется, и к станицам, которые не совершали разъездов, а двигались в одном направлении до указанного им конечного пункта, а оттуда назад. Их движение нормируется лишь общим сроком, предоставляемым для него, и маршрутом, детально указанным в росписях.

Какие же районы были охвачены обрисованной только-что системой сторожевой и станичной службы? Прежде всего, заметно выделяется группа из 6 донецких сторож, которые чаще других выступают перед нами в актах 1571 г. По совокупности они охватывают своим наблюдением все пространство от верховьев Мерла и бассейна реки Уды до берегов Сев. Донца в 50 верстах ниже впадения Бахмута, так что пересекаются и оказываются под надзором все три важнейших татарских шляха, Муравский, Изюмский и Калмиусский, как раз там, где расстояние между ними всего шире, и целый ряд второстепенных шляхов, связанных с разными переправами через Донец.

Места разъездов этих сторож вытягиваются непрерывной линией, одно за другим, причем 4 из 6 располагаются во всю длину своих участков по левому берегу Донца⁹. Донецкие сторожи дальше всего углублены в степь, на юг. Это наиболее ответственный и трудный участок сторожевой службы (№№ 1—6 на карте). Наносить эти сторожи на карту, я могу претендовать лишь на уточнение разъездов первой и второй из них по сравнению с картами Беляева и Замысловского; остальные даны так же, как у этих авторов.

7 Путивльских и 2 Рыльских ближних сторожи разбросаны разрозненными звеньями между реками Сейм, Сула, Псёл и Ворскла в их верхнем течении (№№ 7—15 на карте). Под их наблюдением первый фланг всей южной оборонительной полосы; через район их деятельности проходит так называемый Бакаев шлях. Эти сторожи на карте Беляева отмечены лишь в более поздней — XVII века — трансформации, а у Замысловского отсутствуют совершенно. Далее следуют 42 сторожи, которые распадаются на несколько групп: Донские (или Данковские) — их 14 (на карте №№ 16—29), Новосильские — всего 11 (на карте №№ 30—40), Мценские — всего 4 (№№ 41—44), Орловские — всего 7 (№№ 45—51), Дедиловские — всего 5 (№№ 52—56) и Елифанская одна (№ 57).

Они располагаются, во-первых, непрерывной цепью от верховьев Оки к р. Быстрая Сосна, вдоль по этой реке (по ее левому, северному берегу) до впадения в Дон, вниз по Дону до Кривого Бора и попереку междуречья Дон—Воронеж; во-вторых, позади этой цепи отдельными звеньями от верховьев р. Навли южнее Карачева к Дону в районе Данкова и за Доном южнее Ряжска. Эти группы сторож составляют как бы вторую линию по отношению к Донецкой и Рыльско-Путивльской группам, держа под наблюдением те же шляхи, ведущие татар к Оке и их различные ответвления.

Если взять направление Крым—Тула—Серпухов—Москва, то оно оказывается пересеченным сторожами, во-первых, на Донце, во-вторых, на Быстрой Сосне, в районе Ливен, в-третьих, на водоразделе Зуши и Красивой Мечи у Ефремова, в-четвертых, наконец, южнее Дедилова.

Часть донских сторож была рассчитана также на контроль над ногайскими шляхами, идущими от нижней Волги к Ряжску и Рязани.

В северо-восточной части огромного театра сторожевой службы располагаются 10 сторож: Мещерских (или Алатырско-Темниковских) — всего пять (на карте №№ 58—62), Шацких — две (№№ 63—64) и Ряжских — три (№№ 65—67). Они прикрывают рязанскую Украину со стороны как Крыма, так и ногаев, и разбросаны по одной или по две рядом на большом пространстве от бассейна р. Суры до р. Воронежа, ниже слияния Воронежа Польского с Лесным.

Из всех этих последних групп у Беляева и Замысловского отмечено лишь кое-что, не всегда верно или в очень обобщенном виде.

Перехожу к станицам.

1-ая Путивльская станица (на карте — I), отправляясь из Путивля на юг, пересекает Псёл и Ворсклу, идет к урочищу Валки между верховьями Коломака, Орчика и Мжа, пересекает здесь Муравский шлях и следует затем вдоль правого берега Донца («вниз по Донцу с крымскую сторону») к Святым Горам, а оттуда вверх по Торцу к верховьям Самары и назад в Путивль «теми же урочищами».

Маршрут 2-ой Путивльской станицы (на карте—II) проходит несколько восточней. Пересекая Псёл и Ворсклу выше по течению, чем первая, эта станица попадает на р. Мож и у Змиева Кургана «перелезает» Донец на «ногайскую сторону», т. е. левый берег, которым следует до устья Черного Жеребца, где переходит на «крымскую сторону» и поднимается по р. Бахмут к ее верховьям и к Калмиусскому шляху, а затем к верховьям Миуса. Ее последние этапы и конечный пункт обозначены в росписи следующим образом: «ехати... до правые рассошины Бахмутовой столпи, да рассошнюю на гору верст с 10, да тое рассошину перелезти, да ехати на гряду прямо, а с тоя гряды видети девять курганов, которые стоят верх Тору и Миюсу, а на девятом

кургане, на крайнем от Миюсского верховья; яма великая, станет в ней до 10 человек на конех, а в ней растет терн и бозовой куст, да под тем же курганом царев шлях, коли шел царь к Астрахани, а оттуда приехати к верховью на Миюс, да туто рассмотрети признаки: насечен крест на дубу снизу верховины Миюжские, а от тех мест поворотити назад к Путивлю».

3-я станица (на карте—III), из Рыльска шла на Карпово сторожевище (где впоследствии, в XVII веке, был поставлен город Карпов), затем вилась вдоль Муравского шляха, несколько раз пересекая эту чаще всего используемую татарами дорогу, и завершала свой путь за верховьями Орели, где станичники должны были «досмотрети у ровня в долине ни низу признаки, которую признака положили князь Михайло Тюфякин да дьяк Ржевской, а признаки подписаны на дубу, лето да месяц да число, да имя князя Михаила Тюфякина да дьяка Ржевского, да оттуда поворотити в Рылеск теми же урочищи».

На картах Беляева и Замысловского маршруты этих станиц или не указаны вовсе, или представлены в некоторых местах чрезвычайно схематизированно в виде длинных прямых линий, причем слиты со сторожами. Расстояние, покрываемое этими станицами, можно определить примерно в 400—500 верст в одну сторону, исходя из того перевода «днищ» в версты, которое обычно дают акты¹⁰. Численности этих станиц росписи, опубликованные в «Актах Московского государства», не указывают.

Путивльские и Рыльские станицы держали под своим наблюдением в основном тот же район, что и Донецкие сторожи, однако, значительно расширяя его и на юго-восток, и на юг, и на северо-запад. Каждый пункт станичного маршрута посещался дважды на протяжении двух недель при следовании станицы вперед и назад. Проезжая мимо урочищ, по которым совершали разъезды сторожи, или невдалеке от них, станичные головы получали, видимо, возможность контролировать их деятельность и оказывать им помощь. Сторожа извещала, как мы видели выше, находившуюся недалеко станицу, о сделанных ею тревожных наблюдениях, и последняя должна была в известных случаях, «снимаясь», соединяться со сторожей.

Выше было указано, что при начале совещаний Воротынского со станичниками и сторожами в январе-феврале 1571 г., как один из предметов обсуждения и реорганизации, наряду со сторожами и станицами, намечались особые «головы», которые «стоят на поле для бережения от приходу воинских людей».

Приговор 16 февраля ничего не говорит нам об этом элементе системы, но, во-первых, вслед за росписью Путивльских и Рыльских станиц мы находим роспись «местам, где стоят станичным головам в поле», со ссылкой на известный уже нам дозор Тюфякина и Ржевского и, во-вторых, 21-м февраля датирован особый приговор того же совещания Воротынского «с станичными головами и с станичниками и с вожи» о том, «где быти сверх сторож, которые будут из украинских городов, на поле головам».

Первый из этих двух документов говорит о четырех головах: первый (на карте—IV) стоит под Муравским шляхом на р. Мерле и рассылает от себя станицы: направо, т. е. в югозападном направлении, «меж Орчика и Коломака» до самого Днепра у устья Орели («коли надобен») с пересечением «нижних шляхов», и налево—через шляхи, ведущие к Донцу до устья Берека. Поездка первой станицы должна занять четверо суток («днищ»), а второй — трое с половиной суток.

Второй голова (на карте—V) стоит на Донце у Солёных озер против устья Берека, и от него станицы ездят направо к верховьям Орели (1½ «днища») и налево к Усть-Айдару (2 «днища»).

Третий голова располагался у верховьев Ворсклы на Карповом сторожевище (на карте — VI), посылая оттуда станицы: направо к Днепру в устье Ворсклы (6 дней пути), налево вдоль Муравского шляха к верху Орели (3 «днища добрая» пути).

Четвертый голова — в «Одолажских ровнях», т. е. на р. Водолаге у Муравского шляха (на карте VII), шлёт людей направо к устью Орели и налево — вдоль Донца и Торца к верховью Самары (во втором случае — 4 дня пути).

Как часто и в каком числе должны ездить люди в станицах от голов, — не указано. Более обстоятельные сведения мы имеем о четырех так называемых головах «в поле».

Первого из них посылают из Казани стоять на Волге под Караманским лесом (на карте — VIII); от него ездят налево до Тетюшей, куда езды «днища с 4», а направо до верховья Балыклеи¹¹, куда «проезду днища с 3 и меньше»; в станицах этих должно быть по 6 человек и посылают их «пропущая меж станиц по неделе»; выходит, как это прямо и указано в приговоре, что станицы выезжают одна за другой, не дожидаясь возврата предыдущей и встречаясь с ней уже в пути. При Караманском голове находится 135 человек детей боярских и казаков. Этими людьми он обеспечивает наблюдение на широкой полосе вдоль правого берега Волги (от Тетюшей до устья Балыклеи 7 дней пути в общей сложности), в таком районе, где нет службы сторож.

Второй «голова в поле», посылаемый из Шапка, стоит на Дону «на Ногайской стороне и в Вежках», выше Медведицы и Хопра (на карте — IX). От него станицы «переезжают гряды направо за Дон вверх Айдару... проезду... 2 дни», а налево к Волге до устья Балыклеи проезда 4 дня; в этих станицах по 4 человека и интервал между ними 3 дня. Всего при втором голове 120 человек.

Третий голова в поле из Дедилова стоит на Осколе, в устье Убли (на карте — X). От него ездят налево к верху Айдару (4 дня пути), направо — к Короче и Кореню (2—2½ дня).

Наконец, четвертый голова из Орла поставлен на Сейме, в устье Хона (на карте — XI). От него станицы следуют налево к верху Корочи и Корени с проездом в 2—2½ дня, а направо к верховьям Реута с проездом в «днища и меньше».

Про численность станиц от последних двух голов и сроки их выезда сказано только: «от Семьских и от Оскольских голов посылать станицы по тому ж, где дале будет, по шти человек в станице, где ближе по 4 человека переменяясь, а не дожидаясь первых станиц, которые перед ними поедут». При этих головах находится: на Осколе 106, а на Сейме 96 человек.

Полагаю, что не указанное в источниках число людей в станицах, разъезжавших от других голов, было примерно таким же, как и в последних случаях, т. е. 4—6 человек.

Эти разъезды станиц от голов в поле должны были очень существенно усилить систему наблюдения, создаваемую сторожами и Путивльско-Рыльскими станицами; некоторые из них могли служить и для контроля над Донецкими сторожами. Они к тому же заполняли большие бреши, которые оставляли другие элементы системы.

Чтобы отметить известное различие в организации станиц и сторож, укажу выражение, которое мы встречаем в летописном тексте о событиях 1555 г. (перед битвой при Судьбищах): «Как воеводы пришли вверх

Мжа и Коломака, и прибежал к ним сторож от Святых гор да станишник Лаврентий Колтовской товарища прислал». Сторожа в стороже, видимо, не связаны внутренней субординацией, несут равные обязанности и ответственность, тогда как в станицах люди находятся под началом одного лица, посылающего их с вестями.

Карта наглядно показывает, с какой густотой располагались все перечисленные средства наблюдения в бассейне Дона, пересекая здесь основные татарские шляхи, причем позади этой передовой линии располагались на значительном расстоянии к северу звенья ближних Путивльских и Рыльских, Донских, Новосильских, Мценских, Орловских и Дедиловских сторож.

2. ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

Далеко позади тех урочищ, по которым «стоят» в особом, условном значении этого слова, сторожи и ездят станицы, татары должны были натолкнуться в том или ином пункте на сильную, непрерывную линию различных сооружений, которую, вслед за А. И. Яковлевым, будем называть «засечной чертой».

Считаем вполне возможным использовать для нанесения на карту и для предлагаемого здесь описания те материалы по топографии засечной черты и по ее устройству, которые приведены в работе А. И. Яковлева, хотя они и относятся к 1638 г. Дело в том, что в этом году производилось лишь восстановление и исправление старых засек и различных, дополняющих их, сооружений, которые, несомненно, устроены были еще в XVI веке.

Как указывает Яковлев, засечная черта, «сраставшаяся десятилетиями, если не веками», сомкнулась «в связную и сплошную систему» в 60-х годах XVI века. Исследователь полагает, что объезд «украинных мест» царем в 1566 г. был связан именно с окончанием больших работ по формированию сплошной засечной черты.

Засечная черта проходила в лесной полосе южнее Оки. На востоке она упиралась в Оку у Переяславля Рязанского (т. е. Рязани), на западе, пересекая верхнюю Оку, кончалась в верховьях Жиздры. Ее протяжение составляло более 600 верст. Эту основную линию дополняли вынесенные вперед, к югу и юго-востоку, линии засек от Крапивны к Белеву и от Шацка к Рязску и Скопину. Вместе с ними протяжение засечной черты исчисляют примерно в 1000 верст¹².

Главное сооружение засечной черты — лесные завалы. Завалы, или, собственно, засеки, располагались не на опушке, а на некотором расстоянии от нее, в глубине лесного массива. Деревья рубились предпочтительно не у корня, а на высоте 1—2 аршин. Сохранявшиеся высокие пни играли роль вертикальных столбов, скрепляющих завал и мешающих разобрать его. «А лесной завал крепок, подыман на пенья» — гласит один из документов дозора 1648 г. Деревья валились вершинами на юг, т. е. в сторону неприятеля. Ширина завала была от 10—20 до 50—60 сажен. Это было, таким образом, весьма внушительное сооружение.

Там, где лес не был достаточно густ и велик для устройства надежного завала, и где не было и болот, там, в частности в поймах рек, должны были воздвигаться иные сооружения. Таковы надолбы, т. е. тын из вбитых в землю высоких бревен, иногда с поперечниками; надолбами особенно часто укрепляли места возле острогов или стежек, проделанных в засеке вопреки запретам. Таков «частик» или «чесник» — небольшие колья, поставленные очень густо, которые иногда соединялись на одном участке с надолбами. Они применялись, в частности, у речных бро-

дов, где вбивались в дно. Таковы, далее, земляные валы и рвы и, наконец, остроги и башни с воротами, которые непременно ставились в местах, где засеку пересекала дорога и вообще в наиболее открытых и опасных местах.

Приведу из материалов дозора 1638 г. несколько примеров описаний, содержащих как ссылки на старые укрепления, оставшиеся от XVI века, так и сведения о производимых вновь работах, которые можно считать вполне типичными и для более ранних сооружений, и которые во всяком случае не должны были их превышать, а скорее уступали им по масштабу.

На Дубенской засеке природные данные описаны так: «с польской и русской стороны по обе стороны засеки прошел лес черный верст на 40 и 50 и больше, и в тех лесех и в засеке многие речки и болоты и лишары и топкие места и колодези и озера». Здесь «у Дубенских ворот (т. е. у дороги. С. М.) была башня, да были двои ворота створные, да ворота опускаемые, да 9 колод опускаемых, а по обе стороны дороги на 155 саженьях были надолбы в два ряд и отводные надолбы на 35 сажень. Да подле Дубенских ворот вдоль по засеке протекла речка Дубенка. А от села Середич до Бобринской засеки на 7 верстах, вдоль по засеке, засека худа и узка, в ширину версты с полтретьи и с заповедным лесом... и на тех 7 верстах без земельного вала быть не уметь». Таким образом, ширина леса в 2½ версты считается недостаточной, чтобы обойтись одной засекой, здесь нужен еще земляной вал¹³.

Местность, по которой проходила Сенецкая засека и ее укрепления, старые, XVI века, и вновь сделанные в 1638 г., воеводы описывают таким образом: «вал валит лесной без пропуска, а рек, и озер, и пропащей, и сенных покосов, и палых мест нет нигде по тому валу кроме болот, и по болотам лес же порос большой и частой, на лошади ехать немочно, и пешой едва пройдет». Раньше здесь была «проездная башня» с воротами, подъезды к ней закрывались спускными колодами; «пониже ворот опускаемых речка Сенець, а через тою речку был мост 20 сажень». За речкой перед мостом была колода опускаемая, за ней были ворота створные, за ними еще одна колода опускаемая, затем башня проездная с воротами, две колоды опускаемые, опять ворота опускаемые, снова колода, ворота створные, три колоды опускаемые. По сторонам дороги двойные надолбы. В 1638 г., делая вновь «на Карачевской дороге с польской стороны 160 сажень надолб по 2 ряда на каждой стороне», воевода при этом опирается на сказку «старожильцев — тутошних кольных людей» и на ее основе дает распоряжение надолбы делать «с огнивами¹⁴, по старине»¹⁵.

На Кцынской засеке «от Муравлевой деревни от Сухочева пошло дуброва, реткое место, и полянки до речки до Бобрика, где были старые ворота на речки на Бобрике, а от ворот по Бобрику вниз и до Оки реки. Да от тех же ворот вверх по Бобрику и до лесу того места на 7 верстах по обе стороны речки Бобрика лес мелкой и реткой стоят кустами, место чисто, да исходили болота по обе стороны речки Бобрика, и где болота, то место крепко, не перелесть на конях, тут же меж болот место сухое, то перелесть мочно через Бобрик. А в старицу креплено было: бит чистик во всю речку Бобрик и до лесу, да надолбы были по обе стороны речки Бобрик частые, да на том же месте Оки реки и до лесу было поставлено 27 башен для приходу татарского, а меж башен был поставлен острог стоячей прямой»¹⁶.

Предполагалось, что к тому времени, когда татары выйдут к засечной черте, воеводами «на берегу» и в Москве уже будут получены вести о появлении врага и приняты меры.

Засечная черта не только механическое препятствие, преодолевая которое конный татарский отряд должен непременно потерять некоторое

время, но и рубеж, к которому стягиваются силы для боя с татарами. Описывая состояние Слободецкой засеки в 1638 г., засечный воевода в заключение писал: «за теми крепостями Слободецкой засеки быть мощно, только будут на засеке государевы служилые люди с вогненным боем». В 1555 г., после неудачной битвы при Судьбищах, в 150 верстах южнее Рязани, сражение с татарами разыгрывается затем как бы во второй линии у засеки, где воевода Ал. Дан. Басманов «наехал в дуброве коши своих полков и велел тут бити по набату и в сурну играти и к нему съехали многие дети боярские и боярские люди и стрельцы, тысяч с 5, с 6, и тут осеклися». Про смертельное ранение, полученное в этом бою вторым воеводой Сидоровым, прямо сказано, что его «тут, в засеке ранили». Бой в засеке еще в более раннее время изображен в летописном рассказе¹⁷ о татарском набеге на Тулу в 1518 г., когда воеводы Василия III преградили в лесах путь татарам при возвращении их назад, на юг.

В некоторых местах в засеках устраивались приспособления для наблюдения и сигнализации. Так, в Семеновской засеке в 1638 г. «для ясаку и приходу воинских людей» поставлены были на больших деревьях кузова со смолой и берестой. Там же велено «по засеке в назначных местах к назначным деревьям лестницы поставить, чтобы было видеть с деревья от караула до караула». Такие лестницы стояли в Семеновской засеке в 37 местах. Более обычным было, повидимому, наблюдение с башен.

Леса, в которых располагались засеки, объявлялись заповедными. Запрещалась их порубка и прокладывание через них дорог, кроме тех, которые были на учете у воеводы и ограждались острогами и башнями. Даже на современной карте видны полосы лесов, тянущиеся там, где проходила засечная черта. Видимо, существовали места, где не было — не считая незаконно проделанных местными жителями стежек — прохода и проезда через засеку на протяжении десятков и сотен верст. На Кцынской засеке в 1638 г. при осмотре ее засечным воеводой обнаружили 8 стежек, т.е. незаконно поделанных тропинок. При опросе засечные сторожа про одну из них сказали: «ходят тою стежкой Верхоруцкой волости крестьяне к приказчику и в волость на совет через сечу..., а наложили ту стежку собою, потому что их дорога в волость засечена, а обходить около — верст со 100, а через сечу перейти верст с 5».

3. ПОЖОГ СТЕПИ

Из актов 1570-х годов мы узнаем еще об одном мероприятии, намечавшемся на юге. По распоряжению Воротынского «с товарищи», датированному октябрём 1571 г., из украинских городов по особой росписи должны были высылаться станицы для пожара травы в степи, чтобы лишить татарскую конницу подножного корма и возможности скрывать свои движения. Приговор гласил: «а жечи поле в осенинах в октябре или в ноябре по заморозкам и как гораздо на поле трава посохнет, а снегов не дожидаясь, а дождався ведреные и сухие поры, чтобы ветер был от государевых украинских городов на польскую сторону, или как будет пригож, а блиско государевых украинских городов, лесов и лесных засек и всяких крепостей... однолично беречи их от огня накрепко, и блиско их огня не припускати и не обжигати»¹⁸. Эти пожары должны были охватить весьма значительную территорию. Но мы можем повторить слова Беляева, что «об успехах таковых пожаров мы не имеем свидетельств».

Быстрый рост городов и населения на южной окраине в 1580—90-х годах должен был сделать крайне трудным или вовсе невозможным осуществление пожаров. Но даже и в том случае, если пожары степей оста-

лись только проектом или осуществлялись лишь частично, они должны быть отмечены как элемент всей системы намечавшихся мероприятий, характерный для ее общего размаха.

4. ВЫВОДЫ

У Герберштейна приведен следующий рассказ: «Однажды москвиты взяли в плен одного жирного татарина. На слова москвиты: «откуда у тебя, собака, такой жир, когда тебе нечего есть» (в представлении земледельца татарину-кочевнику нечего есть. С. М.) татарин отвечал: «почему это мне нечего есть, когда я обладаю такою обширною землею от востока до самого запада? Разве от нее не могу я получить всего в изобилии? Скорее тебе нечего есть, потому что ты владеешь такою маленькою частицею земного шара и ежедневно за нее сражаешься». Если позднее того времени, когда писал Герберштейн, и было бы уже нелепо говорить, что москвит владеет маленькою частицей земли (даже в сопоставлении с татарским степным пространством), то все же и в середине и в конце XVI века русским приходилось еще попрежнему «ежедневно сражаться» за свою землю на южных рубежах и окраинах. Для того, чтобы оценить воздействие, которое оборона юга могла оказать на общий ход формирования русского военного искусства и глубоко укоренившихся в народном сознании потребностей и навыков, важно прежде всего учесть длительность, непрерывность борьбы с татарской опасностью. Длинный ряд поколений был втянут в нее, и вековая борьба вырабатывала устойчивые вековые традиции, навыки и свойства.

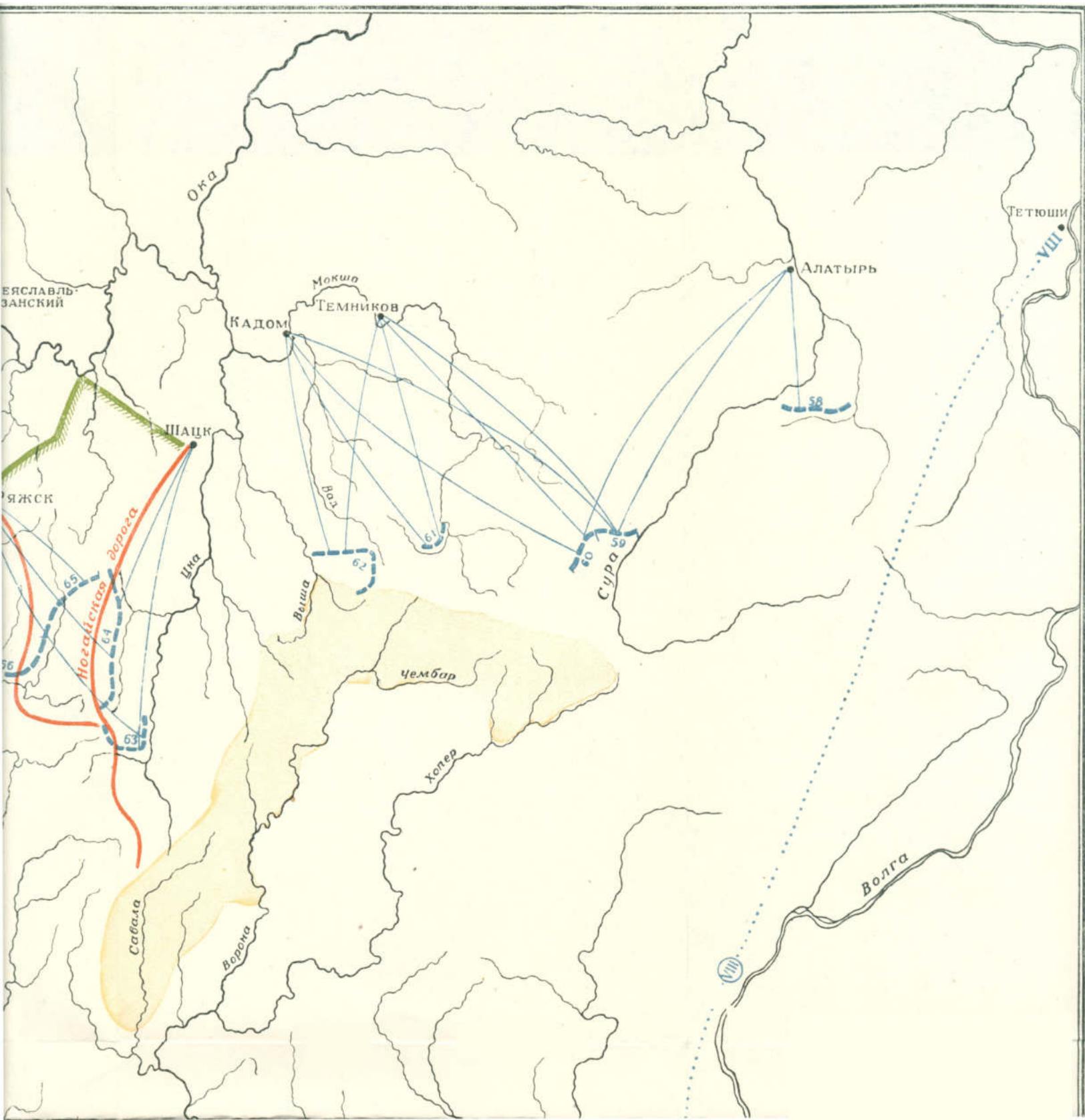
* * *

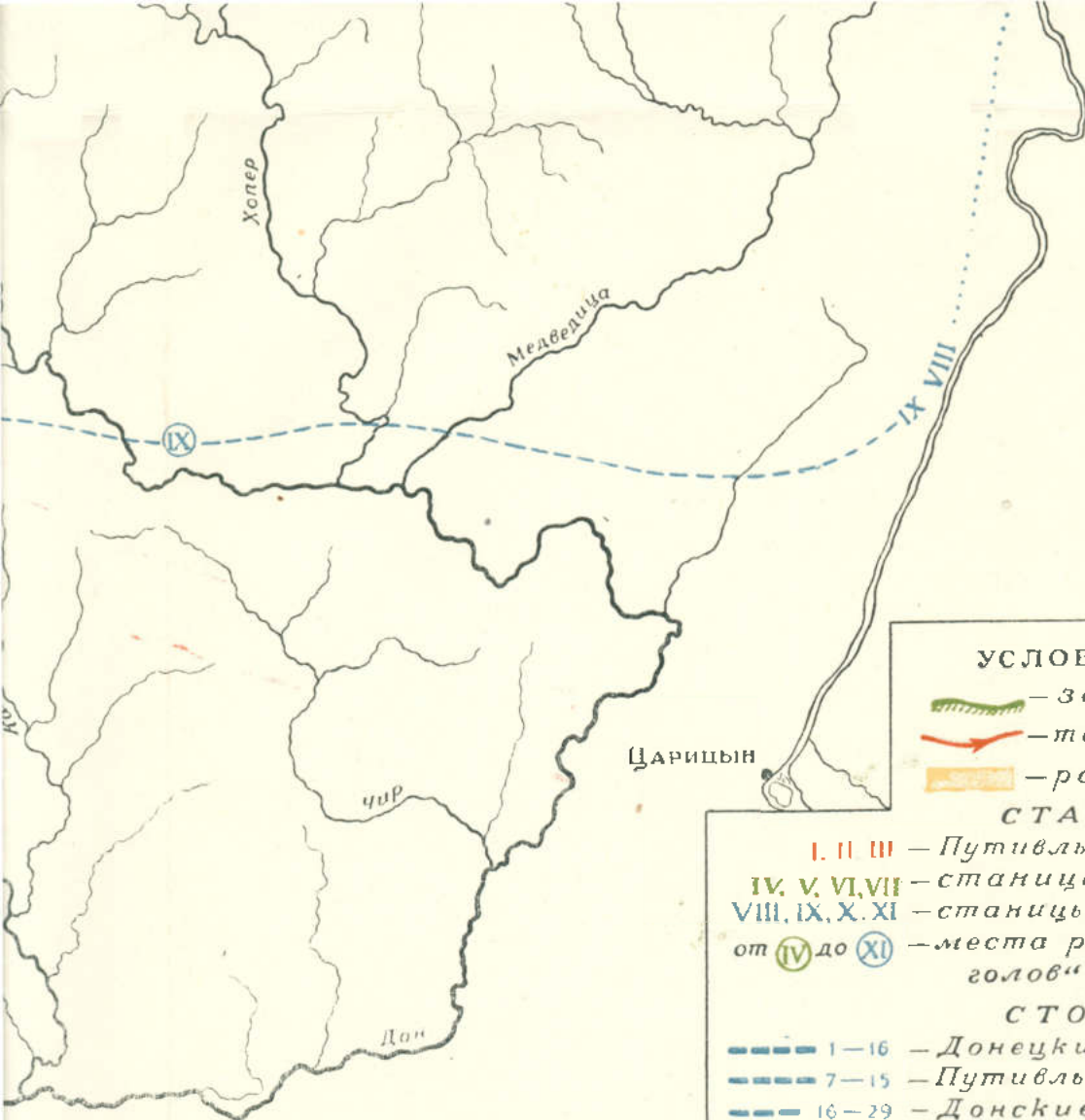
Подводя итоги, отметим те черты, которые нам кажутся наиболее существенными в обрисованной системе обороны для оценки ее значения в общем процессе развития военного дела в России.

1. Глубинное построение всей оборонительной системы, не вытянутой вдоль пограничных рубежей, а расположенной на пространстве шириной во много сотен верст от далеких степных урочищ впереди украинских городов до засечной черты и берегов Оки. Эта система была рассчитана на выигрыш времени, необходимый для подтягивания сил, на растягивание и постепенное ослабление сил противника, на действия на флангах и в тылу у него, на его сакмах. В этом отношении очень характерно движение русских и татарских сил, имевшее место в 1555 г. во время набега Девлет-Гирея перед битвой при Судьбищах. При таком построении оборонительных средств войска для обороны пограничных рубежей не растягивались в кордон, а сосредоточивались в отдельных пунктах по мере выяснения направления сил противника.

2. Эластичное сочетание неподвижных и подвижных элементов обороны, т. е. засечной черты, с одной стороны, и станиц, сторож и воевод с полками, стягиваемыми к Оке или другим рубежам — в зависимости от вестей — с другой стороны. При этом засечная черта, будучи сплошной и непрерывной (по крайней мере в принципе), отнюдь не рассматривается как неодолимое препятствие, гарантирующее от проникновения врага дальше на север; ее назначение, несомненно, только в том, чтобы задержать врага.

3. Большое значение личной инициативы в станичной и сторожевой службе, которая велась небольшими группами людей, предоставленных в основном своему собственному разумению и ловкости, на широких степных просторах, при постоянной опасности оказаться перехваченными татарами. Уставы и приговоры,

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- засечная черта
- татарские шляхи
- район пожара степи

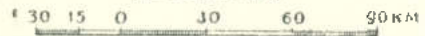
СТАНИЦЫ:

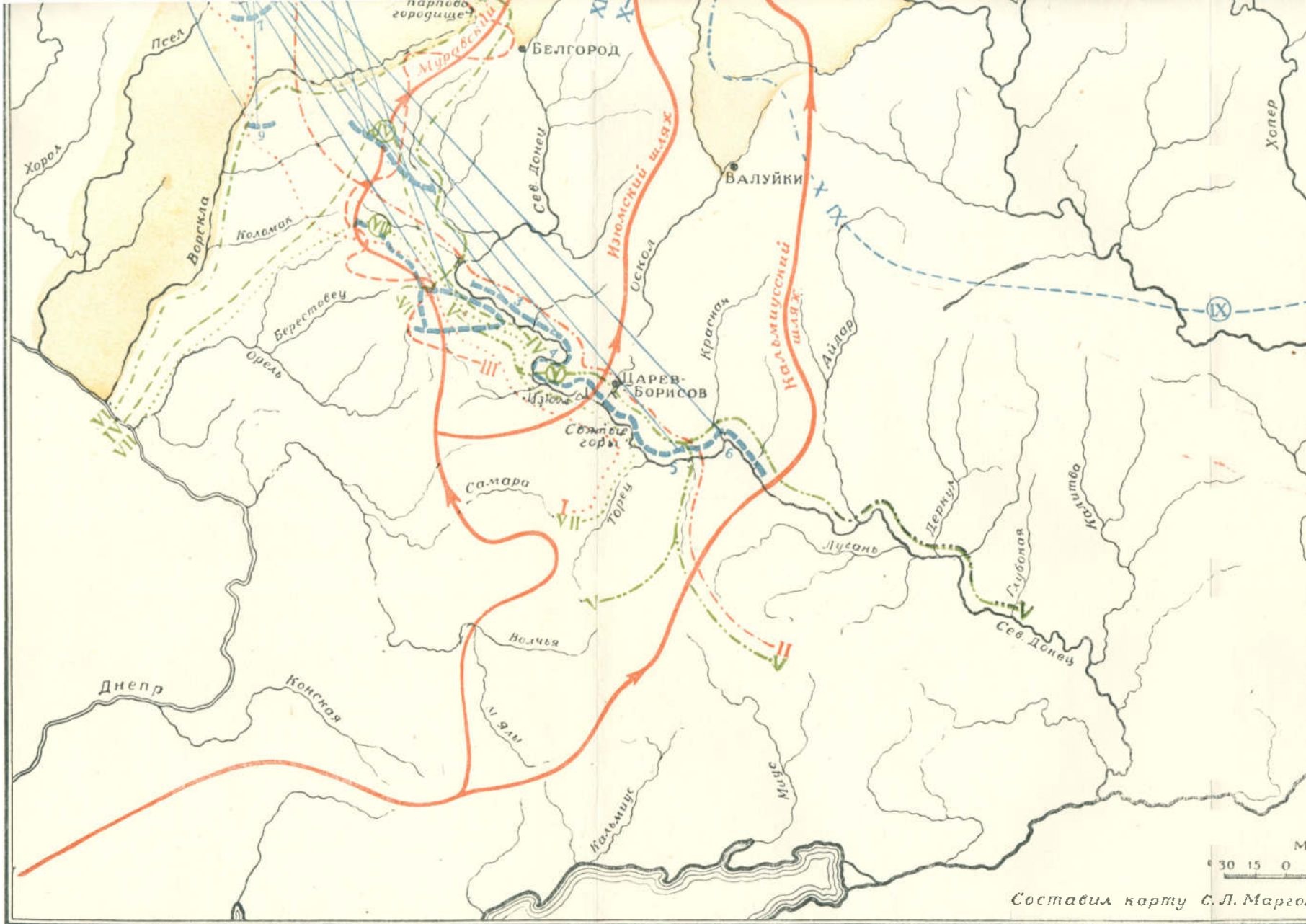
- I, II, III** — Путивльские и Рыльские
- IV, V, VI, VII** — станицы от „стоялых голов“
- VIII, IX, X, XI** — станицы от „голов в поле“
- от **IV** до **XI** — места расположения „стоялых голов“ и „голов в поле“

СТОРОЖИ:

- 1—16** — Донецкие
- 7—15** — Путивльские и Рыльские ближние
- 16—29** — Донские
- 30—51** — Новосильские, Миенские и Орловские
- 52—54** — Дедиловские и Епифанские
- 58—67** — Рязжские, Шацкие и Алатырские

МАСШТАБ

Составил карту С.Л. Марго

ОБОРОНА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ

В КОНЦЕ XVI ВЕКА

определяющие порядок станично-сторожевой службы, пестрят замечаниями вроде таких: «ехати... которыми места пригоже», «посмотря по дежу и по ходу» и т. п., а еще чаще подразумевают именно такой образ действий по собственному разумению.

4. Несение пограничной службы главным образом определенными элементами из местного населения. Кадры станичников и сторожей черпались прежде всего из местного городского казачества и мелкопоместных детей боярских. В этой связи особенно интересно отметить втягивание в станичную службу поволжских татар, чувашей и мордвы, которые составляли значительную часть станичников при «головах в поле», стоявших у Караманского леса и на Дону в Вежках. Борьба с крымскими татарами на юге в народном сознании должна была яснее, чем какая-либо другая служба или повинность, восприниматься как дело важное и необходимое, притом не только среди русского населения, но и среди других народов, оказавшихся под властью Московского государства.

Все эти особенности придают русской системе обороны на юге весьма оригинальный характер и сильно отличают ее целевые установки и общее планирование от западноевропейских фортификационных мероприятий XVI—XVII веков, а вырабатывавшуюся в ней боевую тактику и организационные схемы от тех, которые существовали в наемных и профессиональных войсках на Западе, так же как отличались от этих последних по своему национальному и социальному составу и ратные силы, на которых лежала тяжесть борьбы.

Товарищу Сталину принадлежит указание на то, как велико было значение борьбы с татарской опасностью в жизни России в период складывания многонационального централизованного государства, значение ее для самого процесса развития феодальной государственности этой эпохи, для ее территориального и этнического размаха¹⁹.

Этой общей картине соответствует и значение, какое борьба с татарами могла и должна была иметь в формировании национальных особенностей русского военного искусства.

СТОРОЖИ ПО РОСПИСЯМ 1571 г.*

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Разъезды	Расстояние в верстах		
				Крайние урочища	Вправо	Влево	Всего
I. Донецкие							
1	«Верх Олешанки Удцкве»	6 чел.	Рыльск, Путивль	Дьяков острог на Мерле—Олений Брод на р. Уды .	20	20	40
2	«На Комолше, на Комолшенских ровнях»	6 „		Верх Орели и Чепеля, «высокой ровенок к Валкам» и верх Берестовой—Шебалинов перевоз на Донце	20	15	35
3	«На Болыклее, на сей стороне Донца»	6 „		Шебалинов перевоз — устье Каменного Яр-ка	20	15	35
4	«На Изюмской сторо-же, на сей стороне Донца»	6 „		Устье Каменного Яр-ка — устье Оскола .	15	20	35
5	«На Святогорской сторо-же, на сей сторо-не Донца»	6 „		Устье Оскола — устье Тора	10	30	40
6	«На Бахмутовой сторо-же, на сей сторо-не Донца»	6 „		Устье Тора — устье Ольхового колоде-зя	20	50	70
II. Путивльские ближние							
7	«Меж Пола и Ворскла»	4 „	Путивль	Псёл — Ворскла	—	—	ок. 30
8	«Меж Пола и Семи на Крыгиных речках»	4 „		Псёл — Сейм	—	—	ок. 30
9	«На Скали у Белые Вежи... для Бакаева и иных воинских лю-дей приходу»	4 „		Без разъезда			
10	«Верх по Семи на Мо-кошевичах от Пу-тивля 10 верст»	2 „					
11	«На Семи на Россо-хах, на болоте на Волосовицах, ¹ от Путивля 20 верст»	2 „					

* Порядковые номера соответствуют нумерации сторож на прилагаемой карте.
¹ «Береги им Рыльские дороги и Волосовицов».

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Разъезды	Расстояние в верстах		
				Крайние урочища	Вправо	Влево	Всего
12	«На низ по Семи на усть Зимовья, от Путивля 5 верст» ¹	2 чел.	Путивль	Без разъезда			
13	«У Белых берегов, от Путивля 10 верст» ²	2 .					
	III. Рыльские ближние						
14	«На Семи на Пневцах, ниже Рыльска 15 верст» ³	2 .					
15	«На Корыже от Рыльска 40 верст» ⁴	4 .	Рыльск, Путивль				
	IV. Донские (Данковские)						
16	«На Сосне усть Ливен»	10 .	Данков, Епифань, Дедилов, Новосиль, Мценск	Устье Трудов — устье Кунеча	6	15	21
17	«Усть Сернавы»	10 .	Данков, Епифань, Дедилов, Новосиль, Мценск	Устье Кунача — Радужкин лес	15	8	23
18	«Усть Воргла»	8 .	Данков, Епифань, Дедилов, Рязань	«До Радужкина леса, до верхнего Рогу — устье Полны («через Елечь»)	10	10	20
19	«У Талецкого брода на Сосне ж»	8 .		Устье Полны — устье Быстрой Сосны . . .	10	8	18
20	«На Дону под Галичьими горами»	6 .	Данков, Ряжск	Устье Быстрой Сосны — устье Липовицы ⁵	12	10	22
21	«У Кривого Бору»	10 .	Данков, Ряжск	Устье Липовицы — городище Розень на Воронеже, болото и колодезь	30	6	36
22	«На Дону на Ногайской стороне, усть Скверны, против Романцовского лесу, от Данкова 40 верст»	4 .	Данков	Устье Скверны — Колодезь	—	5	5

¹ „Бережи им на Семи перелазу“.

² „На перевозе“.

³ „На перевозе“.

⁴ „На перевозе“.

⁵ „А дорога, которою ходят позадь Тишевского лесу, пришла к усть Липовицы“.

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Разъезды	Расстояние в верстах		
				Крайние урочища	Вправо	Влево	Всего
23	«Верх Скверны» . . .	4 чел.	Данков	Колодезь — Ногайская дорога	5	4	9
24	«Верх Кобельши и Ягодны, от Данкова 50 верст»	4 „	Данков, Ряжск	Кобельша и Ягодная — Ногайская дорога . .	10	—	10
25	«Верх Ряс. от Данкова 60 верст»	4 „	„	Без разъезда			
26	«На Мечи у Турмышского броду»	4 „	Данков, Епифань, Дедилов	Конь—Дрысинский брод	7	6	13
27	«На Мечи меж Зеленкова и Семенцова броду»	6 „	„	Зеленков брод — Семенцов брод	—	—	15
28	«На Вязовне повыше Вязовенского устья, на Дрыченской дороге, от Данкова 20 верст»	4 „	Данков	Без разъезда			
29	«На Вязовне на Турмышевской дороге, от Данкова 12 верст»	3 „	„	Без разъезда .			
V. Новосильские							
30	«Верх речки Любовши против Судьбища, от Новосили 30 верст»	6 „	Новосиль, Данков	Река Любовша против Судьбища — устье Гоголя (Княжой лес) . . .	—	10	10
31	У Куста против Аревского устья, от Новосили 25 верст»	4 „	Новосиль	Без разъезда			
32	«На Любовше ж усть Корытнова, от Новосили верст с 25»	4 „	„	Устье Корытнова — устье Любовши .	7	—	7
33	«На Сосне усть Речицы, от Новосили верст 70»	6 „	Новосиль, Мценск	Вязовик («вверх по Сосне») — устье Трудов	7	10	17
34	«На Сосне до усть Хвошны»	6 „	„	Моклок-Колодезь — Вязовик («до нижнего Рогу») .	7	6	13
35	«На гряде меж Перестряжа и Яковлевских лесков»	3	Новосиль	Голунский брод—Перестряж (лес)	Не указано		

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Крайние урочища	Расстояние в верстах		
					Вправо	Влево	Всего
36	«За Зушей верх большого Раковенского лесу и Половецких лесков»	4 чел.	Новосиль	р. Пшева—р. Раковна	—	10	10
37	«На Пшевском кургане против Новосили»	4 „		Без разъезда			
38	«У Зарачунского кургана против Новосили»	4 „					
39	На Вожках на Малых под Новосильским лесом»	4 „					
40	«Усть реки Каколпы под Колопенским лесом на рогу»	2 „					
VI. Мценские							
41	«Усть Колпы от Мценска верст со 100»	6 „	Мценск	Устье Кобылья—устье Моклока	13	7	20
42	«На Сосне на Луковце»			Губкино болото, Ржавая Сосна — устье Кобылья	Не указано		
43	«Верх Туровца» ¹	4 „	Мценск, Новосиль	Туровец — дорога к Неручи и устью Озерна			
44	«На Наручи усть Долгого Колодезя»	3 „	Мценск	Без разъезда			
VII. Орловские							
45	«На Семя против Городенского городища... с левую с польскую сторону»	8 „	Орел, Карачев, Рыльск	Устье Реута — устье Курицы до Юрьева городища	10 10	20 25	30 35
46	«Верх Боброка старая меж дорог, которая дорога к Карачеву и к Местилловским воротам, а другой дороге, которую приходил Бакай»	6 „	Орел, Карачев	Боброк — устье Желени	—	—	15

¹ «А беречи тою дорою, которая к Неручи и к устью Озерны».

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Крайние урочища	Расстояние в верстах		
					Вправо	Влево	Всего
47	«На Молодовой речке» ¹	4 чел.	Орел, Карачев	Без разъезда			
48	«Верх Оки»	6 "	Орел, Мценск		—	30	30
49	«На Оке, у Быстрого брода, от Орла 15 верст»	6 "	Орел		10	6	16
50	«Верх Олешан, от Орла 20 верст»	4 "	Орел, Мценск				
51	«За Окою на Рыбнице... от города 5 верст» VIII. Дедиловские	2 "	Орел				
52	«На Уперте на Каменном броду, от Дедилова 20 верст»	4	Дедилов, Елифань	Устье Белевки — Островцын брод	—	Не указано ? 4 ?	
53	«У Волова озера»	4 "	Дедилов	«До коих мест при- смотрим — верх Непрядвы» ²	Не указано		
54	«Верх Упы к Турдевы Мечи»	4 "		До сторожи Владычня Кря ³ —до Волоской сторожи			
55	«У Владычня Кря, у Муравские дороги»	4 "		Владычень Корь — до Упской сторожи ⁴			
56	«У Куземкиных Дубровы» IX. Епифанская	4 "		р. Плава — Муравская дорога			
57	«Верх Сукромны и Непрядвы» X. Алатырские	3 "	Епифань	Непрядва — Сукромна			
58	«На речке на Карсанаевой... от Мещерские стороны под рогом под Пичимром»	6 "	Алатырь	«Верх речки Карсанаевой до большого до Сурского лесу» — «вниз по речке по Карсанаеве до реки Барыша»			
59	«Усть Шокши речки под Сурским лесом»	6 "	Алатырь, Кадом, Темников	Вверх Шокши по устью реки Кивдея	15	15	30
					15	—	15

¹ „У дороги, где пригож... а к тому месту сошлись с Семи и из Рыльска все дороги“.

² „На большую дорогу, которою дорогой царевичи приходили“.

³ „Где будет пригож“.

⁴ „Где будет пригож“.

№ по пор.	Местонахождение	Численность	Из каких городов высылают	Крайние урочища	Расстояние в верстах		
					Вправо	Влево	Всего
60	«Верх Шокши под большим Мокшанским лесом» XI. Темниковские (Мещерские)	6 чел.	Алатырь, Кадом, Темников	Вниз Шокши до устья р. Кивлея	—	15	15
61	«На речке на Ламовой усть Шокши речки выше верхней дороги» . . .	6 "	Темников, Кадом	Вадовская сторожа ¹ — Мокшанский лес (вниз по Ламовой)	25	15	40
62	«Верх Бургаса и верх речки Ваду и вверх речки Ламовые» . XII. Шацкие	6 "		«Переезжати им налево ² Вадовскою и Идовскою дорогою до речки до Выши» . . .	—	40	40
63	«Под Липовецким лесом» (или «вверх речки Липовицы под большим Рогом, ниже Дубровы»)	6 "	Шацк, Ряжск	«Два леса» — р. Цна «ниж Кузьминой гати, против поля Нитрангуши»	20	15	35
64	«На Челнавой усть Ламки» XIII. Ряжские	6 "	Шацк, Ряжск	Мокеев лес — «Два леса» ³	20 30	20 40	40 70
65	«На Воронеже под большим Юрьевым лесом, у Хобота ниже Переполья и Ногайской дороги»	4 "	Ряжск	Устье Ламовой на Лесном Воронеже—Мокеев лес ⁴	15	30	45
66	«На речке на Ламовой под Воронежским под большим лесом» ⁵	4 "		р. Ламовая — устье Становых Ряс, к Большим Рясам ⁶	—	20	20
67	«На Рясах на Больших... а стояти выше Каменова броду на правой стороне от Дону» ⁷	4 "		Без разъезда .			

¹ Т. е. следующая (62).

² Предполагаю, что эта сторожа обращена лицом на северо-восток, к бассейну Суры, так как движение к Выше — налево.

³ Представлена в двух вариантах (АМГ, № 18): 1-й направо «до Мокеева лесу до дороги, которая подле Двух лесов по верх Воронежа Польского и поверх Мотыря верст с 20 налево, до Двух лесов верст с 20»; 2-й направо «до верх Воронежа Польского, до Мокеева Липяга верст с 30»; налево: «до Двух лесов переезду днище, верст с 40».

⁴ «Направо вниз по Воронежу до Ламовой речки», налево «поперек большого Воронежа до верх Воронежа Польского до Мокеева Липяга».

⁵ «Беречи ногайскую дорогу, которая дорога от Торбеева броду и от Хобота».

⁶ «Переезжати вниз по Воронежу».

⁷ «Беречи дороги... от Ряс к усть Воронежу».

МАТЕРИАЛЫ ПО ТОПОГРАФИИ СТОРОЖ И СТАНИЦ

Урочища, упоминаемые в актах 1571 г.*

Адалаг (Одолаг)	— река Водолага, приток Мжа.
Арев	— река Орев, левый приток Любовши.
Балыкля	— от Караманского леса на Волге ехать «на полон к Волге до верх Балыклей» (АМГ, № 4)—приток Волги, впадающий в нее к северу от Камышина.
Баранчеево городище	— на реке Барыш выше впадения Каргонаевой (АМГ, № 9) (?)
Белцкие поля	— район города Белка к северу от Ахтырки. (?)
Белевка	— приток реки Уперты (АМГ, № 8).
Белые берега	— от Путивля 10 верст вниз по Сейму (АМГ, № 7).
Березов колодезь	— между реками Уды и Мерефа. См. Березовое на юго-запад от Харькова (?)
Бобрйк	— приток Терни (а не Псёла), впадающий у города Терны.
Боброк	— между дорогой к Карачеву и «Местилловским воротам» в Бакаевым шляхом, в 15 верстах от усть Желени (АМГ, № 8). (?)
Болгирь колодезь	— река Болгирев, приток Мжа.
Большая Ряс	— после слияния Ягодной и Становой Ряс.
Боровня	— река Боровля, приток Ворсклы.
Боровой колодезь	— между реками Уды и Мож (АМГ, № 11). (?)
Буен Борок	— на реке Ворскле у Лосиц (АМГ, № 11). (?)
Буймирь	— приток Ворсклы. См. деревню Буймеровка к западу от Ахтырки (КР 10 в.).
Быстрый брод на Оке	— См. деревню Быстрая между Орлом и Кромами на левом берегу Оки.
Валки	— «высокий ровенок к Валком» (АМГ № 11)—урочище на месте теп. города Валки (БАГ, стр. 239 и след.).
Вежки	— «на Дону, на Ногайской стороне, выше Медведицы и Хопр» (АМГ, № 4)—район Вешенской. (?)
Вежки малые	— под Новосильским лесом (АМГ, № 8). См. у ОПП, на Зуше ниже Новосила (северозападнее) село Вежи на правом берегу и еще ниже на левом берегу «Вежи, то ж Измайлово». (?)
Владычень Корь	— между верхним течением Уны и рекой Плавой «у Муравские дороги» (АМГ, № 8). (?)
Волово озеро	— к западу от верховьев Непрядвы.
Волосовицы	— «На Семи на Россохах на болоте на Волосовицах от Путивля 20 верст». Должно быть, вверх по Сейму, т. к. — «береги Рыльские дороги» и т. к. следующая сторожа «на низ по Семи... 5 верст» (АМГ, № 7). (?)
Вязеница	— (Везеница, Везелка) — приток Северного Донца, впадающий у Белгорода.
Вязовик	— «вверх по Сосне до Вязовика верст с 7» (от усть Речицы) (АМГ, № 8). См. Вязовник против устья Тима в устье Фошны (КР 10 в.).
Вязовой колодезь	— См. село Вязовой между Люботиним и Ольшанами (западнее Харькова) (?)
Галичьи горы	— на левом берегу Дона ниже впадения Быстрой Сосны.
Голунский брод	— на реке Зуше. См. село Голунь между Перестражем и Новосилем в устье Раковки.
Городенское городище	— на левом берегу Сейма в 20—25 верстах от устья Курицы, в 10 верстах от устья Реута, между ними (АМГ, № 8).
Граверовы	— между Сеймом (Мокошевичи) и Бобриком, притоком Терни (АМГ, № 11). (?)

* Принятые сокращения:

КР 10 в.—Специальная карта Европейской России, масштаб 10 верст в дюйме.

ОПП—Подробная карта Российской Империи под ред. Оппермана, 1801—1804 гг.

БАГ—Багалей, «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства».

АМГ—Акты Московского государства, т. I.

РОС—«Россия», изд. Девриена.

(?)—Обозначает урочища, определенные приблизительно и требующие уточнения или отождествления, сделанные гипотетически.

- Грунь Хотенская. — См. на реке Грунь, впадающей в Песёл у города Гадяча село Хоты (КР 10 в., № 46). (А не другая Грунь, тоже приток Пёсла, протекающая южнее Зенькова).
- Губкино болото — Истоки Быстрой Сосны. См. деревню Губкино, восточнее Малоархангельска (КР 10 в., № 59).
- Два Леса — См. у ОПП: «Матыра, Два Леса то-ж» — на юго-запад от Тамбова за рекой Ексталь, притоком Липовицы.
- Долгий колодезь — Приток Неруи (АМГ, №№ 8, 215); (в № 31, видимо, не тот) (?).
- Доненское городище — на реке Уды (АМГ, № 12) (?).
- Дороголива — на Сейме против устья Вира (АМГ, № 11) (?).
- Дрысинская дорога, Дрысинский брод — (Дрыченская дорога, Брысинский лес). См. Дрыски за Доном к северу от Липяги, юго-западнее Чернавы (КР 10 в.). По Семенову (РОС, т. III), Дрысинская дорога — от Муравского шляха по долине р. Вязовни к Данкову и далее на соединение с Ногайским шляхом.
- Дуброва — «Верх речки Липовицы под Большим Рогом ниже Дубровы» (АМГ № 18). См. Зеленая Дуброва у ОПП, в верховьях Липовицы (?).
- Дьяков острог — на реке Мерле (АМГ, № 10). (?).
- Желень — «усть Желени» (АМГ, № 8). См. село Игино Желень на реке, притоке Свапы, к северу от Фатежа, юго-западнее Поньрей, а также село Ржавая Желень, несколько южнее (КР 10 в.). (?).
- Жидоморское городище — на реке Цон — притоке Оки (?).
- Зарачунский курган — «напротив Новосили» (АМГ, № 8). (?).
- Зеленков брод на Мечи — по Семенову (РОС, т. II) Зеленковская дорога шла по водоразделу между реками Красная Меча и Быстрая Сосна (?).
- Зеница — «Через Муравский шлях да к верховине Зеницы реки, а Везеница влеве» (АМГ, № 12) (?).
- Зимовье — приток Сейма, впадающий в 5 верстах от Путивля (АМГ, № 7).
- Казанкова могила — между Лосицами и рекой Мерло (АМГ, № 11). (?).
- Каколпна — «усть Каколпны под Колопенским лесом на рогу» (АМГ, № 8). В бассейне реки Колпны (?).
- Калище — приток реки Мерло (АМГ, № 7) (?).
- Каменный брод — 1) на реке Уперте «от Дедилова 20 верст» (АМГ, № 8) (?). 2) на Большой Рясе (АМГ, №№ 9 и 18). См. у ОПП село Каменка на реке Становая Ряса выше Раненбурга; у Семенова (РОС, т. II, стр. 418) село Каменный брод (?).
- Каменный Ярост (Ерок) — от Изюма вверх по Донцу 15 верст (АМГ, № 10).
- Караманский лес — на Волге (АМГ, № 4) против устья Большого Карамана.
- Карпово сторожевище — у истоков Ворсклы, на месте города Карпова XVII века.
- Кивлей — приток Шоки (АМГ, № 18); по упоминанию Сурского леса считая Шокишу тождественной с Шукшей, притоком верхней Суры, а не Мокши, как у Беляева (?).
- Кись — «до Мокшанского лесу до речки до Киси» (АМГ, № 9) Может быть, Иса — приток Мокши (от «к Исе»).
- Княжой лес — у устья Гоголя (АМГ, № 8) (?).
- Кобельша — «от Кобельши и Ягоды до Ногайские дороги — 10 верст», от Данкова 50 верст (АМГ, № 8) (?).
- Кобылий — приток Быстрой Сосны, впадающий выше устья Колпны «верст с 13» (АМГ, № 8).
- Кобылий лог — между Боровым Колодезем и устьем Мжа (АМГ, № 11) (?).
- Колодезец — приток Сквиры (АМГ, № 8).
- Колодезь — между Калищем и Коломаком (АМГ, № 11).
- Коломатское городище — на реке Коломак, «ныне село Коломак» (БАГ, стр. 96).
- Колпна — приток Быстрой Сосны.
- Колтева — река Котельва.
- Комолша — река Гомольша.
- Кончаковский шлях — от пересечения Муравского шляха с рекой Мерло — «разъезду... днища» — к западу (направо), от Карпова сторожевища в том же направлении «два днища» (АМГ, № 12).

- Конь — в 7 верстах от Турмыша, в 6 верстах от Дрысинского брода (АМГ, № 8).
- Конь — на реке Красивой Мече между Дрысинским (6 верст) и Турмышевским (7 верст) бродами (АМГ, № 8) (?).
- Коргонаева (Корсанаева) — приток Барыша, «впала... ниже Баранчеева городища в правую сторону» (АМГ, № 9). Не Корсука ли?
- Корытиов — приток Любовши, впадающий в 25 верстах от Новосила, в 7 верстах от устья Любовши (АМГ, № 8). См. (КР 10 в.) село Корытино, восточнее Скарятина.
- Корыжа — на Сейме (?) от Рыльска 40 верст (АМГ, № 7). См. (КР 10 в.) село Рыжевка (?).
- Княубрь — от Быстрого брода «налево за Оку верст 10» (АМГ, № 8), впадает в Оку между Поном и Ицкой, но с противоположной стороны (КР 10 в.).
- Кривой бор — На Дону 40 верстами ниже Галичьих гор (АМГ, № 8).
- Крыгини Речки — «меж Псла и Семи» (АМГ, № 7). Река Крыга впадает в Вир у Белополя, на ней село «Речки» (КР 10 в.).
- Кубенская могила — «Кубенская Могила, что на Неймери (у нынешнего села Журавного)». (БАГ, стр. 96). Журавное — около Ахтырки, на Ворскле.
- Куземкина дуброва — между реками Плавой и Муравским пляхом (АМГ, № 8).
- Кунач — приток Быстрой Сосны, впадающий в 10 верстах от города Ливны, в 15 верстах от устья Ливен (АМГ, №№ 18 и 31). На КР 10 в. см. Кунач Колодезь.
- Куст — против устья Орева на Любовше, 25 верст от Новосила (АМГ, № 8).
- Ламка — приток Челнавы (АМГ, №№ 9 и 18).
- Ламовая (Ломовая) — 1) «на речке на Ламовой усть речки Шокиши, повыше верхней дороги» (АМГ, № 18) — приток Мокши (на ней город Ломов), а не Суры; 2) «вниз по Воронежу до Ламовой речки» (АМГ, № 18); устье — в 15 верстах от Юрьева леса, Воронеж-Лесной (?).
- Лиленское городище — у города Сумы на Псе́ле (БАГ).
- Липовица — «верх речки Липовицы под Большим Рогом, ниже Дубровы... переезжать на низ по Липовице до Цны... вверх по Липовице до Дву Лесов» (АМГ, № 18). Река Полная Липовица, а также ее приток, текущий с запада на восток (а не с севера на юг) (?).
- Лихачев боярак — меж Орника и Коломака (АМГ, № 12) (?).
- Лоситцкая дорога (Лоситская дорога) — «верх Мжа и Коломака», «промеж Мжа и Коломака» (АМГ, №№ 10 и 18) (?).
- Лосицы — «Ворскла перелезти у Буен Борку в Лосицах» (АМГ, № 11). Позднее деревня Литовка (БАГ).
- Луковец — приток Быстрой Сосны (АМГ, №№ 8, 215). См. село Луковец на правом берегу Сосны при повороте реки с северо-запада на восток, южнее Губкина, юго-восточнее Мало-архангельска (КР 10 в.).
- Малого перевозу шлях — южнее устья Нетруса (Нетригуза) (БАГ, стр. 21).
- Местилосские ворота — от города Мстиславль. (?).
- Мокеев лес (Мокеева лягяга) — у верховьев Воронежа Польского (АМГ, №№ 12 и 18) (?).
- Мокдок колодезь — приток Быстрой Сосны, впадающий между устьями Фошня и Колпны на равном расстоянии (7 верст) (АМГ, № 8).
- Мокошевичи — по Сейму в 10 верстах от Путивля (АМГ, № 7).
- Молодовая речка — приток Навли (?) См. у ОПП «Молодовое городище» на полпути между Карачевым и Кромами, юго-восточнее Карачева, к северу от верховьев реки Ицки на пересечении дорог. У Семенова с. Молодовое, Карачевского уезда (РОС, т. II, 566).
- Мореховский ровень — от реки Мерфы (?).
- Надище — между Рагозенцем и Олешенкой Удской (АМГ, № 11). Не Каднище ли? (по БАГ «ныне село Кадница между верховьями Мерла и Сухого Мерчика»).
- Нытярангуша — на Пне ниже Кузьминой Гати на другом берегу (АМГ, № 18).
- Обышкинская сторожа — от реки Бышкин, притока Донца, южнее Гомольши (БАГ, 92).

Одрия	— река, приток Мжа (?). См. село Одринка, Валковского ком, Харьковской провинции, Слободской Украинской губернии по описанию 1773 г. (БАГ, 550). (?).
Озерна	— приток Неручи, юго-западнее Новосия.
Олений брод	— на реке Уды, ниже впадения Олешанки (АМГ, № 10) (?).
Олешаны	— «верх О., от Орла 20 верст» (АМГ, № 8). См. у ОПП: Алшан на левом берегу Оки выше устья Цона, наискось, напротив Кнубря.
Олешанка Можская	— приток Мжа в нижнем течении справа (?).
Олешанка Удцкая	— приток реки Уды, протекающий через Ольшан, северо-западнее Харькова (?).
Олешенка	— река Ольшанка, левый приток Псёла, протекающий через город Лебедин.
Островцын брод	— на реке Уперте, вверх от Каменного брода 4 версты.
Очка	— верховья Оки. См. село Очки у ОПП на дороге северней Поньрей в истоках Оки.
Павлово селище	— на реке Уды «через Павлово селище к Донецкому городищу» (АМГ, № 12). (?).
Пересветова поляна	— См. КР 10 в.: поселок Пересветов под городом Валки.
Перестряж	— к северу от Новосия (КР 10 в.).
Песчаный брод	— на Суле, по дороге от Бобрика к Груне Хотенской (АМГ, № 11). (?).
Пичимор	— на реке Карсанаевой «под рогом, под Пичимором» (АМГ, № 18). (?).
Пневицы	— на Сейме ниже Рыльска 15 верст (АМГ, № 7).
Половецкие лески	— «за Зушею верх большого Раковенского долу и Половецких лесков» (АМГ, № 8) (?).
Пшевский курган	— при впадении Пшевы в Зушу, против Новосия (АМГ, № 8).
Рагозени	— Рагозянка, приток реки Уды, впадающий восточнее Богодухова.
Радушкин лес	— на Быстрой Сосне, между устьями Кунача (23 версты) и Чернавы (8 верст). (АМГ, № 8).
Раковна (Раковка)	— приток Зуши, впадающий выше Новосия.
Речица	— приток Быстрой Сосны, впадающий на запад от Ливен.
Ржавая Сосна	— Верховья Быстрой Сосны (в ржавцах — болотах) (?).
Розонь (Ромонь)	— городище на реке Воронеж, на правом берегу, в 6 верстах от Кривого бора; (?).
Романцовский лес	— на Дону против усть Сквиры (АМГ, № 8).
Руда	— приток реки Вир (впадает против Хосотина). (АМГ, № 11) (?).
Рыбница	— в 5 верстах от Орла за Окой (АМГ, № 8).
Рядом	— приток Ворсклы. См. деревня Радомля северо-восточнее Тростенца (КР 10 в.).
Семенцов брод	— на реке Меча, вероятно в устье реки Семенек.
Сернава	— река Чернава, приток Быстрой Сосны.
Скаль у Белых вежи	— См. село Скелька на Ворскле, ниже Ахтырки, выше Кузьмина; несколько ниже Бельск (Белые Вежи); восточнее на дороге Ахтырка—Краснокутск поселок Шляховой (по Бакаеву шляху?) (КР 10 в.) (?).
Скверна	— река Сквиря, приток Дона.
Совинский шлях	— пересекал Донец ниже Балыклен. См. село Совинцы.
Щетинин ровенок	— между реками Псёл и Ворскла на дороге от реки Уды к Рыльску (АМГ, № 10).
Сукромна	— См. КР 10 в.—село Сукромна южнее линии Елифань—Богородицк (?).
Таволжная поляна	— между реками Водолага и Мож (АМГ, № 11) (?).
Талецкий брод	— на Быстрой Сосне в 10 верстах от устья Полны, в 8 верстах от устья Сосны. См. на карте «Воронежских актов», вып. III.
Торбеев брод	— на Воронеже Польском. См. село Торбеево юго-восточнее Раненбурга (?).
Турдеева Меча	— левый приток Красивой Мечи, впадающий у села Турдей.
Турло	— приток верховьев Болгири колодезя (АМГ, № 11). (?).
Турмышевская дорога	— по Семенову—от Муравского шляха через Красивую Мечу на Вязовню (РОС).

Турмышевский брод	— на Красивой Мече. См. село Сторожи у ОПП в излучине Красивой Мечи между Ефремовым и Данковым, а напротив него через реку село Тормасово (?).
Туровец	— См. село Туровец между Неручью и Трусами, Новосилем и Малоархангельском (КР 10 в.).
Турчиново городище (Торчиново)	— на реке Мерле. По БАГ «у села Городное», т. е. против устья Мерчика.
Тюндюково Болонье	— на восточной (ногайской) стороне Донца, выше устья Черного Жеребца (АМГ, № 11) (?).
Тыра	— река между Ворсклой и Мерлом, протекающая недалеко от верховьев Котельвы (АМГ, № 11) (?).
Угрим (Угрюм)	— к западу от Белгорода.
Хвошна	— река Фощня.
Хобот	— у ОПП к северу от Козлова. См. также реку Хобоченка в бассейне Лесного Воронежа (?).
Хорошово городище	— между Донецким городищем и рекой Уды (АМГ, № 11) (?).
Хорошев колодезь	— на реке Вир в устье Руды (АМГ, № 11) (?).
Хосотия	— перевоз на Донце, при пересечении реки и шляха. См. село Шебелинка у ОПП.
Шебелинов перевоз	— Шукша, приток Суры (АМГ, № 18) (?).
Шокша	— См. села Юрьевка, Старое Юрьево и Новое Юрьево между верхним течением Воронежа Польского и Воронежским Лесным (КР 10 в.).
Юрьев лес	— на Сейме у устья Курицы.
Юрьево городище	— Ягодная Ряска (?).
Ягодная	— между Перестражем и Голунским бродом на Зуше (АМГ, № 8). См. село Яковлево на Зуше выше Голуни на правом берегу (КР 10 в.). (?).
Яковлевские лески	

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича», 1846 г.

² «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», 1887 г.

³ «Засечная черта в Московском государстве XVI в.», 1916 г.

⁴ Замысловский даже вводит—неудачно, на наш взгляд, — понятие «сторожевая линия», соединяя в нем сторожку и станицу.

⁵ Карамзин, т. VIII, прим. 82.

⁶ АМГ, т. I, № 1.

⁷ АМГ, т. I, № 2 (цитирован выше); в АМГ ошибочно назван «боярским приговором», тогда как в тексте его сказано ясно: «по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всей Руси приказу боярин князь Михаил Иванович Воротынский приговорил с детьми боярскими со станичными головами и с станичниками...».

⁸ АМГ, т. I, №№ 7, 8, 9, 14, 18.

⁹ «По сей стороне» Донца.

¹⁰ См., например, «верст с 30, полднище добрая» (АМГ, т. I, № 101 и др.).

¹¹ Считаю, что эта Балыкляя—приток Волги, впадающий в нее севернее Камышина.

¹² «Засеки» (saïsec) нанесены на так называемую карту царевича Федора Борисовича, изданную Герардом Гесселем, но там они идут от района Белева к Путивлю, а от Шацка продолжены к Волге ниже Саратова. Такое набегание не соответствует всем прочим нашим сведениям.

¹³ Яковлев, стр. 243, 244.

¹⁴ Огниво, т. е. поперечина.

¹⁵ Яковлев, стр. 268—269.

¹⁶ Яковлев, стр. 252.

¹⁷ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 391—392.

¹⁸ АМГ, т. I, № 13.

¹⁹ Сталин И. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1939 г., стр. 17, 87, 97—98.

ПОМЕСТНАЯ КОННИЦА И ЕЕ ВООРУЖЕНИЕ в XVI—XVII вв.

Вопросам организации и социального состава поместной конницы посвящено не мало страниц и в специальной военно-исторической литературе и в литературе общен исторической. Мы посвящаем наше краткое исследование лишь двум вопросам, которые, как нам известно, и недостаточно, и не совсем правильно освещены: общей оценке качеств поместной конницы и ее вооружению.

Гудим-Левкович так характеризует поместную конницу: «Войска русского строя в смысле знания военного искусства немногим отличались от народного ополчения—это были помещики, а не воины. Война для них была тягостью, от которой они всеми силами старались отделаться». Автор ссылается на выражения, встречающиеся в литературе, такие, как: «Дай бог нажить рану легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее жалованье», или: «Дай бог великому государю послужить, а сабли из ножен не вынимать». Гудим-Левкович считает, что у поместной конницы отсутствовала воинская доблесть, и что она была плохо подготовлена как в отношении одиночного владения оружием, так и в отношении действия ратных людей в строю. «Собираясь только во время войны, чины полковой службы не могли свыкнуться с необходимостью дисциплины»—замечает этот автор. Он указывает также на обязанность дворянина возить с собой в походе большое количество продовольствия и на трудность сбора ратных людей¹.

На такой точке зрения, более или менее резко выраженной, стоит большинство авторов, посвятивших свои труды исследованию военных сил России.

Почти дословно повторяет Гудим-Левковича и Сахаров в «Истории конницы». Он пишет: «Самая организация большей части русского строя влекла за собой: 1) отсутствие военной дисциплины и любви к военному строю, 2) совершенную неподготовку к военному делу, 3) отсутствие военной дисциплины, 4) продовольственные затруднения, 5) затруднение сбора ратных людей при тогдашних средствах сообщения»². Современный автор, полковник Разин, также считает, что поместная система привела к снижению боевой подготовки. «Поместная система резко увеличила численность войск, несколько снизила их боевую подготовку»³.

Поместная конница, конница «русского строя», в допетровской период представляется обычно каким-то случайным сбродом совер-

шенно неподготовленных к войне, необученных, плохо вооруженных людей, силою оторванных от своих поместий. Фраза: «конны, людны и оружны» понимается в таком значении, что на войну шли кто с чем мог, и на каких угодно лошадях. Ни у одного из авторов нет сколько-нибудь систематического описания вооружения конницы.

«Вооружение конницы (XVI—XVII вв.) состояло из лука со стрелами, топора, кинжала, кистеня, копья. Наиболее богатые воины имели сабли. Предохранительное вооружение конницы было весьма различное, в зависимости от средств каждого». Такое описание вооружению поместной конницы дает автор статьи в книге «История армии и флота» — труде весьма солидном и заслуживающем внимания⁴. Подобными же словами описывает вооружение поместной конницы и полковник Разин: «Вооружение конницы — пишет он — состояло из копья, лука со стрелами, кинжала, кистеня, топора. Сабли имели только богатые воины»⁵.

Подобные взгляды на поместную конницу должны быть подвергнуты критике, ибо те же авторы сами признают, что поместная конница была основным родом войск в допетровский период.

С помощью этой конницы Россия в XVI—XVII столетиях заняла одно из первых мест среди крупнейших западноевропейских и восточных государств. Как возможны были бы при отсутствии доблести, дисциплины, любви к военному делу, такие блестящие успехи, как завоевание Казани и Астрахани в XVI веке, как разгром польско-шведской интервенции в начале XVII столетия? Как примирить положение об отсталости конницы с представлением о ней, как об основной силе русской армии XVI—XVII веков?

Нам кажется, что эти противоречия разрешатся в том случае, если попытаться подойти к рассмотрению поместной конницы в ее историческом развитии. Не прав Денисон, который в своей книге «История конницы» утверждает, что «при Иване III и особенно при Иване IV русское военное искусство вылилось в те формы, в которых оно оставалось с небольшими изменениями до реформ Петра Великого». Изменения за два столетия были большие, и если проследить эти изменения, то, возможно, что в какой-то мере найдут свое место и положительные и отрицательные взгляды на поместную конницу.

В Западной Европе, в связи с ростом городов, уже с конца XIII столетия появляется интерес к пехоте. Короли организуют отряды арбалетчиков для борьбы с рыцарской конницей. Арбалет, появившийся в Западной Европе в конце XII столетия, был для конницы опасным оружием. Тяжелая стрела-болт, выпущенная из арбалета за 150 шагов, пробивала рыцарский доспех. В России арбалеты (самострелы) были также известны, но широкого распространения не получили.

Особенно же пехота начала развиваться с появлением огнестрельного оружия. Порох, положивший начало огнестрельному оружию, проник в Западную Европу с Востока в начале XIV столетия. «Для приобретения пороха и огнестрельного оружия требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владели горожане, поэтому огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства. Непрístupные до сих пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их ружей пробивали рыцарские латы»⁷.

Военный мыслитель эпохи Ренессанса Маккиавелли (1469—1527), выдвигая на первое место пехоту, отдает, однако, должное и коннице, хотя конница стоит у него на втором плане. «Она необходима и не-

обычайно полезна — пишет он — для разведок, набегов и опустошения неприятельской страны, для внезапной тревоги и нападения на противника, для перерыва подвоза припасов... и для преследования разбитого противника»⁸.

Для устройства хорошей конницы Маккиавелли дает целый ряд советов, как-то: «Необходимо в своей округе воспитывать хорошие породы лошадей, приучать подданных торговать жеребьями, подобно тому, как торгуют телятами и мулами». Он даже советует применять с этой целью принудительные меры — разрешить иметь мулов и одеваться в шелк только тем, кто будет иметь лошадей.

В ином положении, нежели Западная Европа, находилась в тот период Россия. Молодое, бурно растущее государство, вынуждено было и охранять, и расширять свои границы как на Востоке, так и на Западе. Борьба за безопасность восточных окраин, борьба за волжский путь вела к столкновению с противником, у которого основным родом оружия была прекрасная иррегулярная конница. Борьба на западных границах ставила задачу образования мощной артиллерии и хорошей пехоты.

Борьба с Востоком до середины XVI столетия была первоочередной и она со всей необходимостью требовала организации могучей боеспособной конницы.

Павел Новокомский пишет, что Василий III «обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы». Он подчеркивает ненужность пехоты в условиях, при которых Москва вела в то время свои войны: «Пешие войска почти ни к чему не пригодны в этих обширных пустынях, как по своему одеянию, которое у них развешается и доходит до пят, так и по привычке их врагов, которые упражняются при воинской службе скорее в набеге и быстрой езде, чем в правильном сражении или схватке»⁹.

Иоанн Фабр, переводчик при русском посольстве в Испании (1526), в донесении Фердинанду, инфанту испанскому, сообщает: «Великий князь, когда ему бывает нужно вести войну с татарами или с кафимским государем, или с кем-нибудь иным, в самое короткое время может собрать войско до 200 или 300 тысяч или сколько понадобится. После этого можно ли удивляться, что со столь сильною конницею, подобно рою пчел, одерживают россияне блистательные победы над турками, татарами и другими народами»¹⁰.

Значение конницы, как основного рода войск в России XVI века, отмечает в своих «Записках» и Ченслер (1553—1554). Он пишет: «Он (царь) никогда не берет с собой на войну ни крестьян, ни купцов, все его воины конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих». Ченслер таким образом совсем проглядел пехоту и стрельцов. Затем Ченслер дает описание вооружения всадников: «Всадники—все стрелки из лука, ездят на коротких стременах. Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове, у некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчей. Они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне»¹¹.

Основные качества всякой конницы, которые обуславливают ее значение и оправдывают ее существование в качестве специального рода оружия, заключаются в подвижности и маневренности в самом широком значении этого слова. Вся конница, по крайней мере в отдельных подразделениях, должна быть обслужена более или менее однородным конским поголовьем. И, наконец, вооружение конницы должно быть

также более или менее однообразным, во всяком случае в отдельных частях. С точки зрения наличия или отсутствия этих качеств нам и нужно подойти к оценке русской поместной конницы.

С середины XVI века устанавливается точно, сколько должен выставить каждый помещик людей и в каком вооружении с определенной земельной единицы. По «Уложению о службе» Ивана IV, основной мерой служит 100 четвертей «доброй угодной земли», с которых помещик должен выставить одного ратника на коне в полном доспехе, а в дальний поход с двумя конями.

В Никоновской летописи под 1064 (1555—1556) годом читаем: «Которые вольможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им уречения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угодной земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальней поход о дву конь». Наряду с земельной единицей устанавливается и денежное жалованье. «И хто послужит по земли, — говорится далее, — и государь их жалует своим жалованьем, кормлении, и на уложенные люди дает денежное жалованье»,... «а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя большее жалованье самим, а людям их перед уложенными в полтретья (2½ раза. М. Д.) давати деньгами». Помещики, не выставившие на службу «уложенных» людей, должны были платить за них деньги: «а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех самех имати деньги за люди»¹².

Как осуществлялось на практике Уложение 1556 г. видно из смотровых книг и других документов Разрядного приказа, ведавшего поместными войсками. По смотровым же книгам можно установить, из чего состоял «полный доспех».

Так, еще в книге 1553 г. говорится, что один из помещиков «Иван Иванов сын Кобылин-Мокшеев явился на коне в полном доспехе, в шишаке и в шелоде, и в наручех и в наколенниках о дву конь»¹³. В Боярской книге 1556 г., относящейся к Серпуховскому смотру, значит, что тот же Мокшеев явился снова в полном доспехе: «в юшмане, в шолоде и наручех и в наколенках», также с двумя конями.

Боярская книга 1556 г. дает чрезвычайно яркую картину вооружения поместной конницы середины XVI столетия и на анализе этого документа следует остановиться подробнее¹⁴. Текст книги сохранился не полностью. Он охватывает помещиков от 11 до 25-ой статьи, всего 174 имени. Каждой статье соответствует определенный земельный надел и определенный размер денежного жалованья. Самая высокая из уцелевших в тексте статей, 11-ая, — жалованья 50 рублей; самая низкая статья, 25-ая, — жалованья 6 рублей.

Наряду с крупными помещиками идут и очень мелкие. Один из самых крупных помещиков Андрей Сабуров, за которым числится поместья 1784 четверти в поле или 2½ сохи¹⁵, по уложению должен был выставить 16 человек в доспехах и одного человека в тегиле. В Казани его людей было 7 человек в доспехах, а в Астрахани 29 человек в доспехах; в первом случае Сабуров не додал 9 человек, а во втором передал 13. Передача лишних людей и вооружения, как увидим ниже, довольно частое явление для данного периода. Другой из крупных же помещиков Григорий Сукин, имеющий вотчины одну четверть и поместья 600 четвертей в поле, привел на смотр в Серпухов 20 человек в доспехах, опять с огромной передачей.

Самый мелкий из записанных в указанную книгу помещиков, Куганик Верходеревский, за которым поместья числилось 250 четвертей, должен был выставить по уложению одного человека в доспехе и одного в тегиляе. Иван Кульнев, помещик средней руки, с 400 четвертей по уложению должен был дать трех человек в доспехах, а выставил 7 человек (четыре в доспехах и трех в тегиляях), т. е. передал четыре человека, за что получил 17 руб. Иван Кикин, за которым поместья числилось 50 четвертей, по уложению должен был выставить четырех человек в доспехах, но в Астраханский поход вместе с братом он дал 20 человек, из них 10 человек в доспехах и трех в тегиляях (в чем были остальные—не указано). На Серпуховской смотр он выставил людей по уложению и сам явился «о дву конь», в полном доспехе. Люди его также были «и в доспехах, и в наручах, и в шлемах, и в саадаках, и в саблях с копиями».

Согласно Боярской книге 1556 г., на Серпуховской смотр из 174 указанных в ней помещиков явилось только 92. Причины неявки остальных 82 были следующие: 30 человек годовали в Казани, 7—в Свияжске, два — в Нижнем Новгороде, 8 помещиков находились в плену у ногайцев, двое значились в немецком походе, трое были губными старостами, один с послами в Литве, один в Москве «давал милостыню». Указан еще ряд городов, где находились отсутствующие помещики: Калуга, Михайлов, Велиж и др. Четверо были больны. «Несысканными» из всего списка оказались только двое, некие Белоусов и Кончеев. 92 помещика, явившиеся на Серпуховской смотр, выставили 668 человек, из них 164 кошевых (т. е. нестроевых), 445 верховых коня и 32 вьючных лошади. Из 596 человек (принимая в расчет самих помещиков и не считая кошевых) 210 человек были в полных доспехах, т. е. в шлемах, в пансырях, в наручах и в наколенниках, 219 человек в неполных доспехах и только 164 человека в тегиляях. Таким образом, больше двух третей всего состава имели металлическую броню.

Кроме полных доспехов было налицо 45 пансырей, 1 кольчуга, 16 бахтерцев, 2 юшмана, 4 кюяка, 104 шлема, 58 шапок железных, 50 шапок медных, 3 шапки бумажные, 3 пары наручей и одна пара наколенников. Единственный раз упоминаются зеркала, — в зеркалах значится человек помещика Ждана Вешняковского. Позднее, в конце XVI и в XVII веке, зеркала встречаются гораздо чаще и уже Флетчер, по всей вероятности, имел в виду именно зеркала, когда писал: «сами они (военачальники) в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали..., на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч (сабля), лук и стрелы»¹⁶.

В Боярской книге 1556 г. совершенно не упоминаются щиты. На отсутствие щитов обратил уже внимание С. В. Богоявленский, отметивший, что в Коломенской десятина 1557 г. не указано ни одного дворянина, вооруженного щитом¹⁷.

Щиты, по всей вероятности, начинают исчезать из вооружения с того момента, когда в доспехах появляются дополнительные подкрепления: наколенники, наручи, зеркала, когда начали влетать металлические пластины в кольчужный доспех — в юшманы, бахтерцы, колонтари.

Остановимся на отдельных видах вооружения поместной конницы. Прежде всего, это пансырь и кольчуга. Оба эти доспеха — кольчатые и различие между ними до настоящего времени с предельной точностью оружейоведами не установлено. Ленц полагает, что это различные названия одного и того же кольчатого доспеха с той лишь разницей, что слово «кольчуга» — славянское, обозначающее кольчатую рубашку, слово

же «пансырь» греческое¹⁸. Однако во всех старых описях упорно подчеркивается различие кольчужных и пансырных колес. Например, о кольчуге XVII века сказано: «Кольчуга железная, плечи и рукава пансырные», или о юшмане Михаила Федоровича сказано: «кольца кольчужные»¹⁹. Самым отличительным признаком пансырного кольца от кольчужного, по всей вероятности, была форма. В описании кольчуг всегда отмечается «кольцо круглое», тогда как в описании пансырей кольцо будет «плоское» или «плосковатое». Разновидностью кольчуги является «байдана», состоящая из плоских крупных колец, часто со штампованными надписями.

Рис. 1. Кольчуга (байдана) дьяка Ивана Григорьевича Выродкова. (Гос. Исторический музей).

Байдана получила наиболее широкое распространение, видимо, в XVI веке. В Государственном Историческом музее сохранился редкий экземпляр этого рода доспеха — байдана дьяка Ивана Григорьевича Выродкова, строителя Свияжской крепости на подступах к Казани и осадной башни при штурме казанских стен в 1552 г. На кольцах этой байданы надписи: на одних — слова молитвы, на других — имя владельца.

К кольчатым же доспехам относятся «бахтерцы» и «юшманы», упоминаемые в Боярской книге 1556 г. Те и другие на груди и спине подкреплялись металлическими пластинками, вплетенными в основную кольчужную ткань рубашки. У бахтерцев пластины делались по преимуществу квадратные, у юшманов продолговатые; у более дорогих юшманов и

бахтерцев пластины украшались орнаментом, исполненным золотой насечкой. В описи пожитков Бориса Годунова 1589 г. значатся три юшмана московских—«доски широкие», 10 юшманов—«доски мелкие» и один юшман—«старый золочен». Бахтерцев в той же описи отмечено 16, кольчуг и пансырей — 100, из них только 20 названы немецкими, остальные 80, повидимому, московского дела или же восточные²⁰.

В собрании Государственного Исторического музея сохранился прекрасный юшман второй половины XVI века с широкими досками на груди и узкими на спине. Судя по Боларской книге 1556 г., юшманы в сере-

Рис. 2. Юшман русской работы XVI в. (Гос. Исторический музей).

дине XVI века были еще, видимо, редки. На весь Серпуховской смотр среди неполных доспехов их было всего два, бахтерцев же 16.

Кольчатый доспех, особенно подкрепленный металлическими пластинами, как юшман или бахтерец, был хорошей защитой и от стрелы и от холодного оружия. Хорошую, плотную кольчугу стрела не пробивала²¹. Курбский пишет, что когда он преследовал татар, вышедших в последний раз сразиться в поле после выдачи Едигера, то конь под ним был убит и самому ему нанесено много ран, но не смертельных, «понеже на мне сбройка (т. е. броня) была праотеческая, зело крепка». Также и брат Курбского, участвовавший в этой битве, спасся только благодаря крепкой броне: «и так его уранили, аже по пяти стрел в ногах ему было кроме иных ран, но живот сохранен, божиею благодатью, понеже сбрую на себе зело крепку имел»²².

Большое место в защитном вооружении XVI века занимает еще «тегилай». Это кафтан, плотно выстеганный на оческах льна или конопли, иногда с защитными внутри различными пластинками железа. Тегилiai делались тонкие и толстые; первые, повидимому, не были стеганными. Тегилiai одевались иногда и поверх доспехов. Так, например, у князя Горчакова на Серпуховском смотре на полном доспехе был еще надет «тегилай бархатен».

Роскошные тегилiai отмечаютс я иногда не только на самих помещиках, но и на их людях. Так, например, пять человек помещика Кокошкина

Рис. 3. Русские всадники в тегилiaiх (Из книги Герберштейна).

были в тегилiaiх, причем у четверых тегилiai были суконные, а на пятом «бархат цветной». На двух из людей помещика Нащокина, выставившего всего шесть человек, были тегилiai: на одном «камчат», на другом «атласен». Иногда тегилiai обшивались мехом. Помещик Есипов, годовавший в 1555 г. в Свияжске, значится «на коне в саадаке и в сабле, в тегилiaiе в тонком с горностаем».

Иногда сверх доспехов одевали «ферязи» и «приволоки» (последние — род короткого плаща). На одном из людей помещика Вельяминова указана «приволока бархатна». Помещик Мясоедов надел поверх доспеха «ферязь бархатну». Эти приволоки, тегилiai и ферязи и имеет в виду по всей вероятности Флетчер, когда говорит о золотой парче с горностаевой опушкой, покрывающей кольчугу.

«Куюк» — доспех из материи или кожи с нашитыми металлическими пластинками, хотя и относится к более древним типам защитного вооружения, сохранился, однако, почти до конца XVII века. В 1668 г. в Оружейной Палате было изготовлено 5 бархатных и 30 суконных куюков,

подложенных ватой с набитыми медными гвоздями²³. На Серпуховском смотре только четверо были в куяках.

Разнообразие видов защитной одежды все же было не настолько велико, чтобы не могла составиться общая картина. Поместная конница должна была представлять собой массу, сверкавшую металлическими доспехами. Изредка встречавшиеся поверх доспехов приволоки, ферязи и тегияли вносили в эту картину лишь отдельные красочные пятна.

Что касается головного покрова, то и здесь не наблюдается большого разнообразия. Из всех 668 человек на Серпуховском смотре лишь трое имели «бумажные шапки», остальные были в шлемах или в шапках железных или медных.

Шлемы имели коническую форму с сильно вытянутым верхом. Эти, так называемые, «пишак» служили наилучшей защитой головы. Не только сабля или меч, но и оружие специально ударного назначения, как, например, различного рода топорки, клевцы, щестоперы соскальзывали с конической поверхности шлемов. Можно было нанести удар только вбок, контузить, «опчеломить». Образцы пишачей XVI века сохранились в музеях до настоящего времени. Таков шлем сына Грозного Ивана Ивановича (хранящийся в Оружейной Палате) московской работы 1557 г., роскошный, с золотой насечкой, шлем самого Грозного, находящийся в Стокгольме, и пять шлемов в Государственном Историческом музее, найденные вместе с монетами 1547 г. при раскопках в Москве на Варварке в 1895 г.

«Бумажные шапки», подобно тегиялю, выстегивались в более ранний период на оческах льна или конопля, а позднее на хлопчатой бумаге — вате. Только посовая стрелка, защищавшая лицо от поперечного удара клинком, делалась металлической. «Бумажные шапки», так же как и тегияли, были суконные, бархатные и атласные. Если они не защищали голову от стрелы и сабли так же хорошо, как шлемы, то всё же ослабляли силу удара.

Известное однообразие в оборонительном вооружении поместной конницы было уже констатировано С. К. Богоявленским. Разбирая данные Коломенской десятины 1577 г., он отмечает, что из 279 коломенцев 163, т. е. 59%, имели полные доспехи, 156 были в пансырях, двое в кольчугах, один в юшмане и только трос в тегиялях²⁴.

Стремление к единообразию приводило к тому, что иной раз даже возникал вопрос как бы о некоторой, своего рода, униформе: еще при

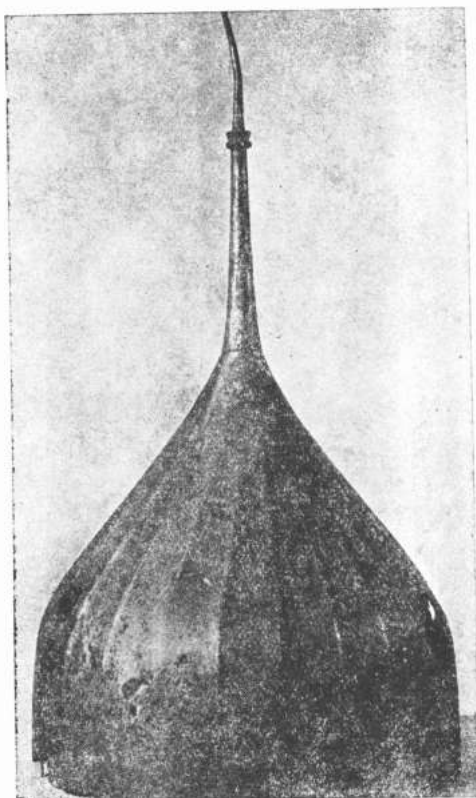

Рис. 4. Шлем (пишак) русской работы XVI в. (Гос. Исторический музей).

наборе даточных людей в Новгороде в 1545 г. правительство потребовало, чтобы на них на всех «однорядки и сермяги были крашены»²⁵.

За недоданное оборонительное вооружение всегда следовали вычеты и прибаска за переданное. Так, например, помещику Юрьеву за двух переданных сверх уложения людей в доспехах назначили лишние 9 рублей, но из этой суммы вычли рубль за недоданный помещиком шлем.

Таким образом, полный доспех расценивался примерно в 4 р. 50 к. Князь Федор Борятинский за переданных им 5 человек в тегиялях получил 17 рублей, а за три недоданных шлема ему надоплатили 3 рубля. Если встречаются некоторые отклонения в оценке доспехов и тегиялей, так как тегияль мог быть и бархатный, и атласный, и суконный, а в доспех мог входить бахтерец и юшман, цена шлема всегда остается неизменной — один рубль. Соответствовало ли это действительной стоимости шлема или доспеха, мы не беремся утверждать категорически. Отмечаем лишь неизменность оценки.

Из наступательного оружия на Серпуховской смотре было предъявлено всего 44 саадака, 188 копий, 38 сабель и 52 рогатины — вооружение для 668 человек явно недостаточное. Наступательное оружие Уложением 1555 г. прямо не нормируется. Входило ли это оружие в полный доспех, или же им в какой-то мере снабжала казна — для нас пока остается неясным. Однако на основании того, что на Серпуховском смотре 1556 г. за недоданное боевое оружие у помещиков не вычитали из жалованья, предполагаем последнее.

В конце XVI века в холодном вооружении поместной конницы начинает преобладать сабля. По той же Коломенской десятне С. К. Богоявленскому удалось установить, что из 279 человек саблями были вооружены 94%, копы же были только у 12 человек, причем у восьми они являлись дополнительным оружием к саадаку и сабле. Наряду с восточными саблями, видимо, имелись сабли и русской работы. С. К. Богоявленский полагает, что восточная сабля была роскошью, доступной немногим вследствие ее высокой цены. Это вполне правильно по отношению к первой половине XVI века. Герберштейн также отмечает, что саблю употребляли «более знатные и более богатые». Но во второй половине и особенно в конце XVI и в XVII столетии положение было, видимо, иным. Насколько нам известно из дел Персидского двора, в конце XVI века обычная цена полосы персидской сабли не превышала трех рублей, а сабля в montirovke стоила от 5 до 6 рублей. Так, например, в 1590 г. посол

Рис. 5. Шапка бумажная русской работы XVII в. (Гос. Оружейная Палата).

шаха Аббаса I Булат-бек поднес в дарах царю Федору Ивановичу «полосу булатную цена 3 рубля». Бывшие с ним шаховы дворяне поднесли также несколько сабель и сабельных полос, примерно в ту же цену. Первый дворянин «ударил челом сабля булатная, наведена золотом, ножны хоз²⁶ празелен цена 5 рублей». Второй дворянин поднес булатную саблю в черных хозовых ножнах ценою 4 рубля²⁷.

Можно привести целый ряд подобных примеров для оценки восточной булатной сабли конца XVI—XVII столетия.

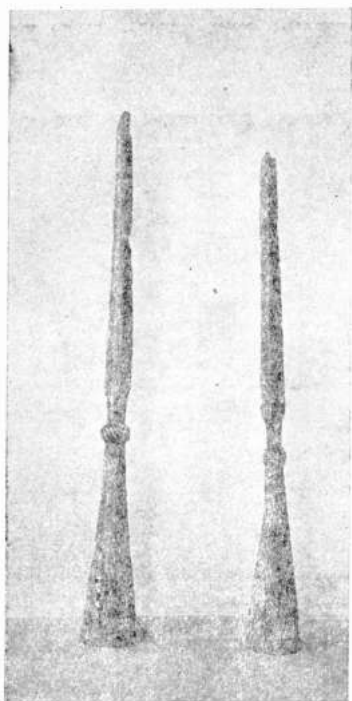

Рис. 6. Наконечники копий первой половины XVI в. (Гос. Исторический музей).

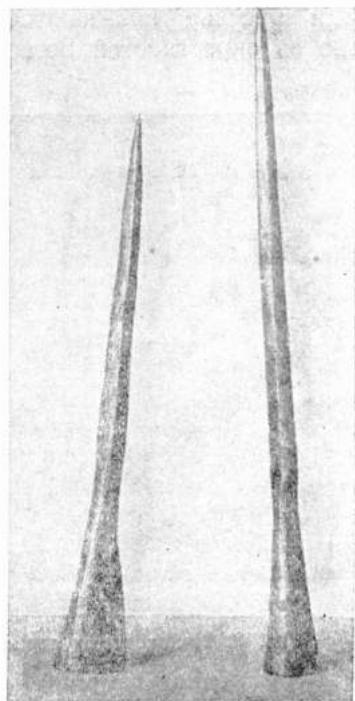

Рис. 7. Наконечники копий XVI — начала XVII в. (Гос. Исторический музей).

Саблю в 3—4 рубля мог иметь не только крупный вотчинник, но и дворянин средней руки даже при высокой стоимости денег того времени.

Чтобы составить окончательное суждение о защитном и наступательном вооружении поместной конницы, нужно просмотреть не одну смотровую книгу, не одну десятню, но даже и на основании приведенных нами документов мы берем на себя смелость утверждать, что поместная конница была не разношерстной пестрой толпой, а войском, вооруженным по требованию правительства более или менее однообразно.

Уже в первой половине XVI столетия в русской коннице наблюдается стремление к единообразию и в конском составе. Еще Герберштейн отмечает, что «лошади у них (конников) маленькие, холощенные, не подкованные, узда самая легкая»²⁸. Современник Ивана IV Михалон Литвин пишет: «Москвитяне всякую весну получали из орды ногайских татар многие тысячи лошадей, годных для войны»²⁹.

Позже, в конце XVI века, Маржерет также говорит, что лошади поступают в Московию главным образом «из Татарии ногайской; их на-

зывают конями, они роста среднего, весьма удобные для работы и бегут без отдыха 7 или 8 часов»³⁰.

На протяжении всего XVI и XVII столетия под понятием «конь» определенно подразумевалась выхолощенная лошадь ногайской породы. Русские лошади назывались мериными. В Уложении царя Алексея Михайловича сказано определенно: «Конь 8 руб., кобыла ногайская 6 руб., жеребенок 3 рубля». Русские лошади расцениваются иначе: «мерин 4 рубля, кобыла русская — 3 рубля и жеребенок русский — 1½ рубля»³¹. О лошадях русской породы Маржерет пишет следующее: «Лошади русские называются мериными, они малорослы, но крепки, особенно из окрестностей Вологды»³².

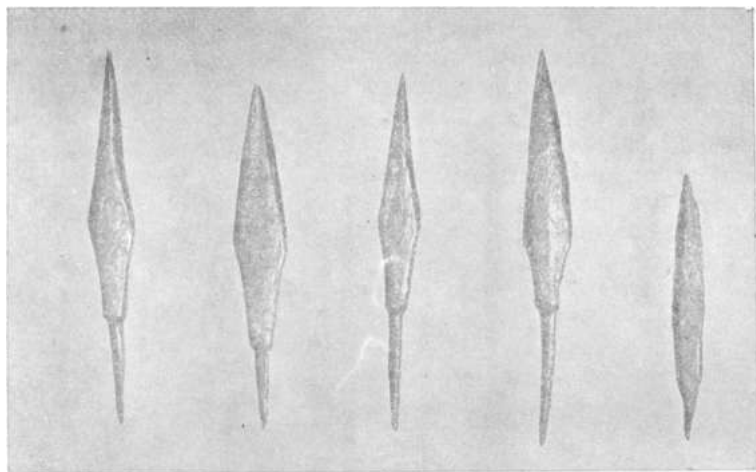

Рис. 8. Наконечники стрел XVI в. (Гос. Исторический музей).

Таким образом, можно предположить, что на Серпуховском смотре 1556 г. почти вся конница была обслужена однородным конским составом, за исключением вьючных лошадей.

Однообразным было и седлание коней. В коннице русского строя было принято седло восточного типа с короткими стремянами, для XVI столетия — татарское, для XVII — персидское. Арчак восточного седла был высокий, опирался на спину коня только седельными полками, задняя лука делалась отлогая и давала возможность всаднику свободно поворачиваться во все стороны.

По поводу седлания коней Герберштейн пишет следующее: «Седла приспособлены у них (русских) с таким расчетом, что всадники могут без всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук»³³. «Русские, так же как и турки, ездят на коротких стремянах» — отмечает Ченслер. Отрицательной чертой такой посадки была ее неустойчивость: всадника сильным ударом легко было выбить из седла, но при рассыпном строе, принятом в иррегулярной коннице, это не имело большого значения. Гораздо большее значение имела возможность свободно поворачиваться во все стороны в седле, обороняться и с флангов и с тыла, для чего требовалась большая тренировка. Маржерет о татарах говорит, что «они наездники столь искусные, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую».

Такое же искусство требовалось и от русских конников. Общение с лошадью с детства (до нас дошли образцы детских седел, правда, из царского быта), частые походы в зрелом возрасте, особенно в XVI столетии, обязательное присутствие поместной конницы на смотрах и участие в парадных церемониальных процессиях обеспечивали необходимую тренировку. Ее наличие подтверждается записками современников, документами и иллюстративным материалом.

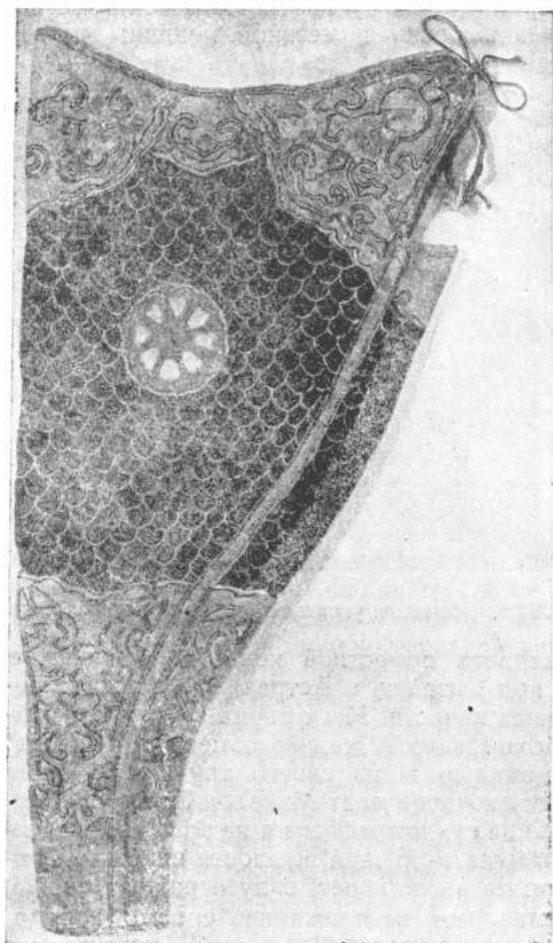

Рис. 9. Налучье XVI в. (Гос. Исторический музей).

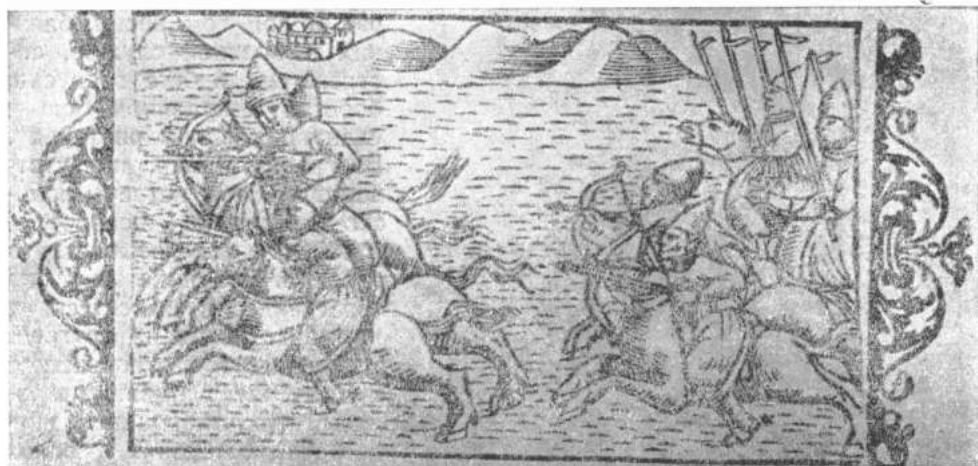
Павел Новокомский пишет: «Вся молодежь упражняется в разнообразных играх и при том весьма близких к военной службе, состязается в беге взапуски, борется в кулачном бою и ездит в конском ристании»³⁴. Бернгардт Танер, присутствовавший при встрече польско-литовского посольства в 1678 г., рассказывает, что русские всадники искусно перескакивали на всем скаку из одного седла на другое³⁵. Из документов, относящихся к тому же времени, мы узнаем, что, например, для встречи шведских послов токарь костяного дела Оружейной Палаты Иван Никиitin делал 100 подъемников костяных для того, чтобы «подымать с лошади верховой с земли стрелы»³⁶. Подобное искусство, видимо, практиковалось и ранее. Зарисовки Мейсберга, относящиеся к 1661 г., показывают нам лихих всадников, поднимающих с земли стрелы

По всей вероятности, упражнялись и в стрельбе из лука. Едва ли у русского боярина и дворянина, который знал, что он по первому

зову правительства должен идти на войну, лук неподвижно пылился на стене от похода до похода. Павел Новокомский также отмечает, что русские «весьма искусно пускают стрелы».

Смотрам придавалось большое значение; за неявку на смотр отписывались поместья. Так, в грамоте от 15 февраля 1556 г. новгородским дьякам Федору Ермееву и Казарину Дубровскому указано: «которые дети боярские новгородские и лудские и ржевские помещики к боярам и к воеводам нашим... к Спасу на Неву к смотрению не приехали и тех детей боярских по именам привезли б к нам списки. И вы бы по тому списку велели у тех детей боярских поместье отписать на меня царя и великого князя по нашему приказу»³⁷.

К недостаткам поместной конницы относят медлительность сборов, забывая тот факт, что поместную конницу, как и все войско, собирали, как правило, вовсе не тогда, когда вторгался неприятель, а значительно раньше. К походам начинали готовиться за несколько лет, отправляя к пограничным городам продовольствие, строя крепости. Свияжск строили за год до взятия Казани, латочных людей с Новгорода и Новгородской области для казанского похода начали набирать в 1545 г. А если принять в расчет, что средства передвижения у противника были те же самые, то и с этой стороны подготовку поместной конницы нельзя считать отсталой.

Фиг. 10. Русская конница середины XVI в. (Из книги уфальского архиепископа Олая).

XVI век был временем расцвета поместной конницы. Ливонские походы, блистательные победы под Казанью и Астраханью служат прекрасным свидетельством ее боевых качеств. Мы отнюдь не думаем приписывать все военные успехи эпохи Ивана IV только поместной коннице, но полагаем, что она вложила немалую долю своего труда в создание той военной мощи, характеристики которой дает Михалон Литвин: «Свободу защищает он (русский царь) не сукном мягким и не золотом блестящим, а железом, народ у него всегда в оружии, крепости снабжены постоянными гарнизонами, мира он не вымаливает, силу отражает силою, воздержанию татар противопоставляет воздержание своего народа, трезвость — трезвости, искусству — искусству»³⁸.

Дальнейшее развитие огнестрельного оружия и широкое внедрение его в западноевропейской кавалерии, с которой все чаще и чаще приходилось сталкиваться русским войскам, вызвало необходимость в перевооружении и русской конницы.

С начала XVII столетия поместная конница начинает вооружаться и огнестрельным оружием. Так, в 1621 г. помещик Афанасий Лутовинов явился на смотр «на мерине с пищалью и с саблею; доспеха никакого нет»³⁹. В Государственном Историческом музее сохранился ствол еще более ранней пищали 1614 г., принадлежавшей князю Катыреву-Ростовскому⁴⁰. В 1622 г. помещик Иван Зловидов, имевший 300 четвертей земли, 10 человек крестьян и 10 бобылей, заявил у разбора, что он будет «на государственной службе без жалованья на коне на добром в пансыре в саадаке с саблею, а за ним человек на коне в пансыре с пищалью

и с саблею-ж». Если же ему будет «государево денежное жалованье, то он службы прибавит — даст еще человека с двумя конями в пансыре с пищалью и с саблею». Помещик Владыкин, по «сказке окладчиков и всего города», был так разорен от «литовских людей и казаков», что без жалованья служить не может, но если государь «пожалует его денежным жалованьем», то он будет «сам на коне в пансыре в саадаке и с саблей, с простым конем, с которым будет человек с пищалью и с саблею»⁴¹. В 1632 г. некий Богдан Самарин является на «мерине добром с пищалью да с саблею», другой помещик Василий Ахметьев на коне с двумя пищальями. В 1645 г. путивльский помещик Леонтий Литвинов

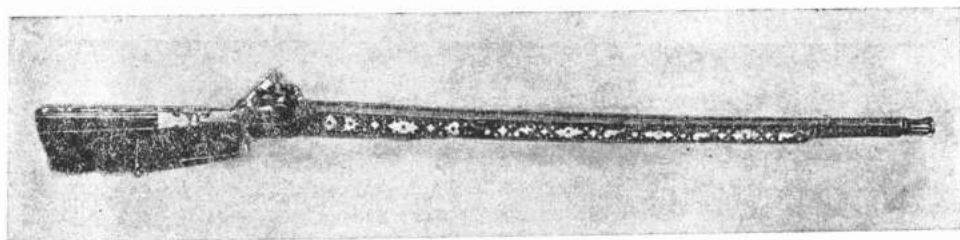

Рис. 11. Пищаль XVII в. работы русского мастера Осипа (Гос. Исторический музей).

сказал, что «будет на государевой службе на коне с пистолью, да с карабином, да с саблею».

Вооружение поместной конницы в XVII веке огнестрельным оружием, по требованию правительства, становится обязательным.

В наказе 1643 г. псковским воеводам определенно указано, как должны быть вооружены служилые люди. Дворяне, дети боярские и новики, т. е. верстанные в службу вновь, все должны явиться с огнестрельным оружием, и не только с пистолетами, но и с оружием дальнего боя — пищальми и карабинами, «а которые дворяне и дети боярские ездят с одними пистолти, а к пистолтям карабинов и мерных пищалей не держат, и те бы к пистолтям держали карабины или пищали мерные». Выезжавшие с саадаками должны были иметь сверх того по пистолету или по карабину. Только людей, сопровождающих дворян, если они хорошо владели лучною стрельбою, разрешалось снаряжать одними саадаками, но при отсутствии у них саадаков и для них были обязательны «пищали долги или карабины добрые».

Долгие пищали должны были иметь и люди, находящиеся в обозе «для обозного строения». Исключение делалось только для мелких помещиков, людям которых, находящимся в коше, вместо огнестрельного оружия разрешалось, «за скудостью», иметь лишь рогатины и топоры. В заключение, боярам и воеводам наказывается строго, чтобы «на государствену службу готовили во всем против нашего указу».

При такой насыщенности огнестрельным оружием защитное вооружение, казалось бы, должно было выходить из употребления. Однако мы видим, что формальные требования в этом отношении остаются прежними. В том же наказе 1643 г. читаем: «да и то б есте дворяном и дстем боярским и новиком сказали, чтоб они на нашей службе были против нашего указу в сбруях, латах, бахтерцах, пансырях и в шеломах и в шапках мисюрках»⁴².

Едва ли эти требования вызывались только старыми традициями. По всей вероятности, они были обоснованы также и боевой необходимостью.

При атаке конница могла действовать только холодным оружием, а от холодного оружия шлемы, пансыри и бахтерцы были хорошей защитой.

Огнестрельное оружие, особенно длинные пищали, по всей вероятности, нужно было коннице больше всего при действии в спешном строю, однако возможно предположить, что всадники стреляли с лошадей не только из пистолетов и карабинов, но даже и из «долгих пищалей».

Посошков, чрезвычайно критически относящийся к войскам старого строя, замечает: «найдутся у нас стрельцы в низовых городах и в сибирских странах, что скачючи на коне из длинного ружья в цель бьют и заряжают».

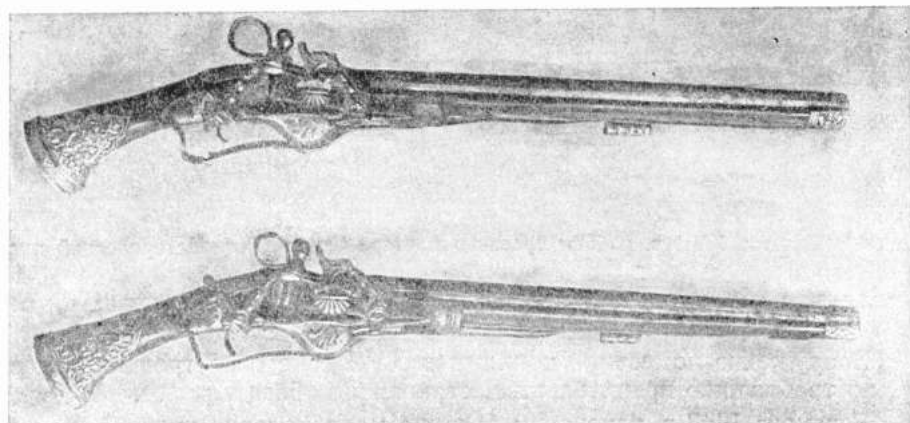

Рис. 12. Пистолы XVII в. работы русского мастера Елисея.
(Гос. Исторический музей).

К середине XVII столетия огнестрельным оружием вооружают не только ту часть конницы, которая должна была защищать западные границы, но и ту часть, которая должна была действовать против татар.

Грамота в Елец стольнику и воеводе Борецкому от 28 октября 1652 г. гласит следующее: «а детям боярским елчанином и всяких чинов служилым людям сказал, чтобы к службе были готовы, лошади кормили и ружье всякое сами и люди их крестьяне держали, что б в тот татарский приход никаких человек без ружья не был»⁴³.

С внедрением в конницу огнестрельного оружия потребовались и новые тактические навыки, а для них была нужна систематическая выучка.

С 30-х годов XVII столетия в России начинает формироваться конница так называемого «иноземного строя» — рейтарские и драгунские полки, сначала из иноземцев, а затем из русских беспоместных, даточных и «охочих людей» с иноземным командным составом. Насколько конница иноземного строя была выше поместной конницы, мы постараемся показать в специальной статье, посвященной зарождению регулярной конницы в России. Будущее, несомненно, было за ней.

При заключении Андрусовского перемирия в 1668—69 г. дворян и детей боярских было 19 000 из 42 500 конницы. В чигиринском походе 1674 г. в коннице Большого полка состояло 28 000 из общего количества конницы в 71 088 человек.

Во втором крымском походе 1689 г. людей «русского строя» было 17 206 человек, а иноземного — 78 652 человека. Из всего состава конни-

шы московских чинов — дворян и детей боярских полковой службы — насчитывалось всего лишь 7 936 человек⁴⁴.

Так закончила к началу XVII столетия свою историческую роль поместная конница, уступив место регулярной кавалерии. Но известные традиции поместной конницы, в частности, ее умение сражаться и в пешем, и в конном строю, перешли к основной части новой конницы, организованной Петром I, — к драгунам, а ее лихое наездничество, стремительность и удалость остались за казачьими частями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гудим-Левкович. «Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1706 г.», «Военный сборник», 1876 г., т. I, стр. 15 и 16.

² Сахаров В. «История конницы», СПб., 1889 г., стр. 23.

³ Разин Е. «История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны», М., 1940 г., стр. 225.

⁴ «История армии и флота», т. I, М., 1911 г., стр. 45.

⁵ Цит. соч., стр. 225. Лишь в последнее время С. Богоявленский подверг пересмотру вопрос о вооружении русских войск XVI—XVII вв. Он пишет: «Чувство самосохранения заставило дворян выбирать оружие не по произволу, а в соответствии с приемами войны и вооружением противника» («Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.», «Историч. записки», кн. IV, стр. 299).

⁶ Денисон. «История конницы», пер. с нем., СПб., 1897 г., т. II, стр. 104.

⁷ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», М., 1933 г., стр. 119.

⁸ Маккиавелли Никколо. «О военном искусстве», М., 1934 г., стр. 66.

⁹ Герберштейн С. «Записки о московских делах», СПб., 1908 г. Новокомский Павел. «Книга о Московском посольстве», стр. 274.

¹⁰ «Отечественные записки», СПб., 1826 г., № 70, ч. 25, стр. 298—300.

¹¹ Готье Ю. В. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», М., 1937, стр. 59.

¹² ПСРЛ, т. XIII, 1556 г., стр. 268, 269.

¹³ Висковатов. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», ч. I, СПб., 1899 г., стр. 76, приложение.

¹⁴ «Архив историко-юридических сведений» Калачева, кн. III, «Боярская книга 1556 г.».

¹⁵ Т.-е. более 2 600 десятин.

¹⁶ Флетчер. «О государстве русском», СПб., 1905 г., стр. 67.

¹⁷ Богоявленский С. К., стр. 260.

¹⁸ Ленц Э. «Опись собрания оружия графа Шереметева», СПб., 1895 г., стр. 5.

¹⁹ Оружейная Палата, №№ 4425 и 4561.

²⁰ Савваитов П. «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора», СПб., 1865 г., стр. 21—38.

²¹ В письме английского путешественника Артура Удварда среди товаров, назначенных для персидского шаха, значится: «10 или 12 кольчуг хорошего качества (иных не нужно), которые бы могли выдержать удар стрелы». См. «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.», перев. с англ. Ю. Готье, М., 1937 г., стр. 235.

²² Курбский. «История о великом князе Московском», СПб., 1868 г., стр. 31 — 32.

²³ Забелин И. «Домашний быт русских царей», т. II, М., 1915 г., стр. 847. приложение.

²⁴ Цит. соч. стр. 289.

²⁵ «Акты Археографич. экспедиции», т. I, стр. 184.

²⁶ Хоз — это козлиная кожа, обработанная особым способом.

²⁷ Веселовский Н. И. «Памятники дипломатических сношений с Персией», т. I, стр. 97.

²⁸ Герберштейн С., стр. 75.

²⁹ Михалон Литвин. «О нравах татар, литовцев и москвитян». «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. II, пол. 2, ст. 5, стр. 27.

³⁰ Маржерет. «Сказания иностранцев о Дмитрии Самозванце», ч. I, стр. 58.

³¹ «Полное собрание законов Росс. империи», т. I, Уложение, стр. 157.

³² Маржерет, стр. 58.

³³ Герберштейн С., стр. 75.

³⁴ Новокомский Павел, стр. 271.

³⁵ Танер Бернгардт. «Описание путешествия польско-литовского посольства в Москву в 1678 г.», М., 1891 г., стр. 46.

³⁶ Столбцы архива Оружейной Палаты, № 17086, к. 85, л. 3. «Госуд. Архив древних актов».

³⁷ «Дополнения к Актам историческим, изданные Археографич. комиссией», т. I: СПб., 1846 г., д. № 100 за 1566 г.

³⁸ Михалон Литвин, стр. 36.

³⁹ Иванов. «Описание государственного разрядного архива», М., 1842 г., стр. 26 — 30.

⁴⁰ Соболев Н. И. «Пищаль князя М. Катырева-Ростовского 1614 г.», «Труды Государственного Исторического музея», М., 1941 г., т. XIII, стр. 129.

⁴¹ Иванов, стр. 30.

⁴² «Акты Археографич. экспедиции», т. III, № 319.

⁴³ «Полное собрание законов Росс. империи», т. I, № 87, стр. 280.

⁴⁴ «Столетие военного министерства», т. IV, приложение 10.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА*

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Не в первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим, зазнавшимся врагом», говорил тов. Молотов в своем памятном выступлении по радио 22 июня 1941 г. О героических традициях нашего народа и его освободительной борьбе в прошлом напомнил товарищ Сталин в своем обращении к советскому народу 3 июля 1941 г., в своем докладе 6 ноября 1941 г. и в речи, произнесенной им на другой день, 7 ноября, на параде Красной Армии.

Наша страна не раз стояла перед лицом вражеского нашествия, но всякий раз замыслы чужеземного захватчика разбивались о силу сопротивления народа, поднимавшегося на освободительную борьбу за родину. Новгородское и Псковское народные ополчения составили основную силу в войске Александра Невского, разбившем шведов на Неве в 1240 г. и нанешедшем сокрушительный удар немецким псам-рыцарям в 1242 г. на Чудском озере. Народное ополчение Русской земли составило передовой и большой полки в войске Дмитрия Донского, разгромившем в 1380 г. Мамай на Куликовом поле и положившем начало освобождению Руси от татарского ига. Всенародное ополчение выступило решающей силой в борьбе с интервентами в начале XVII века. Партизанская народная борьба явилась грозной силой героической народной борьбы в Отечественной войне 1812 г.

Так росли и крепили традиции народной войны. В наше время, в защите молодой Советской республики от интервентов в тяжелые годы гражданской войны, в защите социалистического отечества в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков, эти вековые традиции получили совершенно новый смысл и значение, и народная война приобрела необычайный, грандиозный размах, ни с чем не сравнимый в прошлом.

Этот народный характер борьбы против интервентов с ее специфическими чертами и формами чрезвычайно выпукло выступает впервые в

* Зимой 1941—42 г. автор заново перечитал документы бурной эпохи начала XVII века. Историк почувствовал потребность проникнуть в сущность внутренних движений общественной жизни России того времени, понять глубокие внутренние процессы, составляющие ее подлинное содержание. При этом на первый план выступил местный актовый материал, непосредственно отразивший повседневную местную жизнь, деятельность народа, героизм будней этих необыкновенных лет, неприкрытые никакой политической схемой. В свете героических событий наших дней многое могло быть осмыслено и понято по-новому и стало на свое настоящее место.

Настоящая статья была написана и доложена автором в начале 1943 г.

событиях начала XVII века. С одной стороны, развитие национального и политического единства впервые именно в это время сообщило движению исключительный размах и высокое идейное содержание. С другой стороны, фактический распад официальной государственной организации силой исторических обстоятельств возложил на народное ополчение особые задачи и придал ему черты народной самодеятельности в национальной борьбе, начавшейся местной городской обороной и крестьянским партизанским движением и завершившейся созданием всенародного ополчения под руководством Минина и Пожарского, освободившего страну от польско-шведской интервенции.

Не удивительно, что события этого периода неоднократно привлекали внимание русской исторической науки, отражаясь в документальных публикациях и научных исследованиях, начиная с издания «Актów Археогрaфической экспедиции» и появившейся вслед за этим «Истории смутного времени в России» Д. Бутурлина.

Однако, отраженные в документах, вопросы народной борьбы не получили своего настоящего освещения и разрешения в обширной литературе, посвященной истории этого периода. В представлении дворянско-буржуазной историографии народное движение этого периода безраздельно слилось с «крестьянской войной», с крестьянско-казацким движением, противопоставленным, как анархическое начало, началу государственному. Отсюда та внутренняя изолированность, историческая оторванность, в которой выступает народное ополчение в традиционном его освещении. Лишенное подлинных исторических корней в массовом народном движении, оно возникает как бы внезапно, осенью 1611 г., по призыву сверху; оно вызвано к жизни инициативой нижегородского посада во главе с Козьмой Мининым. Отсюда и его название—Нижегородское ополчение,—как бы заслоняющее его всенародное значение. Впрочем, непосредственная инициатива присваивается даже не Минину и нижегородцам, а патриарху Гермогену, единственному представителю законной государственной власти в тяжелый период «междоусобия»; его послания должны были подвигнуть нижегородцев на созыв ополчения. Рядом с патриархом вторым претендентом на руководство движением выступает Троице-Сергиевская лавра в лице ее руководителей—архимандрита Дιονисия и келаря Авраамия Палицына. Проводником этой идеи было «Сказание» самого Авраамия и описание «чудес» Сергия, составленное Симоном Азарьиным. После этого Минину и Пожарскому оставалась уже только роль исполнителей и практических организаторов дела. Вместе с тем снимался самый вопрос об исторических корнях и истоках того народного движения, из которого выросло ополчение. Речь шла не об истоках, а о предшественниках Нижегородского ополчения. Таким непосредственным его предшественником считалось ополчение Ляпунова, за которым и установилось в литературе название первого ополчения, с соответствующим обозначением Нижегородского ополчения вторым. Наконец, в этом же ряду первым выразителем народных чаяний и народным вождем оказывался князь Михаил Скопин-Шуйский, которому присваивалась основная заслуга в деле разгрома Тушинского лагеря.

Так последовательно исчезали народные корни большого народного движения, освободительной борьбы народа против польско-шведской интервенции. Эта концепция, отчетливо оформившаяся в работах Соловьева и Бестужева-Рюмина, прочно закрепляется в русской историографии и последовательно воспроизводится в последующих исторических трудах.

Два историка сделали попытку пересмотреть эту схему. Одна из этих попыток принадлежит Ивану Егоровичу Забелину, автору работы

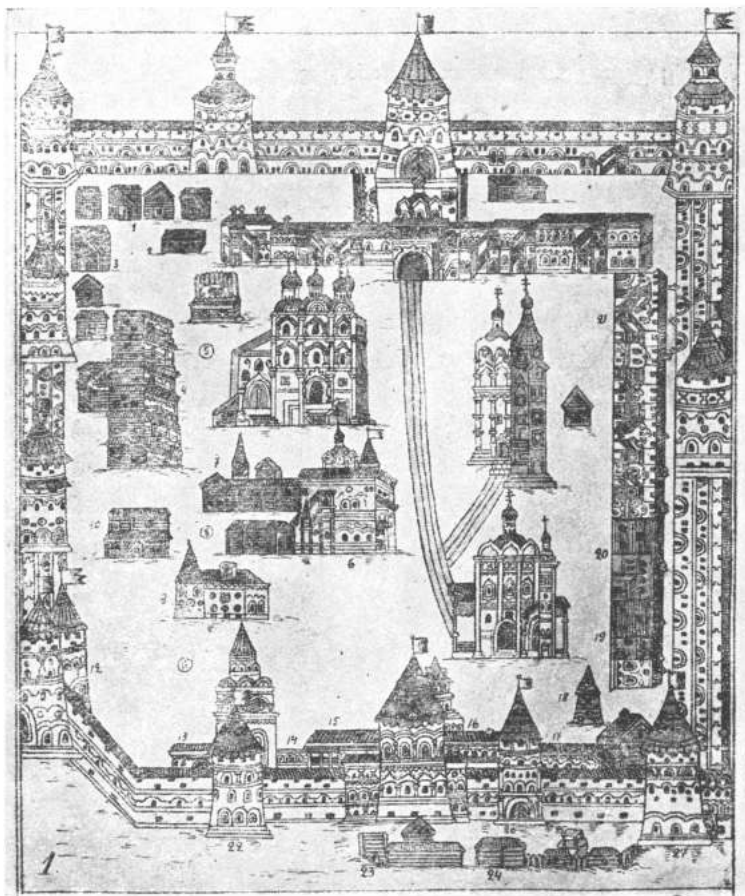

Рис. 1. Троице-Сергиев монастырь.
• (Изображение на иконе XVII в.).

Рис. 2. Князь М. В. Скопин-Шуйский.
(«Парсуна» XVII в.).

Рис. 3. Город Смоленск в начале XVII в. (Реконструкция на основе плана Гондиуса).

«Минин и Пожарский. Кривые и прямые в смутное время». Для него виновником смуты было само правительство и окружающий его правящий служилый класс. Отсюда и отрицательное отношение Забелина к Ляпунову и его деятельности. На первое место выдвигается «сирота-народ», хранитель патриархальных традиций, пошедший на спасение родины. Но это выделение посадского элемента явилось скорее своеобразным выражением новых буржуазных тенденций. Под другим углом зрения сохранялся тот же внутренний разрыв, и хранитель старых традиций, народ, оставался в сущности пассивным. «Богомольцы (т. е. духовенство. Н. Р.) сделали свое дело, подняли, возбудили народные умы...». Деятельность «посадских сирот» оказалась воплощенной в лице земского старосты Козьмы Минина, с выступления которого и начинается история народного ополчения. Изменилась оценка событий и людей, а не представление о самой связи исторических событий.

Глубже и принципиальнее постановка вопроса у А. П. Шапова в его очерке «Великорусские области в смутное время». В организации народного ополчения и в освобождении страны от интервенции он отводит решающее значение объединению народных сил, народной самостоятельности. Обособленность, разобщенность земель — «великая рознь областных общин» — обусловила слабость страны на первом этапе борьбы. Но в ходе борьбы сложились и окрепли внутренние связи. Областные общины — пишет Шапов — «порешили на своих местных земских советах быть в любви, в совете и в соединении»¹. При этом Шапов справедливо сосредоточил свое внимание на росте сношений между городами, на переписке между ними, в которой сформировалась общеземская мысль, — на «процессе развития общего, всенародного земского совета из разрозненных местных, областных земских советов»².

Но в изучаемом процессе Шапов видит лишь развитие общеземской идеи, рост народного сознания, а не последовательное оформление народного дела в непосредственном развитии народной борьбы и ее материальной организации. Шапов решает вопрос идеалистически. Переход к всенародному ополчению разрешается для Шапова в осознании общенародного характера борьбы с интервенцией. Непосредственных материальных связей с предшествующими этапами народной борьбы Нижегородское ополчение не имеет и у Шапова. Он и не ищет корней движения в прошлом. Он раскрывает идейную подготовленность движения, но ничто не меняется в раскрытии конкретного хода исторических событий. Идея народной борьбы растет постепенно, но вслед за этим самое ополчение создается единовременным актом, по призыву сверху.

Как бы то ни было, но здоровое и положительное направление исследования, которое обозначилось в работе Шапова, не получило развития в последующей исторической литературе. Последняя дополняла и расширяла сумму конкретных фактов, но вкладывала их в старую традиционную историческую схему. «Очерки по истории смуты» С. Ф. Платонова представляют, может быть, наиболее полный свод наших конкретных знаний о борьбе русского народа с интервенцией в начале XVII века. Почти все факты народной борьбы отмечены автором, но при этом выпадает представление о действительной связи между ними, процесс внутреннего перехода к формированию народного ополчения. Скопин-Шуйский, Ляпунов, наконец Минин и Пожарский, за которыми стоит патриарх Гермоген с его воззваниями, такова преемственность исторических явлений и для Платонова. Все же работа Платонова несомненно дала известный толчок конкретной разработке истории самой народной борьбы с интервентами, особенно в разрезе местной истории.

Общая схема остается еще и у историка народного ополчения П. Г. Любомирова. Правда, автор «Очерка истории Нижегородского ополчения» значительно отчетливее вскрывает общенародный характер ополчения. Но и он не дает его подлинных истоков в предшествующем народном движении. Участие Нижнего Новгорода в борьбе до октября 1611 г. в конечном счете оказывается замкнутым в пределах Нижегородского края, сведенным к борьбе нижегородцев за собственный город и за ближайшие рубежи, за ближние поволжские города, как Балахна. Автор как-то не замечает связи Нижнего Новгорода с общеземским движением до выступления Минина. Глава, посвященная этому периоду, остается как-то вне основной линии исторического развития, только введением к основной исторической теме. История ополчения и для П. Г. Любомирова начинается с осени 1611 г. — с выступления Минина или послания Гермогена. В этих рамках попрежнему замыкается дискуссия о начале ополчения.

Поворот новейшей историографии к изучению народной жизни, к истории народных движений и народной борьбы не привел к преодолению указанного противоречия. В основе изучения оставалось попрежнему несвязанное противопоставление двух моментов народного движения, раскрывающегося в классовой борьбе и в национальной борьбе, признаваемой делом государства. Переменились симпатии и интересы исследователей, сосредоточившиеся на истории классовой борьбы — на теме крестьянской войны. Но вместе с тем самая тема польской интервенции, тема общенародной освободительной борьбы, попросту выпала, оказалась снятой с изучения. Именно этим определилась позиция М. Н. Покровского и его школы. В своей критике государственной школы они фактически исходили из одной и той же теоретической посылки. Они шли путем механического противопоставления понятий, а не внутреннего преодоления односторонности и ограниченности старой традиционной концепции.

Настоящий ответ на поставленные вопросы дают нам подлинные документы о повседневной жизни и делах населения городов и сел Московской Руси в период тяжелой борьбы с вражеской интервенцией начала XVII века. Они рисуют действительную картину систематической мобилизации и развертывания народных сил по мере того, как подлинное лицо интервенции раскрывалось в глазах народа. Не внезапный толчок извне призвал к жизни народное ополчение, оно создано действиями самих народных масс, организующих и объединяющих свои силы в ходе непосредственной борьбы с врагами, настоячивыми и последовательными усилиями этих масс. И именно в этом широком массовом народном движении очень многое выступает с особенной яркостью и остротой сейчас, осознается по-новому в свете недавних событий Великой Отечественной войны, раскрывая прочность и нерушимость боевых традиций нашего народа в борьбе с чужеземными захватчиками³.

2. ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ТУШИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Начало народной освободительной борьбы относится не к осени 1611 г., когда Козьма Минин выступил со своим призывом в Нижнем Новгороде, и не к началу 1611 г., когда начинается сбор ляпуновского ополчения, а еще к осени 1608 г.

В июне 1608 г. войска второго Самозванца подошли к Москве и расположились лагерем в Тушине. По сравнению с движением Лжедмитрия I, ситуация существенно изменилась. В победе первого польского

ставленника над Годуновым в 1605 г. значительную роль сыграло умение использовать народное движение, опереться на его поддержку. Однако первые же шаги правительства Лжедмитрия, а затем прибытие Марины Мнишек и польской шляхты, выявили подлинное лицо скрытой польской интервенции, вызвали вслед затем народное восстание на Москве 17 мая 1606 г. и свержение Лжедмитрия. Новый царь Василий Шуйский, получавший власть из рук узкого кружка бояр, очутился перед лицом нового широкого крестьянского восстания во главе с Иваном Болотниковым. Восстание было подавлено ценой большого напряжения сил, государственная власть приходила в упадок. Новый Самозванец имел возможность использовать это ослабление власти. Но в то же время он не мог уже рассчитывать на активную поддержку широких народных сил. В лагере второго Самозванца руководство открыто сосредоточивается в руках польской шляхты. С самого начала решающую роль играет Рожинский, затем Лисовский с его отрядом. В дальнейшем руководящая роль переходит к Яну Сапеге, родственнику литовского канцлера Льва Сапегы, осуществлявшего, таким образом, непосредственную живую связь между тушинским лагерем и польским правительством. За ними тянется ряд представителей менее знатных выходцев из Речи Посполитой с их большими или меньшими отрядами польской шляхты, насчитывавшими в общей сложности до 20 000 поляков, а может быть и больше.

Это польское войско обеспечило первые успехи Самозванца. Однако несколько попыток прорваться в самую Москву потерпели неудачу. Тогда план прямого прорыва сменяется планом окружения и блокады. Одно войско отправляется в обход Москвы с юга на Рязань, Зарайск, Коломну, но после первого быстрого продвижения вынуждено оставить временно захваченную Коломну. Зато на севере отряды Сапегы, Лисовского и другие за пару месяцев овладевают замосковными городами — Переяславлем, Александровской слободой, Владимиром и Шуей, Ростовом и Суздалем. Они доходят до Ярославля, Костромы, Балахны. Наконец, они продвигаются за Волгу до Устюга и Вологды, а отряд Кернозицкого появляется под Устюжной Железнопольской.

В результате Москва оказывается отрезанной от основных жизненных центров государства, от богатых торговых городов Севера с их обширными внешними связями, от большого волжского пути. Остается свободной только южная дорога на Рязань.

Это создает внутреннюю разорванность во всей стране. Потеряв связь с Москвой, отдельные города и области Русского государства оказались предоставленными в развернувшийся борьбу самим себе, собственной инициативе. Государство, казалось, распадалось, центральное звено государственной власти выпало.

Сообщения с мест неоднократно подчеркивают это обстоятельство. В отписке 4 февраля 1609 г. вятчане сообщали в Пермь: «выше Нижнего к нам вестей нет»⁴. Во многих северных городах в момент польского наступления не оказалось воевод. Так, отсутствовал воевода в Устюжне Железнопольской в самый разгар событий. Из Соли Галицкой сообщали в Москву: «а твоего государства надежных крепких воевод у наших у галицких ратных людей, и у устюжан, и у пермичей, и у тотмичей нет, опричь голов»⁵.

Связь с Москвой северных городов устанавливается в дальнейшем посылкой специальных ходоков за вестями и инструкциями из центра и с сообщениями о событиях на местах. Но сообщения о посылке ходоков до нас от марта 1609 г., тогда как самая борьба на местах разгорелась еще в ноябре 1608 г. Эта посылка ходоков сама явилась результатом

определенной организованности и зрелости местного движения, показателем расширения его внутренних связей.

Развал центральной власти значительно облегчил захват русских городов польскими отрядами. В ряде городов местные воеводы и служилые люди признают власть Лжедмитрия, переходят на сторону тушинцев, впускают польских интервентов. Таковы Владимирский воевода Михаил Вельяминов, Ярославский воевода кн. Борятинский, Вологодский воевода Никита Пушкин. Матвея Плещеева Сапега назначает воеводой в Ростов, Федора Плещеева — в Суздаль. Дворяне замосковского края спешили этим путем обеспечить свои вотчины и поместья: «аще убо стояше будем с поляками вкупе на Москву и на Троицкий Сергиев монастырь, то поместья наши не будут раззорены», — так охарактеризовал их позицию Троицкий келарь Авраамий Палицын. К тому же эта группа никогда не питала доверия к Василию Шуйскому, как «боярскому царю», а с другой стороны, боялась нового взрыва крестьянской войны и теперь спешила себя обезопасить союзом с поляками в Тушине.

Широкие массы местного населения в первый момент были застигнуты врасплох быстрым продвижением польских отрядов. В городах не оказалось организованных сил для сопротивления врагу. «Жили просто, совету де и оберегания не было» — писали потом устюжане вологодцам⁶. «А то нам и вам ведомо, что в Муроме и в Володимере, и ни в которых городех нет в сборе никаких людей, опроче подымных людей, пашенных крестьян», — писали о том же из Нижнего⁷. С другой стороны, городское население не могло сразу разобраться в создавшейся политической обстановке. Не случайно в одной из первых отписок в Сольвычегодск устюжане говорят еще только об осторожности, о выжидании: «не спешите крест целовать (Лжедмитрию), не угадать, на чем совершится».

Эта неопределенность положения, однако, сохраняется не долго. Уже с ноября пламя народного восстания против чужеземных захватчиков постепенно охватывает замосковский край. В городах и селах идет упорная, глухая борьба. Только что завладевшие русскими городами тушинские воеводы чувствуют себя на вулкане. На своих воеводствах они сидят как в осажденных крепостях, и шлют тревожные письма тушинскому гетману Яну Сапеге с просьбой о военной помощи. В основе этого общего подъема народной борьбы лежит сознание угрозы чужеземного захвата. Речь идет о борьбе против «литовских людей», как обозначаются в грамотах польские интервенты, чтобы Московское государство стояло «по-старому здорово», «чтобы наша православная вера не разрушилась». Речь идет о борьбе за свое политическое и национальное существование. Характерно, что в этих отписках меньше всего говорится о московском правительстве царя Василия Шуйского.

3. НАЧАЛО БОРЬБЫ. МЕСТНЫЕ ВОССТАНИЯ

«А се не та пора стала, в людех смута великая», — доносил 6 декабря 1608 г. гетману Сапеге из Суздаля тушинский воевода Федор Плещеев⁸.

Действительно, с середины октября восстание народных масс против интервентов быстро распространяется по стране. Еще в конце сентября войска Сапегы натолкнулись на решительное сопротивление Троице-Сергиевской лавры и были остановлены под ее стенами. Началась длительная оборона лавры. В ноябре «галичане и галицкие пригороды» и «Кострома с пригороды» отошли от Лжедмитрия. Одновременно суздальский воевода сообщает Сапеге о большом восстании в Шуге:

«в сборе детей боярских и мужиков разных городов 25 000»⁹, поляки «шуйские посады пожгли и с мужиками, которые седи по дворам и билися с ними насмерть». Вслед за этим нижегородцы разбили тушинские польские отряды в Балахне, Ворсме и Павлове, а на северо-западе отряд Кернозницкого потерпел поражение под Устюжной Железнопольской. «По городам и по волостям» черные люди, посадские и крестьяне формируют отряды на борьбу с интервентами: «Наташа же во многих местах людие собиратись и на разных местех бывшу собранию, мысль же обретеса у всех едина. Бог тако устрои вложить в черные люди единомыслие: в Юрьевце Поволжском собрашася с неким сотником с Федором Красным, на Решме со крестьянином Гришкою Лапшою, на Балахне с Иваном Кувшинниковым, в Гороховце¹⁰ с Федором Нагавицыным, на Холуе со Ильею Дементьевым, и совокупишася вси воедино...»¹¹. Интересно в этом сообщении, в частности, указание на активную роль крестьянской массы в движении: крестьянином назван начальник одного отряда Григорий Лапша. На крестьянскую среду могло бы указывать и обозначение сотником начальника другого отряда Федора Красного, но в одной отписке он обозначен «чарочником»¹², что может говорить о его служилой принадлежности.

Во всех этих сообщениях бросается в глаза стихийность и в то же время массовый, народный характер поднявшегося движения. Именно здесь надо искать ответ на недоуменный вопрос историка о том, что стало с крестьянским движением, с крестьянской войной, заполнившей первые годы так называемого «смутного времени». Крестьянское движение не затерялось в новой большой теме интервенции и борьбы с ней. Просто силы крестьянского движения обратились на новую задачу, которая заслонила старую. Народная масса увидела главную опасность во вражеской интервенции и от внутренней борьбы повернула к общенародной борьбе за Родину. Этот поворот приходится как раз на осень и зиму 1608 г. В дальнейшем мы встречаем бывших деятелей движения Болотникова в рядах активных участников борьбы с интервентами. Польские отряды, занявшие главные города Замосковья и Поволжья, неожиданно оказались в этих городах, как в осаде, во вражеском кольце. Из городов Костромы, Владимира, Суздаля, Ярославля, Юрьева, Шуи и других идут от тушинских воевод тревожные сообщения о сборе «мужиков», о том, что стали «мужики в скопе», что «мужики ближают» к городу. При этом самый термин «мужик» в актах XVII века имеет более широкое значение, обозначая равно посадское и сельское население. «А воры ближают, от Суздаля верст за 20, прямят на Суздаль», сообщает тушинский воевода из Суздаля, обозначая термином «воры» восставших на Самозванца¹³. О том же сообщают из Костромы: «мужики собираютца от Костромы близко, верстах в 30», «воры-де мужики к Романову ближают»¹⁴. «А стоят... володимерцы верст за 15», пишут из Юрьева Польского¹⁵.

В результате в течение ноября и декабря Заволжье и значительная часть волжских городов были освобождены от поляков. В ноябре освободились Кострома и Галич, вслед за ними отпала от тушинцев Вологда, в декабре были освобождены Пошехонье и Данилов, заколебалось положение поляков в Ярославле, Суздале и Владимире. Поляки спешно двинули в Поволжье более крупные силы под начальством Лисовского и других тушинских воевод. В ходе развернувшейся борьбы им удалось добиться известных успехов и снова временно занять некоторые города на Волге: Кинешму, Кострому, затем Ярославль. Но эти успехи были непрочны и недолговременны. Повстанцы следуют по пятам за польскими отрядами. Стоит Лисовскому со своим отрядом перейти на

новое место, как прежнее место уже переходит в руки восставших. Так, в январе 1609 г. Лисовский вновь занял Кострому и Галич, но уже в феврале, с его отходом к Суздалю, тушинские воеводы были изгнаны из этих городов.

Самая борьба за эти города приняла очень напряженный и упорный характер, выражаясь в своеобразной организации городской самообороны, дающей образцы исключительной самоотверженности и героизма.

Неопытные в открытом бою, требующем военных навыков и определенной маневренности, посадские люди, привычные к ремесленному труду, и крестьяне, привычные к земельным работам, умело и успешно укрепляются в городах.

Упорно оборонялась Кострома в начале марта. По отписке тушинского воеводы, «были около посаду порублены тарасы, а по улицам поставили во многих местах остроги». Из Вологды сообщали об устройстве вала и рва, об установке надолб и других искусственных укреплений¹⁶. Оборона города переходила в уличные баррикадные бои.

В этих боях полякам приходилось брать каждый двор, «а иных... во дворе, которые заперлись, пожгли»¹⁷. О том же говорит и приведенное выше декабрьское сообщение о борьбе в Шуйском посаде «с мужиками, которые сели по дворам и билися насмерть».

Еще более яркую картину дает несколько позже, в июне 1906 г., отписка Просовецкого Сапеге из-под Владимира: «А в городе, господине, у них конные люди немногие, а сидят люди пешие с вогненным боем, а сидят жестоко; а посады, господине, и слободы все пожгли»¹⁸.

Эта краткая запись говорит о многом. Прежде всего, конные люди представляли именно основное государево войско — дворянские, поместные отряды; этого войска в городе нет; обороняют город «пешие люди», — термин, которым, как и в более раннее время, обозначают местные городские ополчения посадских людей или окрестных крестьян. Не случайна и подчеркнутая роль «вогненного боя»; посадские люди, среди которых много ремесленников, в том числе и кузнецов, оказались как раз привычными к огненному бою и дали ему широкое применение, как увидим это в дальнейшем. Подчеркнуто и упорство обороны: «а сидят жестоко», и показан яркий образ этой решимости: «а посады, господине, и слободы все пожгли», — т. е. население само пожгло свои дома, расположенные в основном за стенами укрепленного города (кремля), чтобы полякам труднее было продвигаться к городу по голому месту, под обстрелом защитников города. В борьбе за свои города люди жертвовали и имуществом и жизнью.

Когда полякам удавалось, наконец, сломить сопротивление осажденных и занять город, новые узлы сопротивления вырастали вокруг города и окружали его тесным кольцом. Вот для примера донесение Сапеге из Юрьева Польского: «А стоят... володимерцы верст за 10 и за 15...; и они стоят за засеками и за реками и за грязями за большими, и языков взять было у них не можно, а стоят великим собранием, не в одном месте, а хотят подойти к нам, к Юрьеву»¹⁹.

Характерно и здесь применение особой системы укреплений, специальной формы обороны, противопоставленной открытому полювому бою. Засеки создаются из срубленных деревьев, сваленных рядами и образующих прочное прикрытие для обороняющихся. Это своего рода небольшая, на скорую руку сооруженная крепость. Система засек переносится сюда из той практики, которая сложилась на южной окраине Русского государства. Там, в 50-х годах XVI века, создавалась уже первая засечная линия обороны против татарских набегов в виде целого ряда укреплений — засек (Тульская засечная черта).

Эта система опять-таки отвечала уже отмеченным качествам народных ополчений, привычных к земляным работам по строительству укреплений. Система засек противопоставляется народными отрядами системе полевого боя польской конницы и конных дворянских отрядов. Засаки создаются прежде всего по основным дорогам, нарушая коммуникации противника. За засеками отряды становятся заставами. Так, из Тотмы сообщалось устюжанам в январе 1609 г.: «В Тотемской волости стоят на заставе наши же ратные люди 300 человек и волостные крестьяне стоят у застав головами; и солигалицкие беглые люди стоят с нашими же вместе... А на Толщце и на Совьюге и на Вотче в Демьянове стоят у засек головами»²⁰.

В описании выступает упорство и сила этого сопротивления: «стоят за засеками и за реками и за грязьми большими», «стоят великим собранием»; даже «языков» взять не удавалось. Характерен далее и самый состав местного ополчения в его официальном определении. Здесь, рядом с ратными людьми и волостными крестьянами, значатся равноправными участниками борьбы «солигалицкие беглые люди».

Яркую и вместе с тем типичную картину борьбы на данном первом этапе дает дошедшее до нас подробное описание обороны Устюжны Железнопольской от поляков. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую в 1609 г. записано на обороте той иконы в соборной церкви рожества богородицы в Устюжне Железнопольской, которой было приписано «чудо» спасения города от неприятеля. Самая запись о событии исключительно конкретна и реалистична и, судя по точности датировки, сделана по свежим следам событий или на основе какого-то другого современного документа²¹.

Первые известия об угрозе городу со стороны польского отряда Кернозицкого пришли в Устюжну от белозерцев 6 декабря. В записи указывается полная военная неподготовленность города, не имевшего острога и каких бы то ни было укреплений, а также ратных людей. Не оказалось в Устюжне и царского воеводы. Однако население быстро организуется. Оно обязуется «стоять всем друг за друга единомышленно и литве и полякам не здатися». «И избраша себе головою Солменя Отрепьева, да Богдана Перского, да Устюжского приказчика Алексея Суворова, занеже на Устюжне воеводы в то время не бе и ратного дела не знаху». В помощь выборным головам создается своеобразный совет из 10 устюженских «избранных людей» и 10 дворян и детей боярских. Такое совместное действие дворян с посадскими и волостными людьми на равных основаниях наблюдается на всем протяжении народной борьбы.

Это выборное правление приступило к организации обороны. Оно провело своеобразную мобилизацию («переписаша на Устюжне всех чинов люди»), поставило десятников, пятидесятников и сотников и возложило на них организацию местного ополчения. В конце декабря это ополчение явилось начальством некоего сына боярского Ждана Бирилева разбило подошедший к Устюжне первый польский отряд Иосифа Застолбского.

В разгар этих событий прибыл в Устюжну царский воевода Ртищев. И снова сказание дает нам яркое и характерное свидетельство утвердившейся столь быстро посадской самостоятельности: «головы же и дворяне и дети боярские и устюженские же люди избраша его себе воеводою». Таким образом, воевода, назначенный царем, нуждается еще и в посадском избрании для вступления в должность; власть на посаде перешла к посадскому обществу.

Главные бои под Устюжной приходятся уже на вторую половину января и начало февраля. К городу приближался главный польский отряд. Вопреки мнению воеводы, по требованию посадских людей ополчение

выступило навстречу польскому отряду, но потерпело полное поражение у деревни Батеевки: сказала, как это и предвидел воевода, неподготовленность ополчения к полевому бою.

Вслед за этим устюжане приступили к планомерному укреплению города для обороны от неприятеля: «И начаша делати острог около Устюжны посаду, рвы копати и надолбы ставити, и пушки и пищали ковати, такожде и ядра, и дробь, и подметные каракули, и копия, и всякие хитрости, еже на потребу острогу, строити, не усыпаяще день и ночь».

Перед нами все типичные формы городской обороны. К тому же Устюжна имеет железную руду (болотная руда неглубокого залегания) и здесь были развиты железоделательные промыслы. В числе «хитростей» «подметные каракули» — то же, что известный из описания обороны Троицкой лавры «чеснок»: четыре железные шипа расположены так, что при всяком положении один шип торчит вверх; разбросанные по дорогам эти «каракули» калечат ноги коней и выводят их из строя, являясь, таким образом, активным средством борьбы пешего ополчения с вражеской конницей. Одновременно выборные от посада отправляются в Новгород Великий к воеводе Скопину-Шуйскому «для пороховые казны». Они получают подмогу в 100 ратников и артиллерийский «наряд».

Подошедшего 3 февраля неприятеля город встретил уже в полной боевой готовности и все его население поднялось на защиту. «И тако шедше все людие от мала даже и до велика, старии и млади, и жены и дети стаха по острогу, ждуще безбожных литвы и поляков».

После неудачи первого приступа поляки перешли к более планомерной подготовке нового приступа, стали готовить «всякие хитрости»: шипы, «катные возы» с соломой, «кознии стенобитные». Но и осажденные, воздерживаясь от активных действий, тщательно готовились к отражению приступа. «Воевода же и головы во остроге... повелеша дворянам и сотникам разделить стены града, и башни, и врата, такожде и людей на всех странах повелеша поставити, да кийждо свою страну ведает». Два новых приступа 3 и 4 февраля также были отбиты. Последовавшая за этим вылазка осажденных окончательно заставила осаждающих отступить. Они отошли «за 10 поприщ» (13 км, а может быть и больше).

Новая попытка наступления на Устюжну относится уже к началу июня, но и она оказалась столь же безуспешной. «Граде... же людие стояху с женами и с детьми, брегуще острога». 10 июня поляки окончательно отступили и Устюжна освободилась от осады.

Шире известная оборона Троицкой лавры представляет несколько иные, особые черты. Лавра со своими стенами и башнями являлась настоящей крепостью. Она располагала сравнительно значительной артиллерией и имела небольшой гарнизон во главе с царскими воеводами Григорием Долгоруковым и Алексеем Голохвастовым. Однако и здесь решающее значение имело активное участие в обороне крестьянской массы. Отряд Долгорукова и Голохвастова насчитывал едва 300 человек, а число защитников лавры, по ряду косвенных данных, достигало 3000 человек, так что царское войско составляло едва одну десятую часть всех защитников крепости. Отписки осажденных даже с известной тревогой и враждебностью отмечают руководящую роль народных демократических элементов в обороне лавры. Участие ремесленников обеспечило текущий ремонт укреплений и вооружения и изготовление всяких «хитростей», применявшихся в обороне.

В боевых действиях были отмечены заслуги многих крестьян, особенно из села Клементьевского и др. Таковы были крестьяне Шилов и Слота, взорвавшие вражеский подкоп и сами погибшие при

этом, крестьянин Данило Селевин, участвовавший в успешном нападении на вражескую батарею у Терентьевской роши, и многие другие. Постепенно крестьянские войска научились не только оборонять стены крепости, но успешно производили вылазки и сражались с врагом, нанося ему большой урон. Троицкая лавра выдержала осаду, продолжавшуюся более 15 месяцев (с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г.), и так и не была взята неприятелем.

При всей успешности этих отдельных операций, положение страны оставалось тяжелым, враг удерживал за собой важнейшие позиции. Основная причина этого лежала в местном характере борьбы на первом этапе, в ее внутренней разорванности, в отсутствии организованности и единства, в неумении объединиться. Действовали местные ополчения и велась партизанская борьба, упорная и героическая, но не умевшая подняться от защиты своих насиженных мест до объединенной борьбы за общее дело. И это почувствовали очень скоро сами участники событий. В отписке от 20 января 1609 г. вычегодцы писали пермичам: «А слухом мы слышали, что в Верховье которые городы, Переяславль, и Ростов, и Ярославль, и Даниловское село, и Рязанские городы, и Северская уkraine, меж собою не советовав и друг за друга не стояли, и они сами в разоренье стали»²².

4. ВТОРОЙ ЭТАП БОРЬБЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЛАСТНЫХ ОПОЛЧЕНИЙ НА СЕВЕРЕ И ОЧИЩЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ

Организация борьбы требовала вовлечения в нее Севера и за-волжских земель. Заволжье оставалось до этого времени вне борьбы и не подверглось разорению, которое постигло южные земли, а под конец и замосковский край. Но уже с конца ноября волжские города обращаются с призывом о совместной борьбе в северные города.

Инициативу в этом вопросе берет на себя Нижний Новгород. Рядом с ним выступают Кострома и Кинешма и расположенный уже к северу от Волги, на путях к Устюгу и Вологде, Галич. Впоследствии, с освобождением в начале апреля Ярославля, он приобретает главное значение, рядом с Нижним, отодвигая на второй план Кострому, Кинешму, Галич. Отсюда идут обращения с вестями о положении страны и о потребной помощи, и сюда же собираются военные силы из северных городов «в сход» для борьбы с врагом. Таким образом, ведущее значение этих центров в организации народной борьбы устанавливается уже зимой 1608 г., чтобы сохраниться на всем протяжении борьбы. Руководящая роль Нижнего в организации народного ополчения определяется уже сейчас, с самых первых шагов. Пермичи 4 апреля 1609 г. сообщали в Вятку о получении отписки, которую «прислали с Нижнего Новгорода от всей земли». Ответная грамота тотчас же отсылается ими через Вятку со специальным гонцом: «да с ним же посылали мы в Нижний Новгород ото всея Пермские земли грамоту, и вам бы, господа, тое грамоту послати в Нижний Новгород с нарочным гонцом»²³.

Между Ярославлем и Костромой, с одной стороны, и Нижним, с другой, устанавливается при этом известное разделение территориальных связей, сохраняющееся и в дальнейшем. Ярославль и Кострома связаны с городами на запад от Северной Двины, от Вологды и Устюга Великого; с Вагой, с Устюжной Железнопольской, с Белоозером и Каргополом. Путь из Ярославля на Вологду и далее на север, в Поморье, — давно установившаяся большая торговая дорога, описан-

ная так обстоятельно уже английскими купцами в середине XVI века; здесь действуют старые экономические связи. Район к востоку от Вологды и Устюга находится в сфере непосредственного влияния Нижнего. Сюда — в Соликамск, в Вятку и Пермь, в Кайгородок и на Чердын, в Сольвычегодск и в Тотьму отписки идут по Волге, через Казань, и далее по Каме и по Вятке. В этом разделении есть, впрочем, известная условность: города Севера не живут замкнутой обособленной жизнью; они, в свою очередь, устанавливают между собой оживленную связь, обмениваясь полученными вестями. Сольвычегодск и Тотьма становятся активными посредниками между Вологдой и Устюгом и городами по Каме и Вятке.

Не случайно особенно упорная борьба развернулась именно вокруг Нижнего Новгорода и Ярославля. Тушинцы несколько раз пытались наступать на Нижний Новгород и появлялись под стенами Нижнего в начале декабря 1608 г. (бои за Ворсму и Павлово), в январе 1609 г. (отряд кн. Семена Вяземского) и весной 1610 г. Ярославль дольше других поволжских городов удерживался тушинцами, а после освобождения его в начале марта 1609 г. подвергся жестокому штурму и осаде со стороны Лисовского. «И мы, господа, однолично чаем под Ярославль к вором прибыльных людей и большево наряду, потому что им Ярославль болше всех городов», — писали из Ярославля к Соли Вычегодской в мае 1609 г., подчеркивая все значение Ярославля в развернувшейся борьбе²⁴.

Что касается Вологды, то ее историческая роль в прямых сношениях между северозападными и северо-восточными городами и в установлении связи с Ярославлем чрезвычайно ярко отражена уже в декабрьских отписках, содержащих информацию об этих обширных сношениях Вологды²⁵.

К северным городам с начала 1609 г. переходит фактически решающая роль в организации дальнейшей борьбы. Их роль в организации народной борьбы определяется их положением в общем строе поволжских земель. Перед нами центры той земской административной организации, которая была создана на русском Севере земской реформой Ивана Грозного. К земским выборным лицам и обращаются отписки из городов, и от них же они исходят. Земские люди становятся основными деятелями развивающихся событий. Это отчетливо сказывается в самой редакции отписок. Последние адресуются одновременно воеводе и дьяку, как представителям правительственной администрации, иногда, наряду с ними, церковным властям, а затем земским властям и всему народу: «Господину Поспелу Елисеевичу и всем Усольским людям и волостным крестьянам, и старостам, и целовальникам и всем людям, Иван Стрешнев да подьячий Шестой Копнин и все мирские люди Устюжане, посадские, старосты и целовальники, и волостные крестьяне челом быют»... — значит в отписке устюжан вычегодцам 2 ноября 1608 г.²⁶.

Иногда упоминание воеводы и дьяка опускается. «На Тотьму Козьме Даниловичу да Харламу Губину, да Григорию Еремееву и всем Тотемским посадским людям Тотомского уезду волостным старостам и целовальникам и всем крестьянам вологодским. Посадские земские целовальники Тимошка Алягушкин с товарищи, да посадские люди... (6 имен)... и все вологодские посадские и волостные лутчие и средние и молодшие людишки и вся чернь челом быют», — пишут из Вологды 1 декабря 1608 г.²⁷ В отписке князя Скопина-Шуйского из Новгорода «в разные города» от декабря 1608 г. значит прямо: «господам вологжанам и белозерцам, и устюжанам железнопольским,

и угличанам, и кашинцам, и Бежецкого Верху, и Городецка посадским и всяким людям...». Скопин-Шуйский, конечно, хорошо знал, в чьих руках фактически сосредоточена была власть на местах.

Часто посадские люди шлют две параллельные грамоты — одну воеводе, а другую земским старостам и целовальникам. Иногда воеводу сознательно обходят. Сохранилась интересная переписка вологодцев, жалующихся, что устюжане не признают вологодского воеводу Гр. Пушкина и не обращаются к нему в своих отписках. Дело, видимо, в том, что Пушкин сперва признал власть Лжедмитрия II, присягнув Тушину, и поэтому не внушал доверия устюжанам. Вологодские выборные люди свидетельствуют, что воевода действует теперь с ними «в совете», и обращаются к посредничеству также других городов. Во всем инциденте важно то, что воевода для официального признания нуждается в рекомендации и ручательстве земских властей. Реальная власть определенно находится в их руках.

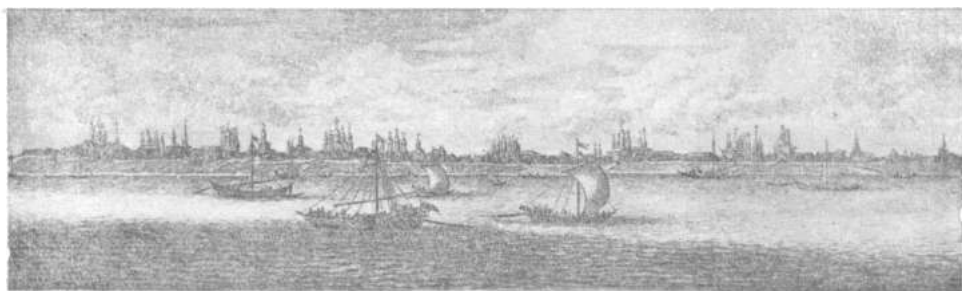

Рис. 4. Город Ярославль. (Из книги Де-Бруина).

Под отдельными грамотами сохранились и подписи. Под отпиской из Солигалича от 15 марта 1609 г. значатся подписи местных попов, земских целовальников и рядовых посадских людей, подписанных одними уменьшительными именами²⁸. Духовенство, посадские люди и земские целовальники подписаны под казанской отпиской от июня 1611 г.²⁹.

В числе выборных земских властей значатся земские старосты, земские целовальники, старосты «судецкие», судейки земские, земский пристав, земский дьячок, площадной подъячий — весь состав земской выборной администрации. Как указано, земские выборные власти представляют не только посад, но и село, отсюда в обращении указаны «посадские люди и волостные крестьяне». Иногда выделены «приговорные люди» — выборные от волостных крестьян, периодически приезжавшие в город на мирской сход для решения общеземских дел; в частности, они участвуют всегда в выборе администрации. Приговорные люди могли съезжаться в город поздней осенью или зимой, по окончании сельских работ. Таким образом, отписки, направленные из волжских городов в ноябре 1608 г., должны были как раз застать их в северных городах.

Обращение к посадским и городским людям не было просто формальной фразой. Переписка городов сообщает, что по получении такой отписки земские власти немедленно собирают мирской сход для оглашения грамоты и для принятия решения. Именно мирской сход с участием приговорных людей — там, где они оказываются налицо, — является главной, решающей инстанцией. «И мы, господа, тое Нижегородскую грамоту, в Перми в Великой, во всем мире чли», пишут

пермичи в Вятку и ответную грамоту шлют «от всея Пермские земли»³⁰. «И мы, холопы твои, — пишут приказные люди царю, — те все отписки в Перми Великой во всем мире чли во многие дни, и с старосты, и с целовальники, и со всею Пермскою землею от мала и до велика посоветовав...»³¹.

Зачитывание грамоты сопровождается ее обсуждением на широком сходе. «И мы, господине, поговорили с устюжаны с посадскими людьми и с волостными крестьяны»³². «И мы, всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовав меж себя, приговорили...»³³. «И мы, господа, здесь на Устюге, по тем вестям приговорили всем миром и приговор за руками написали»³⁴.

Мирской приговор — необходимое заключение такого обсуждения. «И устюжане, господине, посадские люди и волостные крестьяне с

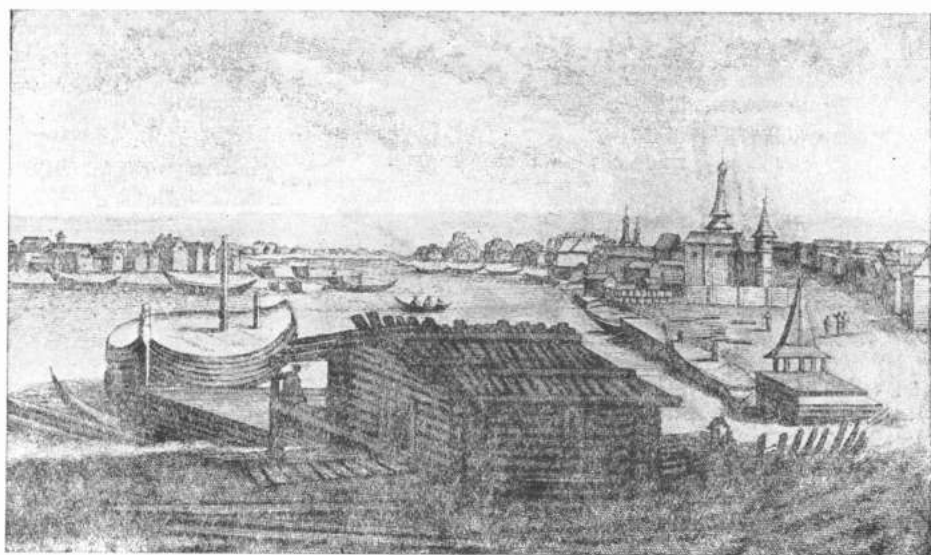

Рис. 5. Город Великий Устюг. (Из книги Де-Брунна).

нами говорили накрепко, — пишут из Устюга в ноябре 1608 г., — что крест целовати тому, кто называется царем Дмитрием, не хотят, а хотят стояти накрепко, а людей сбирати хотят тотчас со всего устюжского уезда поворотню головами. А про Московское государство они же и иные люди сказывали, что Московское государство стоит по старому здорово»³⁵.

В этой отписке устюжан от 27 ноября 1608 г. ярко выразились народные настроения, патриотический подъем народных масс. Решимость вести борьбу до конца выливается в формулу, поражающую своей широкой распространенностью. «И нам вам в том крест целовати меж себя, — пишут устюжане вычегодцам, — а вам также крест целовати, что нам с вами, и вам с нами и ожить и умереть заодно»³⁶. «И вы бы... постояли с нами вместе», «и ожить и умереть за один, друг за друга», — пишут вологодцы на Тотьму³⁷.

Этот мирской приговор нередко выливается в форму специальной присяги, крестного целования — быть между собой «в совете и соединении», стоять за Родину до смерти.

Заручившись такой поддержкой мирского схода, земские власти приступают к широкой и планомерной деятельности, используя все ресурсы и силы мирского общества.

Прежде всего, условия распыленности, отсутствия центральной власти и общего руководства требовали налаживания регулярной связи и внутренней согласованности. Отсюда систематическая посылка ходоков «за вестями», «для прямых вестей»; города действуют «обвестясь», т. е. обменявшись вестями, взаимными сообщениями. Прежде всего, это вести с фронта, с театра военных действий; за вестями посылают в Галич, в Кострому, в Ярославль, в Нижний, отправляя «ходоков», доверенных посадских людей, выборных земских представителей.

Переписка между городами становится вместе с тем сильным оружием политической агитации, взаимного воздействия. В известной мере она заменяет официальную информацию, современную газету. Переписка этого периода поражает нас своими масштабами — интенсивностью и территориальным распространением. Отписки, получаемые из волжских городов с сообщениями о военных событиях или об организации военной борьбы, обычно размножаются и в ряде списков пересылаются адресатом в другие окружные города, которые в свою очередь повторяют ту же процедуру; «и мы с тех грамот послали к вам списки слово в слово»³⁸. Именно путем такого рода повторной переписки грамоты из Ярославля или Вологды могли постепенно дойти до далекого Соликамска, в архиве которого они были обнаружены археографом Строевым.

Люди по городам с нетерпением дожидаются этих вестей, специально передаваемых из рук в руки, из города в город. «Да сказывают, господине, нам у Соли, — пишут из Соли Вычегодской в Устюг, — что де к тебе на Устюг пришла государева грамота с Москвы, а из Нижнего Новгорода через Юг грамотки; и тебе бы, господине, велети с них списати списки и прислать к нам, к Соли, тотчас, чтобы и нам было ведомо»³⁹.

Переписка этого времени дошла до нас в далеко не полном виде, так что невозможно восстановить ее движение день за днем за более или менее значительный отрезок времени. Однако даже несколько примеров ярко отражают всю ее интенсивность.

Отписки вологодцев пермичам от 24 декабря 1608 г. содержат перечень писем, полученных и отправленных, очевидно, более или менее одновременно, на протяжении нескольких дней. В этот самый день прибыл к ним из Перми судный целовальник Семен Серебреников «для прямых вестей». Из Вологды от Никиты Пушкина пришли две грамоты в ответ на отписку из Соли Вычегодской от 11 декабря. «Да писали, господине, к нам с Белоозера» (сообщали последние вести, полученные из Ярославля). «Да к нам же, господине, писал с Костромы декабря в 11 день Борис Салтыков с товарищи» (известия о движении воеводы Фед. Шереметьева). «Да к нам же, господине писали из Каргополя» (о движении шведов). «Да к нам же писали Устюжны Железные всякие люди». В свою очередь, и вычегодцы «в Пермь, и на Вятку, и на Вымь, и на Еренский городок от себя отписали». И еще, помимо этого, «послали мы в Пошехонье голову Лариона Монастырева с ратными людьми, что Пошехонье от государя отложилось было к вору»⁴⁰.

До конца ноября и начала декабря мы можем в известной мере проследить переписку Устюга с Сольвычегодском и Сольвычегодска с Пермью, показывающую не только широту, но и систематич-

ность этих связей. К 27 ноября 1608 г. относится первая, дошедшая до нас, отписка устюжан к вычегодцам. Письмо было послано с «устюжанином, посадским человеком, Третьяком Шумиловым». Он вернулся в Устюг без ответа, в силу чего устюжане шлют 30 ноября новую отписку в Сольвычегодск. Третья грамота устюжан к вычегодцам относится к 4 декабря и содержит уже списки отписок из Вологды, Галича и Тотьмы, поступивших в Устюг 3 декабря⁴¹. Уже 5 декабря, т. е. на следующий день, вычегодцы пишут в Пермь, прилагая копии с полученных грамот. Ответ пермичей вычегодцам датирован 15 декабря⁴². Он был доставлен в Сольвычегодск судным цело-

Рис. 6. Город Вологда. (Из книги Де-Бруина).

вальником 24 декабря и в тот же день вычегодцы отвечают пермичам. В дальнейшем мы находим указания на третье письмо вычегодцев в Пермь от 20 января 1609 г. При этом переписка, видимо, тщательно учитывается: она перечисляется с датами в очередной отписке в Устюг от 26 января 1609 г.

В этой переписке поражает также быстрота ее продвижения — из Устюга до Соли Вычегодской в один день, а между тем XVII век еще не знал организованной почтовой связи. Но здесь сразу же сказалась огромная оперативная работа, проводившаяся самими земскими организациями. Почта доставляется через специальных посыльных, доверенных посадских людей, часто через выборных земских представителей — земского пристава, «судецкого целовальника» и т. д.

Выделение таких специальных доверенных лиц, ответственных представителей земской организации, обусловлено тем, что речь идет не только о передаче грамоты, но и о «прямых вестях», о переговорах относительно общих согласованных действий. Классовый характер этого представительства выступает с полной отчетливостью. Оно обязательно поручается посадскому человеку, т. е. представителю посада, земской организации. Это настойчивое выдвижение доверенного

представителя земской организации выступает особенно резко там, где налицо довольно значительная группа служилых людей, дворян, где в связи с этим и воеводская организация достаточно влиятельна. В этих случаях дворянская группа получает свое представительство, но тогда посылаются два представителя — по одному от каждого сословия. Так, в конце ноября 1608 г. из Галича в Устюг едут с грамотой галичанин, сын боярский, Влас Матвеевич Верховский и галичанин, посадский человек, Иван Григорьевич Ферапонтов⁴³. Из Вологды в Галич в конце декабря отправляется «для вестей» посадский человек Тимофей Каменцов и каргополец, ратный человек, Елисейка Первый⁴⁴. Таких примеров много.

В одном случае мы имеем, видимо, указание на более длительное пребывание такого земского представителя в другом городе для постоянного контакта непосредственно между земскими организациями. Например, Васья Вербышев был, повидимому, представителем вычегодской земской организации в Вологде. Сохранилась его отписка в Соли Вычегодскую от 13 января 1609 г. из Вологды⁴⁵. Вологда была крупнейшим центром Заволжья и притом ближайшим к району борьбы — Ярославлю, Костроме, Кинешме; здесь концентрируются ополчения из соседних районов Севера. В Вологде Вербышев представляет «иногородних»; он сообщает в Вычегду, что вызывал в Вологду ополчения, собранные в Устюге, и в Соли Вычегодской — усольцев, но их начальник Яков Опахалицын требовал прямого распоряжения сольвычегодских властей. Сам Вербышев, видимо, теснейшим образом связан именно с земской организацией; в заключение своей отписки он просит «вслети о земском своем писати».

Поволжские города требовали присылки «ратных людей и зелья и свинцу». Об этом пишут и из Ярославля, и из Углича, и с Соли Вычегодской. К этому часто добавляется требование и на самый наряд, т. е. на пушки и другое вооружение.

Прежде всего, перед земской организацией встал вопрос о сборе военной силы, о создании ополчений. Вопрос стоял тем более остро, что служилые люди, спасая свои имения, в значительном числе перешли на первых порах в Тушино, либо просто разбрелись по домам, чтобы оберегать свое добро. Между тем со времени Ивана III Русское государство все более переходило к системе дворянского поместного войска, а вместе с тем постепенно падало значение старого посошного сбора или посохи, т. е. сбора в армию по сословно-территориальному признаку; при этом посохи составляли пехоту, присоединявшуюся к поместному конному войску. К этому посошному сбору обращаются теперь северные земские организации. Они сохраняют и старые нормы — посохи, иногда даже несколько повышают их; обычная норма — 100 человек с большой сохи и по 5—6 человек с малой сошки. Впрочем, нормы сбора часто повышаются. Так, мартом 1609 г. помечены сообщения о сборе с «Пермские земли ратных людей против прежнего... указу вдвое...»⁴⁶. При этом, учитывая потребность в военных силах, земские организации на первых порах значительно учащают сборы, производят их повторно, и тем значительно увеличивают тяжесть мобилизации. Устюжане уже в отписке от 27 ноября сообщали о своем намерении людей «собрать... со всего устюжского уезда... поворотом головами»⁴⁷.

4 декабря дается более конкретное указание о сборе 10 человек с сохи. О сборе на Перми по четыре-пять человек с сошки говорится в отписке из Соли Вычегодской 24 декабря 1609 г.⁴⁸. 20 января 1609 г. вычегодцы сообщают уже о втором сборе ополченцев со всего уезда

«со всякие сошки по пяти человек». В июне 1609 г. вычегодцы сообщали о сборе уже «четвертой рати»⁴⁹. Размер сбора по уезду составлял примерно до 500 человек каждый раз (или, по крайней мере, в первый раз). Учитывая остроту положения, города не ждут полного сбора ополчения, а отсылают отряды к месту назначения по мере их формирования.

Население чрезвычайно активно откликнулось на призыв. Так, из Устюга уже 4 декабря 1608 г. сообщалось: «у нас с Устюга с посаду и со всего Устюжского уезду собирать ратных людей по десяти человек с сохи, а иные лутчие люди и от себя людей дают, а иные охочие и головами идут...»⁵⁰.

Из Тотьмы сообщали в январе, что от них пошло «ратных людей в три набора по тридцати человек с сохи»⁵¹.

Дальше, правда, ресурсы постепенно иссякают и после июня 1609 г. отмечаются случаи найма за оплату людей в поход, в частности, из среды казачества.

Характерны при этом самые формы организации и проведения этих военных сборов. Во главе ополченских отрядов становятся выборные головы. Отряды отсылаются на фронт в поволжские города: к Ярославлю, Костроме, Нижнему. Иногда, в качестве промежуточного этапа, обозначается Вологда, где предварительно сосредотачиваются более крупные воинские части. В этой роли Вологда выступает уже в декабре 1608 г.⁵² Отправкой отрядов распоряжаются земские власти, прежде всего земский староста, как это видно хотя бы из упоминавшейся уже отписки Вербышева из Вологды. Для сопровождения отряда к месту назначения обычно отправляется специальный человек, выборный от посада, отвечающий за то, чтобы не было отстающих и дезертиров в пути. Прибыв по месту назначения, он сдает отряд военным властям, воеводе, а полученную отписку «за руками» воеводы должен доставить назад в посад.

Кроме ратных людей требуется также и мобилизация соответствующего вооружения. В письмах из поволжских городов с просьбой о военной помощи неизменно упоминается просьба о присылке «наряда» (т. е. артиллерии вообще), затинных пищалей (для стрельбы с крепостной стены), зелья, свинцу, пороху, селитры. Особенно настойчивые требования в этом смысле направляются в приуральские города. Сольвычегодцы сообщают в декабре 1608 г. об отправке с ратными людьми «городового снаряду три пушечки и с ядры и с зельем». В июне 1609 г. вычегодцы пишут о посылке в Ярославль «городового наряду, и зелья, и селитры и свинцу». Одновременно они пересылают список с ярославской грамоты: «Однолично бы вам прислати наряду, и зелья, и ратных людей тотчас, не мешкая. А и сами, господа, ведаете, что без людей и без наряду и каменный город — яма»⁵³. Грамота предусматривает и другого рода специальное вооружение, например, присылку зимой отрядов лыжников.

Организация ополчения требует и его содержания. Последнее лежит тоже на обязанности той земской организации, которая выставила это ополчение. Жалованье выплачивается ежемесячно вперед. По окончании месяца земские власти должны прислать новых людей на смену или жалованье на следующий месяц; это жалованье также присылается с выборным посадским человеком⁵⁴.

С присылкой жалованья связана передача земским старостам и целовальникам основных финансовых функций по сбору государственных доходов — налогов и пошлин, и по распоряжению государевой казной. Сперва на покрытие расходов по ополчению обращаются те на-

Рис. 7. Город Нижний Новгород. (Из книги Олеария).

логовые поступления, которые еще не успели отослать в Москву за прекращением прямой связи. В дальнейшем земские власти просто заступают место государственных органов и проводят сборы государственных поступлений по старым нормам и раскладкам.

Так дело народной борьбы с интервентами, организация и руководство этой борьбой последовательно перешло в руки земских выборных органов. Были, правда, места, где эта работа велась недостаточно интенсивно, не вполне добросовестно, или, может быть, и совсем недобросовестно. Так, серьезные жалобы идут из соседних городов относительно пермичей; их официальные отписки берутся под сомнение, сообщается, что они на деле никакого участия в борьбе не принимают. Но при этом характерно, что в переписке речь идет только о воздействии самих земских организаций соседних городов на Пермь и пермичей. Одновременно соответствующие письма отправляются и в самую Пермь. Эти моменты особенно ярко показывают исключительный размах самостоятельности и организованности местной земской жизни, широко развернувшейся перед лицом тех трудностей, которые переживала страна.

26 января 1609 г. вычегодцы сообщали в Устюг о своих повторных отписках в Пермь и жаловались на «нерадение» пермичей и вятчан. «А пишут они, пермичи, к нам и к вам на Устюг ложно, словом, а не делом, все ставят в откладку, чтоб им ратных людей не послати, и людей посылают с грамотками для вестей, чтобы им за другом пробыти»; они просят устюжан оказать со своей стороны воздействие на пермичей и вятчан.

Результаты этой большой деятельности северных городов не замедлили сказаться. Уже в январе к Поволжью стягиваются значительные силы. По сообщению нижегородцев, «и стоят те все люди в собрание — костромичи, и галичяны и вологоженя, на Костроме, оберегаючи своих мест, а ждут помочи из Нижнего ратных людей; а как из Нижнего к ним ратные прибылые люди придут, и они... тотчас хотят итти на воровских людей»⁵⁴. В феврале 1609 г. вторично была освобождена Кострома и очищен весь Галицкий уезд, в марте взят Романов, в апреле освобожден Ярославль и окончательно очищено от поляков все Поволжье. Одновременно широко распространяются восстания в замосковских городах; из Ярославля сообщают в письме в Пермь об освобождении Владимира и Кашина.

Эти военные успехи были делом самих посадских людей. Только в феврале прибыли в Вологду воеводы от Скопина-Шуйского из Новгорода, Вышеславцев и другие, в помощь военному руководству движением, и тогда же прибыл в Галич московский воевода Дм. Жеребцов. Вся организация северного ополчения была уже в основном проведена и его наступательные действия были в полном разгаре. Войско Шереметева прибыло из Астрахани в Нижний весной 1609 г. и приняло участие только в борьбе за Владимир. Наконец, основная рать Скопина-Шуйского выступила из Новгорода только в мае, а в Ярославль прибыла в июле, когда военная кампания ополчения в основном была закончена.

Сам Скопин-Шуйский очень быстро оценил значение этого земского движения и взял ориентацию на него в своей подготовке борьбы с Тушином. Но Скопин-Шуйский не был организатором народного движения, и неправильно видеть в нем своего рода предшественника Минина и Пожарского.

Отправленный царем Василием Шуйским в Новгород Великий для организации местных сил и для установления сношений со шведами,

Скопин имел непосредственную связь с заволжскими поморскими городами. Отсюда, может быть, его лучшая осведомленность в местных делах по сравнению с московским правительством, которое на первых порах еще обращается в основном к своим воеводам, отодвинутым на второй план фактическим ходом событий. Скопин-Шуйский уже в декабре 1608 г. правильно оценил земское движение, и в своей грамоте обращается непосредственно к земским людям, минуя воевод, основную ставку делает на земскую организацию: «Господам вологжанам, и белозерцам, и Устюжанским железнопольские, и углечанам, и кашинцам, и Бежецкого Верху и Городецку посадским и всяким людям...» — гласило обращение Скопина. Грамота очень ясно обрисовывает характер деятельности земских властей и посадских и волостных людей. Здесь

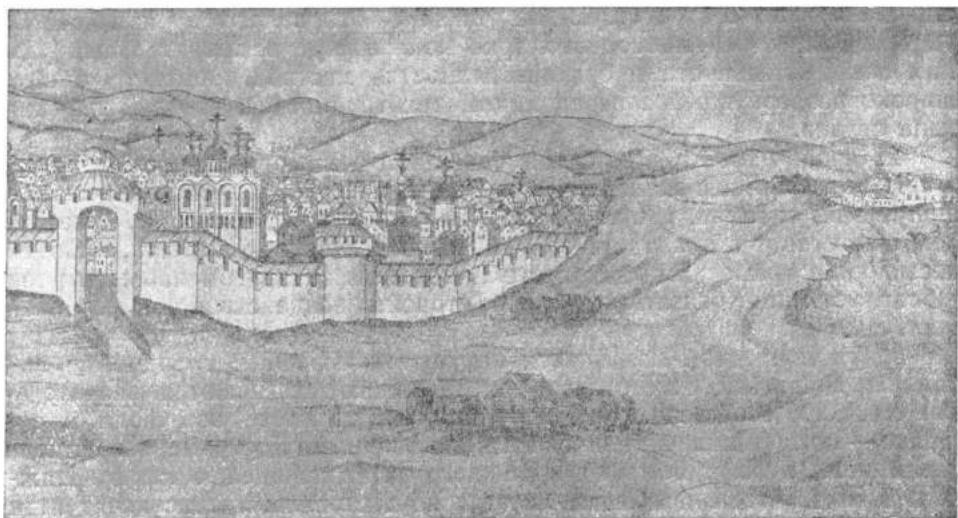

Рис. 9. Город Кострома. (Из книги «Избрание на царство Михаила Федоровича»).

отмечена и система переписки для агитации и мобилизации сил: «и в Торжок, и в Тверь и в иные города писали, чтоб государю крест целовали, и обещаясь с вами приходили на государевых изменников и на московских людей заодно». Отмечены и первые практические военные мероприятия и их успешные результаты: «обещаясь с ними, с дворяны и с детьми боярскими, и собрався пришли в Устьерский стан декабря в 21 день и изменников государевых Осипка Застолбского да пана Матияша убили, а Федора Маврина взяли, а иных панов всяких переимав посажали в тюрьму». Все приводимые в грамоте данные взяты из опыта прилегающего к Новгородской области района.

Грамота Скопина делает и обобщение из этого опыта, превращающееся в своего рода инструкцию: «... самим вам меж себя укрепиться и людей не распусая промышляти над изменники государевы не мешкая, и в города и в волости и в станы писати от себя и людей добрых посылати, чтобы они обратились и вины свои государю принесли, и к крестному целованию приводить; а того бы вам однолично в оплошку себе не поставить, и людей не распусить, и не дати вором собратися; и где не учнут слушати, и вам на те места приходить и от воровские смуты отводить»⁵⁶. Однако сама эта инструкция Скопина-Шуйского была

не основой организации действия ополчения, а обобщением предшествующего опыта, и этим определяется степень ее значения.

Связь Скопина-Шуйского с северными городами закреплялась еще и тем, что у него не было прямой связи с центральными русскими городами, в том числе и с Москвой: «Из Новгорода... ко государю с твоими вестями гонцом проехать некоторыми дорогами не мочно». 19 марта Скопин обращается с письмом к Каргопольскому воеводе с просьбой попытаться послать на Москву гонцов из Каргополя: «и не одна, дважды и тржды детей боярские или кого-нибудь»⁵⁷.

Оценка силы и значения земского ополчения определила и стратегический план Скопина. Он выступил из Новгорода только в мае 1609 г. Надо добавить, что военные силы, которыми он сам располагал, были численно невелики, их размер определяют от 1 200 до 3 000 человек. Остальные силы составлял шведский отряд Якова Делагарди, которым Скопин не мог свободно распоряжаться. Овладев Тверью, он направился к Калязину монастырю и здесь соединился с ополчением северных городов. Только в июле месяце Скопин-Шуйский подошел к Ярославлю. Собрав подкрепление, он двинулся к Александровской слободе, откуда в декабре подошел к осажденной Салегой Троицкой лавре и, наконец, в марте 1610 г. вступил в Москву. Ясно, что Скопин избрал путь на волжские города не для того, чтобы оказать помощь ополчениям северных городов, которые к этому времени уже полностью закончили операции в Поволжье, а для того, чтобы самому опереться на их организованные силы и за их счет пополнить свое войско, из состава которого почти все шведы с Делагарди вернулись в Новгородскую область. Косвенное указание на это пополнение заключается и в упоминании, — впрочем, во многих отношениях не вполне ясном, — что в лагере под Калязинским монастырем местные отряды обучались военному делу у шведского офицера Зомы.

Объединение всех русских сил в борьбе с интервентами летом 1609 г. подготовило падение Тушина и открыло войскам Скопина дорогу на Москву.

Но в то же время польская интервенция вступила в новую фазу. Правительство Сигизмунда III убедилось, что имя Лжедмитрия не принесло ему поддержки со стороны внутренних сил Русского государства. Одновременно союз царя Василия со шведами грозил ему осложнениями в его международной политике. Это определило решение Сигизмунда III перейти к прямой, уже ничем не прикрытой интервенции: польское войско вступило в Русскую землю и в сентябре 1609 г. осадил Смоленск. Выступление Сигизмунда довершило распад Тушинского лагеря под Москвой. Правда, некоторые группы польских авантюристов во главе с Лисовским, Рожинским и некоторыми другими шляхтичами, которые ничего не ждали для себя от короля Сигизмунда, продолжали еще держаться Самозванца. Но основные польские силы ушли под Смоленск, и тем самым второй этап борьбы земского ополчения за поволжские города и замосковский край оказался завершенным. Война с польской армией проходила территориально уже в другом районе и в несколько иной военной и политической обстановке.

Вместе с тем из наших источников с конца 1609 г. внезапно пропадают какие-либо сведения о деятельности земских организаций поволжских городов и русского Севера, о существовании местных земских ополчений. Даже Ярославль и Нижний Новгород не фигурируют в опубликованном актовом материале конца 1609 и 1610 гг. Можно думать, что земские ополчения временно вышли из борьбы. В 1608—1609 гг. перед ними стояла совершенно определенная, и вместе с тем

и ограниченная задача — освобождение Поволжья и замосковных городов, и эта задача была ими выполнена. К тому же Скопин-Шуйский скоро умер, а правительство царя Василия и стоявший теперь во главе московской рати его брат князь Дмитрий Шуйский были неспособны упрочить связи с земщиной.

Не будучи связано с московским центром, земское движение на Севере, однако, не прекратилось, и его организация не распалась. Об этом говорит быстрота мобилизации и организации земских сил зимой 1610—11 г., когда пало правительство Шуйского и с занятием московского Кремля польским гарнизоном снова нависла угроза над всей Русской землей. Скорее всего организация сохранилась и продолжала действовать, но только внимание наблюдателя, а затем и позднейшего историка переместилось в другую сторону.

Жизненность и активное действие земского движения на этом этапе борьбы получили яркое проявление в обороне Смоленска от поляков. Отписки из Смоленска свидетельствуют, что наиболее активной силой в обороне города явились посадские люди и укрывшиеся в Смоленской крепости волостные крестьяне. Местные земские органы явились основной опорой воеводы Шеина. И в Смоленске действует земский «общепосадский совет» при воеводе. «И боярин твой государев и воевода Михайла Борисович Шеин с товарищи приговорили с Смольяны со всякими людьми», — сообщает Смоленский архиепископ. Земский совет участвует в переговорах с поляками: «Мы, твои государевы сироты, посоветовав с твоим государевым богомольцем...»⁵⁸, «да с твоим государевым боярином и воеводою..., радным панам отписали»⁵⁹.

Посадские люди активно участвуют и в руководстве военной обороной Смоленска. Их выборный голова стоит в паре с представителями от дворян на каждом участке городской стены для наблюдения за ее охраной. Посадские люди участвуют непосредственно в переговорах с осаждающими Смоленск поляками. «И мне с торговыми людьми сход был под стеною, по боярской присылке и по мирской — сообщает из Смоленска служилым смольнянам на Москву Васька Данилов — и я им, не маня, отказал без опасу»⁶⁰.

В решимости оборонять город до последнего посадские проявляют значительно большую твердость, чем дворяне и иные служилые люди. В октябре 1610 г. на предложение поляков о сдаче именно посадские люди ответили решительным отказом, поддерживав полностью воеводу Шеина, и обеспечили оборону Смоленска до июня 1611 г.⁶¹.

5. РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОЙ АРМИИ

Народное ополчение приобрело к этому времени определенный опыт и стало серьезной военной силой.

Выступление на первый план народного ополчения должно было вызвать существенные изменения в военной организации и военной тактике. В господствовавшем поместном войске преобладала конница, а ополчение было исключительно пешим войском. В маневренном полевым бою это обуславливало на первых порах слабость ополчений, потерпевших ряд поражений от польской конницы. Но это же ополчение, как мы видели выше, сразу показало свою силу в обороне. Состоя из городских ремесленников и крестьян, оно широко использовало их трудовые навыки в строительстве укреплений. Мы приводили уже описание работ по укреплению Устюжны Железнопольской.

В январе, когда польские люди вторично завладели Костромой и казалось, что Лисовский двинется на север, усиленно укрепляется Во-

логда. «И два острога на Вологде сделали, и город укрепили, и башни на городе и по острогам поделали, и снаряд по башням большой поставили, и зачали около острогу ров конати да надолбы делати»⁶². Из под Костромы сообщают в марте 1609 г.: «около посаду порублены тарасы, а по улицам поставлены остроги»⁶³.

Обширные оборонительные работы велись осажденными в Троицкой лавре, где спешно сооружалась система оборонительных линий: вторые стены на угрожаемых участках, валы и рвы. Быстро восстанавливались разрушения в стенах, производились сложные подземные работы с подкопами и встречными подкопами.

Эта система оборонительных укреплений была вынесена и за пределы городов и крепостей в виде системы засек и мелких крепостей, возвышавшихся на главных дорогах. Засеки создаются вокруг занятых поляками городов — на путях к Ярославлю, Владимиру, Костроме, Галичу. В январе, с возникновением угрозы Заволжью, создаются засеки и ставятся заставы на путях к Вологде, Устюгу, Тотмю: «те наши ратные люди и ваши, устюжские, усольские и вычегоцкие, стоят за 20 верст не дошед до Соли Галицкие в волости на Сосьюге... да на другой дороге от Соли от Галицкие, в Толшемской волости стоят на заставе наши же ратные люди...»⁶⁴. Эти заставы представляли очень сильную линию подвижных укреплений и надежную систему «оберегания».

В то же время распространение этого метода превращает его постепенно из системы обороны также в систему наступательной войны. Собственно говоря, зародыш этого перехода дан уже в тех гуляй-городах, которые появились на Руси еще раньше⁶⁵. Постройку гуляй-города в качестве прикрытия для наступательных действий применил и Болотников под Москвой в 1606 г. Но широкое распространение получает он именно в операциях 1608—1609 гг. Такой системой полевых укреплений были уже упоминавшиеся заставы. Аналогичную систему острожков применил потом Скопин-Шуйский при продвижении на Москву. Жолкевский указывал в своих записках, что «Скопин очень теснил наших (т. е. поляков. Н. Р.) построением укреплений, отрезывая им привоз». Целая система таких острожков прикрывала лагерь Скопина в Александровской слободе от нападения польской конницы. Наконец, системой острожков он организовал настоящую осаду лагеря Салегы под Троицей»⁶⁶.

Известной разновидностью этой системы боя являются, пожалуй, и те баррикадные бои внутри города, с острогами по улицам, с обороной отдельных дворов, с подвижными укреплениями поперек улиц, которые впервые получают распространение именно в этот период.

Жолкевский и некоторые польские авторы склонны были отнести этот метод войны насчет западного, именно шведского влияния, они готовы приписать это урокам шведского офицера Кристиерна Сумма или Зоме, обучавшего русское войско под Калязиным монастырем. Но как раз эти приемы были широко применяемы уже до того в земском ополчении, которое в этот последний период наступления Скопина на Москву составляло, видимо, его основную силу. И самый этот метод имеет глубокие национальные корни вообще в русской военной технике.

При этом, если в полевом бою все шире применялись технические приемы, заимствованные из осадной практики и направленные на то, чтобы связать врага, то, с другой стороны, рост боевых навыков ополченских отрядов позволял внести элемент активности в оборону крепостей. В конце марта 1610 г. осадные воеводы из Троицкой лавры отправили специальную «Выпись вылазкам из Троицева Сергиева мона-

стыря на воров», из которой видно, что, начиная с 8 октября 1609 г., количество вылазок доходит до восьми в месяц, причем они иногда сопровождаются довольно серьезными боевыми операциями.

Другой выдающейся чертой военной техники ополчения было широкое применение артиллерии или, шире говоря, «вогненного боя», включая сюда и ручное огнестрельное оружие. Мы отмечаем выше неизменные требования присылки из городов наряда (или «снаряда», как зачастую неправильно значится в отписках), а к нему свинца, зелья, пороха, селитры. «А и сами, господа, ведаете, что без людей и без наряду и каменный город яма...» — пишут весной 1609 г. из Ярославля. «А у нас с воры драка живет ежечас и ратные люди добре надобны, да и зелья расход велик, с пищалями людей много, а в Ярославле не у кого добыть..., а не дать кому зелья на драку, ино от воров погинути, а зелья у нас не станет»⁶⁷.

Посылки из разных городов включают и ратных людей с полным вооружением, «с вогненным и лучным боем», с пушками, пищалями, с свинцом и зельем.

В начале 1611 г. в городах уже отмечаются значительные военные запасы в отличие от 1608 г. «И здесь, господа, в Ярославле в собранье многие люди, — пишут из Ярославля в феврале 1611 г. — и наряд в Ярославле мног и зелейная казна великая»⁶⁸.

В практике Русского государства пушки начали применяться в конце XIV века в качестве оборонной крепостной артиллерии. В конце XV века в составе русского войска появился особый разряд пищальников, а при Иване IV возникли стрелецкие полки. К середине XVI века относится появление особого разряда пушкарей, связанное с быстрым ростом артиллерии, игравшей уже большую роль при взятии Казани и в Ливонской войне. Численность русской артиллерии тогда обращала на себя внимание иностранцев. В самой Москве было уже несколько пушечных изб, в которых изготовлялись пушки для войска.

Широкое распространение артиллерии в народном ополчении начала XVII века знаменует дальнейший этап в распространении артиллерийского дела — «огненного боя» — на Руси. Причину этого быстрого сдвига следует также искать в известной мере в изменении состава русского войска, в котором большой удельный вес получают посадские люди и крестьяне, в частности, ремесленные люди, проявлявшие необходимую сноровку в огненном бою. Известно, что именно эти люди составляли основной кадр артиллеристов при обороне Троицкой лавры. Эти группы обеспечивали и необходимое производство, и текущий ремонт вооружения, так успешно проходившие в Троицкой лавре и в описанной выше обороне Устюжны. В отписке из Ярославля весной 1611 г. сообщалось: «да наряду пять волконей скорострельных»⁶⁹, «да пешим на долгие торчи сделали, от того конным была защита...»⁷⁰. Указание на изготовление полковых пищалей говорит о применении не только осадной, но и полевой артиллерии. Таким образом, мы находим здесь отражение и дальнейшего расширения использования артиллерии и огненного боя вообще, которое совершается в России в XVII веке.

Народное ополчение в этих двух существенных моментах отражает изменения, совершавшиеся в развитии русской военной организации и в значении технического оснащения в военном деле на Руси.

Внимание к использованию всякого рода технических возможностей сказывается и в других моментах. Так, ополчение хорошо учитывает роль лыжных отрядов в условиях русской зимы и как зимой 1608 г., так и в 1611 г. требует присылки людей «на конех и с лыжами, покамест лыжная пора не минется».

Именно этот боевой опыт подготовил успех тех операций, которые народному ополчению пришлось проводить в 1611—1612 гг. против отборных польских войск, и которые завершились разгромом последних под Москвой.

6. ПЕРЕХОД К ВСЕНАРОДНОМУ ОПОЛЧЕНИЮ. ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ОПОЛЧЕНИЕ ЛЯПУНОВА

В начале 1610 г. в стране наступили, казалось, решительные перемены. Тушинский лагерь распался, Москва была освобождена, власть правительства Шуйского была восстановлена в стране, а район главных боев переместился на западные окраины Русского государства, к Смоленску. Но в апреле внезапно умер Скопин-Шуйский, а в июле был низложен царь Василий Иванович. После июньского поражения под Клушином и договора с гетманом Жолкевским, заключенного московскими боярами в августе 1610 г., бояре в конце сентября впустили польское войско в московский Кремль. Над страной нависла еще более страшная угроза чужеземного захвата. Эта опасность вновь подняла на решительную борьбу народные силы, выдвинула на первое место деятельность самого народа. Общее настроение ярко выразила московская грамота, направленная в разные города уже в январе 1611 г. «Будьте с нами обще, заодно против врагов наших и ваших общих; помяните одно: только коренье, основание крепко, то и древо неподвижно: только коренья не будет, к чему прилепиться?»⁷¹.

С аналогичным призывом обращается в конце декабря 1610 г. в северные города патриарх Гермоген. Одновременно в отдельные города, в частности в Ярославль, доходят письма из польского плена от членов «великого посольства» к Сигизмунду.

По-новому, в новом объеме определилась теперь самая задача. В движении 1608—1609 гг. перед организовавшимися ополчениями стояла ограниченная, местная задача — освобождение от интервентов Поволжья или замосковных городов. Теперь встал вопрос о самом существовании Русского государства, об общенародном деле.

Московское воззвание сразу же получило широкий отклик в стране и во главе поднимающегося движения мы с самого начала видим те же организующие центры, которые руководили движением и в начале, в период 1608—1609 гг.

Известно, что 12 января 1611 г. прибыли в Нижний Новгород из Москвы сын боярский Роман Пахомов и свияжский посадский человек Родион Мосеев, посланные ранее нижегородским миром к патриарху Гермогену в Москву за вестями. Очевидно, начало активной деятельности Нижегородского посада относится уже к этому, более раннему периоду, к концу 1610 г. Известны также грамоты из Нижнего к Ляпунову на Рязань от 24 января 1611 г. До нас дошел ряд нижегородских грамот от февраля месяца в разные города о формировании ополчения. Седьмым числом февраля была датирована грамота в Кострому; от февраля месяца дошел ряд грамот из Нижнего в Вологду; наконец, известны грамоты из Нижнего к Ляпунову. При этом дошедшие грамоты ссылаются на более раннюю переписку. В первой февральской отписке из Нижнего в Вологду говорится: «Во нынешнем 119 г. писали мы к вам наперед сего многажды и гонцов от себя послали...». Таким образом, текст подтверждает, что активная деятельность Нижнего Новгорода по мобилизации земского движения на Севере началась ранее февраля 1611 г., может быть, еще в конце 1610 г. В той же отписке

говорится, что из Нижнего уже отправлена рать к Владимиру и к Москве ⁷².

В ряду волжских городов Нижний Новгород на этот раз, очевидно, выступил первым. Отписки из Ярославля и Костромы содержат уже ссылки на получение грамот из Нижнего. Но, во всяком случае, в том же феврале месяце и Ярославль и Кострома пишут от себя в северные города, и эти письма свидетельствуют, что старые навыки организации и связи, действовавшие в 1608—1609 гг., полностью сохранились. Та же костромская отписка от февраля месяца сообщает, что «из Галича к нам на Кострому для доброго совету прислали дворяне и дети боярские дворянина Захарья Перфирьева, а от посадских людей посадского человека Полиекта». Получено было в Костроме письмо «о добром совете» также из Суздаля.

Вместе с тем характерно, что первенствующая и ведущая роль среди поволжских городов сейчас уже решительно переходит к Нижнему Новгороду. Возможно, это определилось, с одной стороны, тем, что Нижний на предыдущем этапе, совершенно не будучи затронут смутой и не потерпев от «литовского разорения», обладал более прочной материальной базой. Кроме того, Нижний сохранил по Оке связь с южными областями и с западными землями, с которыми Ярославль или Кострома прямой связи не имели, так как дорога от Смоленска на Москву теперь была в руках поляков.

Между тем, там создавался теперь новый центр национального движения против поляков, возглавленного Прокофием Ляпуновым. Рязанский воевода, вместе со своим братом Захарием Ляпуновым, участвовавший во главе рязанских дворян и детей боярских во многих московских смутах, поддерживал одно время тушинского самозванца, в июле сводил Шуйского с престола, готов был признать королевича Владислава, но решительно восстал против попытки Сигизмунда захватить московский престол. В декабре он выступил на защиту Гермогена и писал московским боярам, а в конце января приступил к организации ополчения в Рязани.

В исторической литературе народное ополчение 1611 г. оказалось связанным с именем Ляпунова, выступавшего от имени ополчения под Москвой и даже собравшего в своем подмосковном лагере нечто вроде Земского собора всей земли. В современных документах, например, в грамоте Минина и Пожарского из Ярославля от 7 апреля 1612 г., Ляпунов назван главой народного ополчения 1611 г. Однако надо иметь в виду, что для Пожарского и Минина могло иметь значение выделить роль Ляпунова, чтобы противопоставить его союзникам и соратникам по его подмосковному ополчению 1611 г. — князю Трубецкому и Ивану Заруцкому, остававшимся после убийства Ляпунова под Москвой и теперь выступавшим против народного ополчения, шедшего на освобождение Москвы. Несколько иную картину дает «Новый летописец», который пишет об одновременном и самостоятельном выступлении ряда воевод, среди которых Прокофий Ляпунов лишь «воевода Рязанский» ⁷³; только ко времени сбора под Москвой в апреле — мае 1611 г. относится избрание Ляпунова вместе с Трубецким и Заруцким в старейшие воеводы.

Район деятельности Ляпунова и состав собственно ляпуновского ополчения определен достаточно отчетливо в грамоте самого Ляпунова в Нижний от 31 января 1611 г.: «И на том, господа, мы сославы с калужскими, с тульскими, и с михайловскими, и со всех северских и украинских городов со всякими людьми давно крест целовали, что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти вместе за-

один, и с литовскими людьми битися до смерти». Таким образом, ополчение Ляпунова — это ополчение рязанских, тульских, калужских и всех северских и украинских городов с их преобладающим служилым населением из дворян, детей боярских и служилых казаков. «Заречные города и Севера» — так отписки из Новгорода и Пскова от марта 1611 г. определяют состав непосредственного ополчения Ляпунова⁷⁴.

Вместе с тем переписка с Нижним вскрывает действительные отношения между ополчением Ляпунова и земским ополчением северных городов в начале 1611 г. Грамота Ляпунова от 31 января 1611 г. воспроизводит с большой полнотой текст нижегородской отписки от 24 января.

«Генваря, господа, в 24 день писали вы к нам с сыном боярским с Иваном Аникеевым, что генваря ж в 12 день приехали с Москвы к Вам, в Нижней, сын боярской Роман Пахомов да посадский человек Родион Мосеев, которые посланы были от Вас к Москве, ко святейшему Еρμοгену патриарху Московскому и всея Руси и ко всей земли, с отписками и для подлинных вестей... Да вы ж, господа, прислали к нам на Рязань целовальную запись, по которой записи вы меж собою крест целовали с балахонци: и нам бы... по той записи також крест целовати и с вами стати за Московское государство заодин: а вы, господа, по благословенью святейшего патриарха Московского и всея Руси и по совету всей земли идете из Нижнего к Москве в тот час, и нам бы прислати к Вам в Нижней всяких чинов добрых людей для совету и с теми отписати, где нам с вами сходиться...»⁷⁵.

Это значит, что в момент отправки грамот Ляпунова в Нижний Новгород, 31 января, деятельность Нижнего Новгорода по организации народного ополчения была уже в полном разгаре. Грамоты по городам уже были разосланы, вероятно, аналогичные по своему содержанию грамоте Ляпунова, с которой в основном содержании сходны и последующие нижегородские грамоты в разные города. Из ближайшей к Нижнему Балахны уже имелся ответ; ответы из более отдаленных городов пришли в феврале.

Посадские и волостные люди приводятся к присяге, к «крестному целованию». Такое крестное целование о взаимной верности вошло уже в практику земского движения 1608—1609 гг. Но тогда оно имело другой смысл и значение: оно утверждало верность принятым взаимным обязательствам. Сейчас стоял другой вопрос: «законной» власти не стало — царь Василий Шуйский был низложен и пострижен в монахи, людей приводили к присяге новому царю и одни присягали королевичу Владиславу, а другие кому-либо из появившихся на Руси самозванцев. Следовательно, теперь речь шла об основной государственной присяге. Именно поэтому теперь появляется и специальный текст присяги. Ее основное положение — участие в общенародной борьбе за освобождение от поляков: «и с королем и с королевичем, и с польскими и литовскими людьми, и кто против Московского государства с ними станет, и нам против их за Московское государство и за Российского царствия стояти и битися с ними неослабно»; «за Московское государство стояти всем единомышленно и всем заедино, по сему крестному целованию, безо всякого сумнения». Отвергая притязания польского короля, присягающие обязуются также не признавать власть московских бояр и Боярской думы, признавших власть поляков, и оказывать сопротивление общими силами всякой попытке с их стороны учинить частную расправу с отдельными участниками движения⁷⁶.

Приведенный текст дан в приложении к отписке из Ярославля в Вологду, к которой приложены также списки с грамот из Рязани от

Ляпунова в Нижний и из Нижнего в Ярославль. Таким образом, это, очевидно, тот текст, который был получен в Ярославле из Нижнего Новгорода, тот же текст, который посылался из Нижнего Ляпунову, а также в разные другие города Русского государства.

В обращениях, рассылаемых в города, содержатся указания, подобные тем, которые давались в 1608—1609 гг., собирать ратных людей и держать их наготове или выслать на места по указанию; собрать и доставить на место наряд и зелейную казну (на недостаток пороха, зелья, свинца, жалуется и Ляпунов из Рязани и просит помощи у северных городов); вести в свою очередь работу по мобилизации близлежащих городов и мест («да и от себя в окольные города писати»).

Значение непосредственной связи городов с Нижним отлично понимал и сам Ляпунов. Именно поэтому в приводившейся частично выше отписке в Нижний от 31 января он обращается к этим городам через посредство Нижнего. Он просит, чтобы нижегородцы дали распоряжение в эти города о выступлении к Москве на соединение с ним, Ляпуновым. «Да и во все, господа, Понизовские города и Поморские и к Ондрею Просовецкому велите отписать, чтобы они все шли к царствующему граду к Москве наспех, к нам же в сход... Да и на Вологду, господа, и в иные Поморские города отпишите, чтоб, пошед к нам в сход, воеводы имели пороху и свинцу немало; а здесь, господа, в украинских городах пороху оскудело».

Характерно, что, обращаясь в города через посредство Нижнего, Ляпунов, повидимому, в то же время стремился сосредоточить в своих руках все руководство движением. Он требует, чтобы народные ополчения шли «к нам же в сход», т. е. к нему, Ляпунову, на соединение. Тем более показательно, что нижегородцы вносят в редакцию своих отписок в города существенное изменение в предложение Ляпунова. Они предлагают отправлять отряды ополчения не к Ляпунову «в сход», а «к нам в сход», т. е. на соединение с нижегородцами, причем место соединения указывается или в самом Нижнем, или под Москвой, куда нижегородская рать уже выступила первой, или на пути к Москве — под Владимиром.

Для определения отношений между Нижним и Ляпуновым интересно отметить присылку Ляпуновым в Нижний, видимо, довольно обширной делегации, точнее — постоянного представительства: «стряпчего Ивана Ивановича Биркина, да дьяка Степана Пустошкина с дворянами и всяких чинов людей». Повидимому, эта делегация должна была закрепить влияние Ляпунова в Нижнем и через Нижний в общем земском движении северных городов. Однако нужно отметить, что Биркин остался в Нижнем на второстепенных ролях. Впоследствии мы узнаем о его столкновении с Мининым в октябре 1611 г., когда Минин приступил к сбору всенародного ополчения. Наконец, будучи послан Пожарским и Мининым в Казань по делам ополчения, он примкнул к местной смуте и выступил с дьяком Никандром Шульгиным против вождей ополчения, Пожарского и Минина.

Одновременно грамоты из Ярославля также утверждают самостоятельность земского движения. Ярославские грамоты призывают городские ополчения «в сход» к Ярославлю или к Владимиру. Последний пункт естественно намечается для городов, которые ближе к Костроме, для галицких городов. Основной район тяготения к Ярославлю обозначается тот же, что и на первом этапе. «И из городов, господа, к нам пишут, что они к нам в сход тотчас будут со многими ратными людьми». «В Ярославль же начаша приезжать многие ратные люди, и из многих градов привозяще многую казну» — пишет «Новый летописец».

В той же февральской отписке в Вологду, которая и теперь выступает главным посредником между Ярославлем и поморскими городами, отмечается значительное накопление в Ярославле военных сил. «И здесь, господа, в Ярославле в собрании многие люди, и народ в Ярославле много, и зелейная казна великая, идти против польских и литовских людей есть с чем»⁷⁷.

Состав ярославского войска, выступившего в феврале с воеводой Иваном Волинским, определился в следующем виде: ярославские дворяне и дети боярские, стрелецкий голова Иван Толстой с 500 московских стрельцов, 300 старых ярославских казаков, астраханские стрельцы, казаки приказа Тимофея Шарова, «да с монастырей и с земли даточных много людей с нарядом». В этом перечне специального внимания заслуживают казаки приказа Тимофея Шарова. Тимофей Шаров был сотником армии Болотникова, потом шел со Скопиным-Шуйским из Новгорода на Москву и, видимо, после этого очутился под Ярославлем, где и вошел в ополчение 1611 г. В лице Тимофея Шарова с особенной яркостью выступают глубокие народные корни широкого земского движения этих лет.

Нижегородское ополчение выступило 3 февраля, Ярославское — 21 февраля, Ляпунов вышел из Коломны 3 марта.

Отражением земского движения, в котором руководящая роль естественно принадлежит посадку, как его наиболее организованной части, явилось восстание в Москве 19 марта. Это было стихийное посадское восстание, возникшее еще до того, как ополчения подошли к Москве. Из военных людей налицо оказался князь Дмитрий Пожарский, который и отличился в сражении, разыгравшемся на Пушечной улице и на Лубянской площади. Будучи ранен в этом бою, он с трудом был вывезен из Москвы в Мугреевскую вотчину, в Суздальском уезде, где его и застал затем призыв нижегородцев возглавить народное ополчение. В битве, которая развернулась на улицах и площадях Москвы, более регулярный характер носили столкновения поляков с отрядом Пожарского, а также с отрядом Бутурлина. Описание всего восстания, составленное польским шляхтичем Маскевичем, дает исключительно яркую картину своего рода баррикадного боя, отражающего все характерные черты боевых действий посадского люда.

«Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей, а другие с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дреколем... Жестоко поранили нас из пушек со всех сторон, ибо, по тесноте улиц, мы разделились на 4 или 6 отрядов». Перед лицом этой упорной народной борьбы поляки, как это не раз бывало в упорных боях в русских городах, прибегли к помощи огня: они обrekli на сожжение московский посад, чтобы лишить прикрытия московское население. Пожар, зажженный поляками 20 марта, положил конец сопротивлению московского посада.

1 апреля войско Ляпунова подошло к Москве. Одновременно подходили к Москве и ополчения из других городов. Раздельность, обособленность отдельных отрядов представляет характерную черту современных сообщений об ополчении 1611 г. Подробный перечень отрядов содержится в мартовской отписке из Великого Новгорода, основывающейся на сведениях, полученных из Ярославля.

Из Ярославля выступило ополчение с воеводой Ив. Волынским. С воеводой Прокофием Ляпуновым пошли «Заречные города и Севера»; «муромцы с окольными города» с князем Масальским; из Нижнего поповые люди и казанцы с воеводою кн. Репниным; из Суздаля и Владимира воеводы Арт. Измайлов и Андрей Просовецкий; с Вологды и с поморских городов воевода Ф. Нащокин; галицкие люди с воеводой князем Ф. Волконским; «а кашинцы да и бежечане и угличане, собрався пошли на сход к тем же воеводам».

В этом перечне еще отсутствуют отряды Трубецкого и Заруцкого. Во всяком случае бросается в глаза большой удельный вес и значение земских ополчений из северных городов и их фактическая независимость от ополчения Ляпунова, которое в приведенном перечне указано как одно из многих в ряду других. «Новый летописец» подчеркивает, что эта обособленность сохранилась и под Москвой, где каждое из ополчений со своим воеводой заняло особое место, и где между воеводами начались разногласия и ссоры. «Новый летописец» сообщает и о последовавшем соглашении и избрании «над всеми воеводи старейших князя Дм. Тим. Трубецкого, да Ивана Заруцкого, да Прокофья Ляпунова». Однако сущности дела это не изменило. Ополчения, собравшиеся под Москвой, не слились в единое всенародное ополчение, и именно в этом была их слабость. Попытка Ляпунова собрать к Москве выборных от земли — своего рода Земский собор — и в нем найти себе опору, тоже не увенчалась успехом: 22 июля Ляпунов был убит казаками Заруцкого, простояв под Москвой менее четырех месяцев.

Вслед за этим подмосковное ополчение распалось. Рязанское ополчение, пришедшее с Ляпуновым, отошло обратно на Рязань. О движении земских ополчений северных городов у нас прямых сообщений нет. Но под Москвой они не остались. Дальнейшие сообщения знают под Москвой только полки Трубецкого и казаков Заруцкого. Очевидно, северяне отошли к своим городам на Волге; без них не мог бы с такой быстротой развернуться сбор ополчения в Нижнем Новгороде осенью 1611 г., в котором они должны были составить основное ядро.

7. ВСЕНАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ И ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Летом 1611 г. ополчение, собравшееся под Москвой, распалось из-за разнородности его состава и из-за отсутствия единства в его организации. Местные ополчения шли к Москве наспех, без надлежащей подготовки и слаженности. Воеводы Ляпунов, Трубецкой и Заруцкий были неспособны его возглавить и обеспечить его осуществление, потому что в их действиях было слишком много личного, и сами они в корне были чужды той земской народной массе, которая составляла основную базу всего движения.

Народная борьба, начавшаяся в 1608—1609 гг. в земских организациях Поволжья и поморских городов, здесь же должна была получить и свою конечную организацию. На основе выработанных здесь организуемых начал и прочно сложившихся связей образуется теперь всенародное ополчение, крепко спаявшее все местные ополчения в одно целое. Не случайно центром этого ополчения явился Нижний Новгород. Это было обусловлено не только материальными ресурсами этого города, — крупного узлового торгового центра на Волге, — но и той ролью, которую он играл в борьбе с интервенцией уже в течение ряда лет, начиная с 1608 г. Это было обусловлено, таким образом, не только его экономическими, но и политическими связями.

Не случайно также возглавил организацию ополчения в Нижнем Новгороде в октябре 1611 г. нижегородский посадский человек Козьма Минин. Его первые официальные выступления относятся к 1611 г. Остановившись на времени начала деятельности Минина историки объясняли его первые выступления воздействием обращений, полученных из Москвы от патриарха или из Троице-Сергиевой лавры от архимандрита Дионисия и Авраамия Палицына. Современные записи по сути дела отвергают эту связь и вкладывают в уста Минина рассказ о якобы явившемся ему чудесном видении.

Думается, что вопрос решается проще. Публичные выступления Минина последовали за избранием его земским старостой. Эти выборы обычно проходили осенью и состоялись в Нижнем в том году в конце сентября. Как мы видели выше, дело ополчения, его сбор и финансовое содержание с самого начала сосредоточились в руках выборных земских властей и прежде всего в руках земского старосты. Таким образом, дела ополчения поступили в ведение Минина уже в силу его должностного положения: он должен был заняться делами ополчения как земский староста. Однако счастье заключалось в том, что именно в это время в Нижнем Новгороде земским старостой оказался именно Козьма Минин, человек высокого патриотизма и выдающихся организаторских способностей, который стоял на уровне выдвинутой событиями новой большой задачи — создания уже не старого местного ополчения, а ополчения всенародного для ведения большой освободительной войны за родину, за Русское государство.

Вероятнее всего, что самый выбор Минина в земские старосты стоял в какой-то мере в связи с этими его качествами, что Минина выбрали именно на руководство делом всенародного ополчения. К сожалению, источники молчат о деятельности Минина до его избрания. Источники указывают только на сословную принадлежность Минина: «Един же в них нижеградский житель, ремеслом говядарь, именем Кузма, Минин сын, прозванием Сухорук», записывает «Новый летописец»⁷⁸. Таким образом, он был торговцем мясом средней руки. Сведения о его деятельности начинаются прямо с сообщения о его выступлении в земской избе о мобилизации сил и средств на всенародное ополчение, т. е. очевидно уже после его избрания земским старостой или во время выборов. «Новый летописец» сообщает о предшествовавших длительных обсуждениях: «и по многи дни сие совещаша, како имут творити», когда в один день «посред собрания» выступил Минин. Симон Азарьин добавил рассказ о чудесном видении Сергия, якобы побудившем Минина к его выступлению. Во всех сообщениях, однако, существенно одно: речь идет сразу о большом деле создания всенародного ополчения для освобождения всей земли: «яко от толикого малого града совершится такое великое дело».

Выборы в земские старосты свидетельствуют о доверии и популярности, которыми Козьма Минин пользовался в Нижнем Новгороде, и которые позволили ему обеспечить мобилизацию народных сил и средств на дело ополчения. Организационная сторона дела сразу же оказалась в руках нового земского старосты. Он потребовал уже в первом выступлении «прежде себя не пощадити и жен и детей своих, а не токмо пожитков своих». Потом он оформил мирской приговор: «что быти им во всем послушными и не противитися ни в чем, а для жалования ратным людям иметь у них деньги; а если денег не достанет, иметь у них не токмо животы их, но и жен и детей имая от них закладывать, чтобы ратным людям скудости на было и вси к таковому приговору приложивше руки, отдаша Кузме...»⁷⁹. Сам Минин тотчас внес

треть всего своего имущества на дело ополчения. Размер установленно-го обложения составлял от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ имущества, но некоторые жертвовали и больше.

Для военного руководства избрали князя Дмитрия Михайловича Пожарского, «кто б был в таком деле искусен и который во измене не явился». Пожарский не был на службе ни у первого, ни у второго Лжедмитрия. При царе Шуйском он сначала отстоял от поляков Коломну осенью 1608 г. и тем спас от окружения Москву, потом он оборонял Москву от тушинцев, а затем был поставлен Шуйским воеводой в Зарайск. Весной 1611 г. он принял участие в военном руководстве московским восстанием против поляков 19—20 марта. Теперь, по приглашению нижегородцев, Пожарский стал во главе всенародного ополчения.

Выступление нижегородцев сразу получило широкий отклик во всей стране. «Всюду же сие промчеша собрание и от многих градов привезоша многую казну в Нижний, и от градов ратнии начаша съезжаться». К движению с самого начала привлечены были Казань и низовые города, посланы грамоты в Ярославль, в Вологду. Новым в образовании всенародного ополчения было теперь то, что к движению посадских людей сразу присоединились служилые люди. Гибель Ляпунова и действия казаков Заруцкого и Трубецкого — с одной стороны, политика польских интервентов и семибоярщины в Москве — с другой, побудили служилых людей к участию в общем деле освобождения. Интересно, что в числе первых, примкнувших к ополчению, «Летописец» называет смолян, а за ними дорогобужан и вязьмичей, т. е. служилых людей из районов, оккупированных поляками. Под смолянами историки обычно понимают бывших участников обороны Смоленска, занятого поляками в начале 1611 г., которые пробрались из Смоленска к Москве. Но здесь скорее речь идет о смоленских дворянах и детях боярских, которые отбывали службу под Москвой и находились вне Смоленска, когда началась его осада. Это объясняет и тот факт, что они оказались уже испомещенными на землях под Москвой. Как бы то ни было, понятно почему именно эти группы первыми так горячо откликнулись на призыв к борьбе против польских интервентов.

Вслед за смолянами летопись называет рязанцев, т. е. бывших участников ополчения Ляпунова, ушедших из-под Москвы назад в Рязань после убийства казаками их вождя. Это основное ядро ополчения быстро пополнялось все новыми силами.

Как и при создании ополчения в 1608—1609 гг., большое место отводится организации артиллерии. О присылке наряда, пороху, селитры и свинца пишут из Нижнего из ополчения, пишут из других старых крупных центров движения.

В это же время, с лета 1611 г., но особенно осенью и затем зимой 1611—1612 г., широко развернулось крестьянское партизанское движение. Польский шляхтич Маскевич и другие польские авантюристы, двинувшиеся на Русь за легкой наживой, с ужасом рассказывали в своих мемуарах о действиях «шишей», пользовавшихся всякой возможностью для нападения и разгрома польских отрядов, и отнимавших у них награбленное у русских имущество. Маскевич дважды терял все награбленное и оставался «с одной клячей, на которой сидел».

В феврале 1612 г. ополчение двинулось из Нижнего, но не прямо на Москву через Владимир, а вдоль Волги, по волжским городам, на Ярославль. Историки уже останавливались на стратегическом значении этого маршрута, избранного Пожарским и Мининым. Отмечалось, что в это же время Заруцкий и Трубецкой спешно двинули к Яросла-

лю казацкие отряды под начальством Просовецкого, чтобы перехватить Ярославль. Ярославль имел огромное значение как крупный транзитный центр, связывавший замосковский край с Поморьем, откуда ополчение могло черпать и людей и средства. На основе предшествующего изложения мы можем расширить и дополнить это положение. Все поволжские города между Нижним и Ярославлем были центрами пополнения народного ополчения. Мы уже видели, что и галицкие города, и Кострома, и Юрьев-Польский, и Романов участвовали своими ополчениями в первом выступлении под Москвой в начале 1611 г. И, действительно, в своем продвижении по поволжским городам ополчение всюду торжественно принималось населением и получало значительные пополнения людьми.

Особое значение имел Ярославль, и не только по своему расположению на большой дороге в северные города, но еще и как центр большой земской организации, оформившейся в ходе борьбы предшествующих лет, располагавшей широкими и прочными связями. Недаром, пройдя за месяц с лишним путь до Ярославля, куда они пришли уже к 1 апреля, Минин и Пожарский с ополчением задержались здесь до августа месяца.

Их земская деятельность по собиранию народных сил получает здесь дальнейшее и чрезвычайно интенсивное развитие. В Троицкой лавре под Москвой могли порой выражать недовольство промедлением Пожарского, но собирание сил требовало времени. Легко было собрать силы костромского и галицкого ополчений при сравнительно малом радиусе района тяготения этих территорий к основному центру. От Ярославля же шли пути в далекие поморские города и на северозападную окраину Русского государства. Эти районы, издавна тяготевшие к Ярославлю и через него связанные с центром, должны были и могли быть вовлечены в общенародное движение лишь из Ярославля и через Ярославль.

Не случайно также именно в Ярославле поставлен был вопрос о созыве Земского собора при непосредственном участии объединившихся представителей нижегородских и ярославских земских властей. Ярославские выборные земские люди принимали в этом деле активное участие и имена их мы встречаем под грамотами, рассылавшимися из ополчения в Ярославле. На грамоте в разные города о присылке в Ярославль к ополчению выборных людей рядом с именем «выборного человека всею землею» Козьмы Минина стоит подпись ярославского земского старосты Григория Никитникова. Мы не знаем его предшествующей деятельности в земском движении г. Ярославля. Но в дальнейшем ярославский купец Григорий Никитников со своим братом Гурием — активные участники ополчения. После восстановления Русского государства он уже «московский гость», от которого сохранилась в Москве построенная им церковь Грузинской богородицы «в Никитниках»⁸⁰. Под той же грамотой мы находим подпись другого видного ярославского купца Надейки Ондреева — Надеи Светешникова, впоследствии «московского гостя», допущенного ко двору нового московского царя Михаила Романова и ко двору «второго государя» — патриарха Филарета. Мы имеем здесь еще одно свидетельство активного участия земской организации и, в частности, ярославского посада в деле создания всенародного ополчения.

К августу месяцу мобилизация сил в основном была закончена. Одновременно была проведена большая военная и политическая деятельность по очистке от интервентов замосковских городов и установлению в них администрации народного ополчения. В это время из-под

Москвы и из Троице-Сергиевой лавры стали поступать сведения о движении к Москве крупных польских подкреплений — отряда гетмана Ходкевича с большим обозом. Ополчение выступило к Москве и 20 августа оно уже стояло под Москвой с центром у Арбатских ворот, преградив дорогу в Кремль подошедшему вслед за этим 21 августа польскому войску Ходкевича.

Три дня, с 22 по 24 августа, шел бой ополчения с поляками на территории московского посада и московских слобод. Народное ополчение занимало территорию от Петровских ворот до Александровской башни на Москва-реке. В ходе борьбы оно выдвинулось своим левым флангом на правый берег реки вплоть до Ордынки, преграждая польскому войску дорогу к Кремлю и с этой стороны. Дальше на восток стояло войско Трубецкого, державшееся особняком и не оказывавшее активной поддержки Пожарскому. Казаки Заруцкого ушли из-под Москвы на юг еще до прихода народного ополчения.

22 августа сильный удар польских войск, пытавшихся прорваться в Кремль со стороны Крымского моста и Арбатских ворот, был отбит ополчением после долгого ожесточенного боя. В дальнейшем центр боя переместился на территорию нынешнего Замоскворечья и достиг крайнего напряжения 24 августа.

Ходкевичу удалось на короткое время глубоко вклиниться в расположение ополчения и приблизиться к стенам Кремля; его отряды овладели Климентовским острожком (на территории нынешней Климентовской церкви). Но развить этот успех им все же не удалось. Прежде всего ополчение создало, повидимому, специальные оборонительные сооружения на территории Замоскворечья; летописец сообщает о ямах, в которых укрывались бойцы народного ополчения и обстреливали из этих прикрытий поляков, не давая им пройти к Кремлю, «прочая же пехота все разное скрывшася по ямам и по иным местам..., стрегущи пути оного, да не пройдут запасы от гетмана во град»⁸¹. Может быть, это еще одно проявление новой оборонительной техники, принесенной народным ополчением. В это время на помощь ополчению пришли и казаки кн. Трубецкого, которые внезапно, даже без приказа Трубецкого, ударили на поляков и выбили их из острожка. Посольство келаря Троицкой лавры Авраамия Палицына закрепило союз ополчения с казаками⁸².

Ополчение держалось стойко, руководимое самим Пожарским, который лично вел бой в самых опасных местах. Козьма Минин сражался бок-о-бок с Пожарским. В критический момент именно отряд, выделенный Мининым и под его командой переправившийся через реку в обход и неожиданно напавший на поляков, нанес решающий удар врагу, который был отброшен от Москвы и вынужден отступить. В ходе боя небольшие польские отряды без всякого обоза сумели прорваться к польскому войску, осажденному в Кремле.

25 августа Ходкевич спешно отступил с остатками своего войска; большая часть его обоза досталась русскому ополчению⁸³.

Во имя основной цели — освобождения страны — руководители ополчения пошли после этого на компромисс и договорились с Трубецким. Пожарский и Трубецкой, сообщалось в грамоте, «по челобитию и по приговору всех чинов людей, стали во одиначестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости...».

Польские отряды в московском Кремле были обложены крепким кольцом. Оставленный без помощи и без продовольственного подвоза,

польский гарнизон был обречен на голодную смерть. Были съедены все животные, кончая кошками и мышами. Поляки ели мертвечину и разваренную старую кожу, дошли до людоедства.

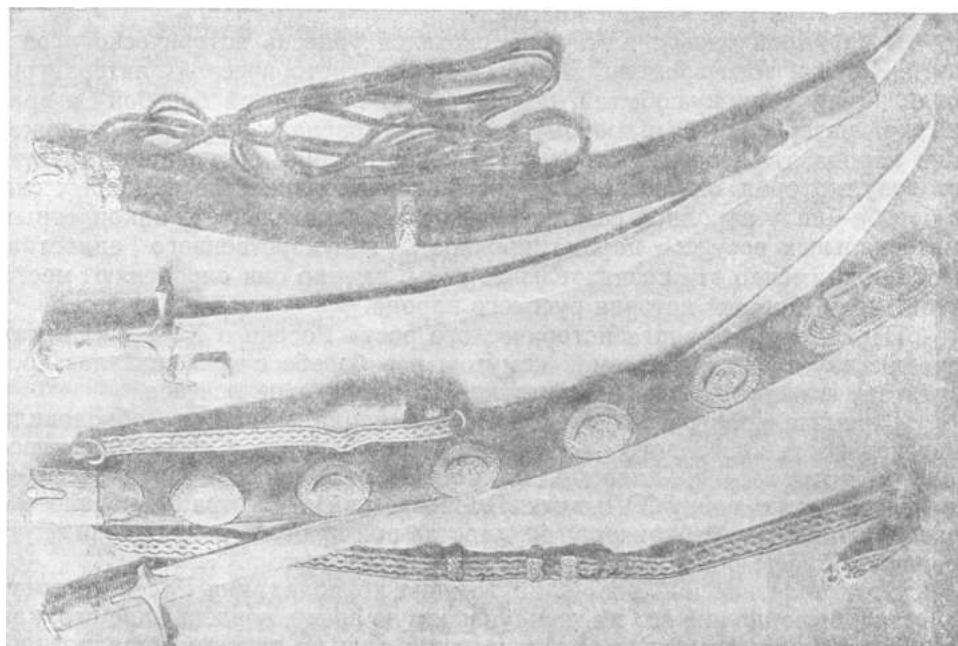

Рис. 10. Сабли князя Пожарского и Минина. (Гос. Оружейная Палата).

22 октября русское войско приступом взяло Китай-город, после чего поляки капитулировали. 27 октября они сложили оружие и русские войска заняли Кремль. Москва была освобождена от неприятеля.

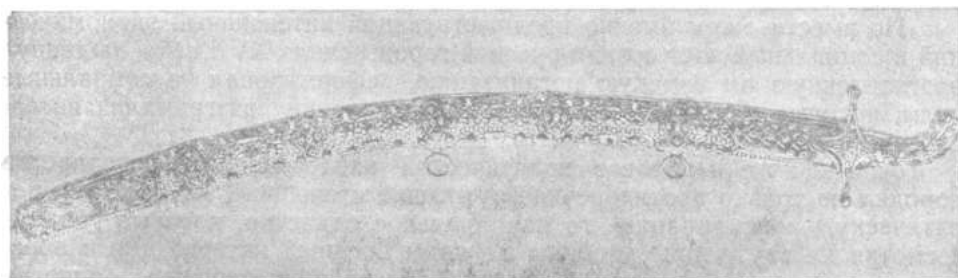

Рис. 11. Сабля князя Пожарского. (Гос. Исторический музей).

Ополчение немедленно приступило к восстановлению государственной власти. В начале ноября выборные власти разослали из Москвы грамоты о созыве Земского собора, который и собрался в Москве в феврале 1613 г.

Борьба с неприятелем продолжалась еще несколько лет, но единство страны и целостность государства были восстановлены.

Дело народного ополчения завершилось.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так, в непосредственных свидетельствах современных памятников, выступает перед нами подлинное лицо прошедшего времени, действительный смысл и значение событий.

В народной борьбе XVII века сказался уровень исторического развития России того времени. Авторы старой исторической литературы видели одну сторону событий, порожденную внутренней борьбой и вражеской интервенцией, и поэтому говорили о распаде власти, о разложении народа, о разорении страны. Но при этом они проглядели другую сторону, которая, однако, обеспечила конечное торжество народных сил в борьбе—силу народной самодеятельности, значительность накопленных материальных ресурсов народа, прочность государственного единства. Победили именно эти созидательные силы, именно они определяют место этой эпохи в общей истории русского народа.

Период интенсивного исторического роста России в XV—XVI века предшествует так называемой «смуте», и в борьбе с нею сказались результаты именно этого предшествующего роста, а не кризиса.

Стремительное развитие экономики и социальных сил обусловило интенсивность классового расслоения, а в силу этого и выявление классовых противоречий, которые вылились в острую классовую борьбу, в крестьянскую войну XVII века. Политический рост страны, начало образования централизованного государства при крайнем напряжении внутренних сил, еще более обострили эти противоречия.

Этот политический рост и внутренняя консолидация Русского государства, выведившие его на международную арену, вовлекавшие его, как складывающуюся крупную политическую силу, в систему западноевропейских государств, определили его международные противоречия. Ливонская война была первым проявлением этих противоречий; они породили захватнические планы в сторону востока Стефана Батория и канцлера Льва Сапегу, а завершились они польско-шведской интервенцией начала XVII века. Это была попытка использовать внутреннюю смуту в России и захватить русские земли, чтобы ослабить ее силы, быстрый рост которых начинал тревожить ее беспокойных соседей.

Но вместе с тем именно предшествующий интенсивный экономический и социальный рост создал русский город начала XVII века, выдвинул возглавленную им земскую организацию, сформировал те социальные силы, которые в земском всенародном ополчении разгромили интервентов.

Точно так же и процесс политической централизации государства породил не только противоречия внутренние и внешние, но дал и ту политическую консолидацию, то национальное единство, которые уцелели несмотря на внутренние усобицы и удары внешней интервенции и обеспечили конечное торжество политики ополчения, сохранение единства Русского государства, русского народа.

Этим определяется и значение изучаемой эпохи в историческом развитии России.

Конечно, внутренние усобицы и внешняя интервенция поглотили немало материальных средств и жизненных сил народа. И все же эти потери имели скорее внешнее значение. Они не затронули внутренних сил народа. Напротив, призванные к действию трудными обстоятельствами исторической жизни силы народа закалялись в борьбе, росли и крепили и в конце концов одержали полную победу. Не разорение экономических средств, а рост социальных сил определил в итоге дальнейший ход исторического развития страны.

Экономическое разорение было довольно быстро изжито. XVII век в истории России был веком еще более интенсивного развития. Даже напряженная классовая борьба этой эпохи была лишь другой стороной того прогрессивного развития, непосредственным завершением которого явились реформы Петра I.

И в этой новой расширенной исторической перспективе новые большие проблемы и задачи вырастают перед историком, привлекают к себе внимание, требуют тщательного изучения.

Саратов, 1942 — Москва, 1943.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шапов А. Сочинения, т. I. стр. 649.

² Там же, стр. 704.

³ Мы располагаем, к сожалению, лишь ограниченным количеством этой местной документации. Наиболее крупную публикацию составил Соликамский фонд, опубликованный археографом Стросовым в «Актах Археографической экспедиции», т. II. Показателен, однако, самый состав этого фонда, содержащий в копиях отписки из разных городов. Он показывает, насколько интенсивно развернулись сношения между городами, насколько обширны стали связи между ними. Более широкое привлечение материалов местных архивов, может быть, позволит в дальнейшем дополнить и расширить общую картину событий, которая, однако, и сейчас выступает с большой отчетливостью и убедительностью.

⁴ АИ, т. II, № 145, приложение II. Отписка из Котельнич в Вятку.

⁵ АИ, т. II, № 177.

⁶ ААЭ, т. II, № 88.

⁷ АИ, т. II, № 107.

⁸ АИ, т. II, № 110.

⁹ Цифра, конечно, преувеличенная.

¹⁰ Платонов предлагает читать: «в Городце», — по Никоновской летописи.

¹¹ «Новый летописец», гл. 138.

¹² ААЭ, т. II, № 104, стр. 205.

¹³ АИ, т. II, № 153.

¹⁴ Там же, № 115.

¹⁵ Там же, № 215.

¹⁶ Надолбы имели примерно то же устройство и назначение, как и в настоящее время.

¹⁷ Сборник Хилкова, № 12/XIV, отписка от 3 марта 1609 г.

¹⁸ АИ, т. II, № 235.

¹⁹ АИ, т. II, № 215.

²⁰ АИ, т. II, № 103.

²¹ «Русская историческая библиотека», т. II, № 187, стр. 793—812. «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую в 1609 г.».

²² ААЭ, т. II, № 108 (Курсив мой. Н. Р.)

²³ АИ, т. II, № 149.

²⁴ «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., ч. 2, № 36, стр. 41.

²⁵ Отписка из Вологды на Устюг 12 декабря 1608 г., «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., ч. 2, № 26. Отписка из Вологды в Пермь 24 декабря 1608 г. ААЭ, т. II, № 94.

²⁶ ААЭ, т. II, № 88.

²⁷ «Акты времени правления Василия Шуйского», № 24. «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., № 2, стр. 27. — Отсутствие вологодского воеводы связано, возможно, с колеблющейся позицией воеводы Пушкина, первоначально присягнувшего самозванцу.

²⁸ ААЭ, т. II, № 177.

²⁹ АИ, т. II, № 188.

³⁰ АИ, т. II, № 149; ААЭ, т. II, № 110.

³¹ ААЭ, т. II, № 124 и 123, приложение II; то же в «Чтениях Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., кн. 2, стр. 30.

³² ААЭ, т. II, № 88.

³³ АИ, т. II, № 201.

³⁴ ААЭ, т. II, № 111, приложение II, «За руками», т. е. за собственноручными подписями.

³⁵ ААЭ, т. II, № 88.

³⁶ Там же.

³⁷ «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., кн. 2, стр. 27.

³⁸ АИ, т. II, № 145, приложение II.

³⁹ АИ, т. II, № 143.

⁴⁰ ААЭ, т. II, № 94.

⁴¹ ААЭ, т. II, №№ 88, 89, 91.

⁴² ААЭ, т. II, №№ 109, 115.

⁴³ ААЭ, т. II, № 91, приложение I.

⁴⁴ Там же, № 97.

⁴⁵ ААЭ, т. II, № 99.

⁴⁶ ААЭ, т. II, № 110.

⁴⁷ ААЭ, т. II, № 88.

⁴⁸ Там же, № 94.

⁴⁹ Там же, № 123.

⁵⁰ ААЭ, т. II, № 91.

⁵¹ Там же, № 103.

⁵² Отписки из Вологды от 1 и 12 декабря 1608 г. «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г. ч. 2, №№ 24 и 25.

⁵³ ААЭ, т. II, № 123, приложение I.—То же в «Чтениях Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., ч. 2, № 36.

⁵⁴ Ср. ААЭ, т. II, № 92.

⁵⁵ ААЭ, т. II, № 104, стр. 205.

⁵⁶ Курсив мой (Н. Р.). «Обеяться», т. е. обменявшись вестями, снесясь между собой, сговорившись.

⁵⁷ «Чтения Моск. общ. ист. и др. Росс.», 1915 г., ч. 2, № 30.

⁵⁸ Т. е. с архиепископом.

⁵⁹ АИ, т. II, №№ 266 и 267.

⁶⁰ АИ, т. II, № 354.

⁶¹ История обороны Смоленска довольно подробно описана В. Мальцевым в книге «Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.)». Смоленск, 1940 г. Ввиду этого мы не останавливаемся на ней более детально.

⁶² ААЭ, т. II, № 392.

⁶³ Сборник Хилкова, № 12/X/IV.

⁶⁴ ААЭ, т. II, № 103.

⁶⁵ Гуляй-город — сооружение типа передвижной небольшой деревянной крепостцы на колесах, передвижная осадная башня.

⁶⁶ «Записки гетмана Жолкевского о Московской войны», СПб. 1871 г., гл. IV, стр. 36.

⁶⁷ ААЭ, т. II, № 123, приложение I.

⁶⁸ ААЭ, т. II, № 179.

⁶⁹ Мелкокалиберные короткие пищали.

⁷⁰ ААЭ, т. II, № 188, приложение II.

⁷¹ ААЭ, т. II, № 176.

⁷² ААЭ, т. II, №№ 175, 177.

⁷³ «Новый летописец», гл. 152.

⁷⁴ ААЭ, т. II, № 183.

⁷⁵ ААЭ, т. II, № 176.

⁷⁶ ААЭ, т. II, № 179, приложение II.

⁷⁷ ААЭ, т. II, № 179.

⁷⁸ «Новый летописец», гл. 161.

⁷⁹ «Новый летописец», гл. 161.

⁸⁰ Недалеко от Ильинских ворот. Церковь сохранилась сейчас как музей.

⁸¹ «Новый Летописец», гл. 162, стр. 156.

⁸² Вопрос о роли казачества в рассматриваемый период требует специального самостоятельного изучения.

⁸³ Мы не останавливались подробно на действиях под Москвой в августе — октябре 1612 г., поскольку эти события неоднократно освещались в нашей литературе, в частности за последнее время в специальных очерках Г. Н. Бибикова «Минин и Пожарский», М., 1942 г. и С. В. Бахрушина «Минин и Пожарский». Узб. филиал Акад. Наук, Ташкент, 1942 г.

ВООРУЖЕНИЕ СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА *

В наших представлениях о русском военном искусстве и военной организации XVI—XVII веков есть немало настоящих «белых мест» или традиционно проходящих через историческую литературу поверхностных суждений и ошибок.

Без преувеличения можно сказать, что еще не делалось попыток описать и оценить тактику стрельцов в тех боевых операциях, которые они вели в течение полутора столетий, начиная от казанских походов и кончая азовскими, а это создает один из самых зияющих пробелов, мешающих выяснению общего хода нашей военной истории. Этот пробел не может быть восполнен, пока не разработан надежно и прочно другой вопрос — о стрелцком вооружении. Его изучение важно и для правильного понимания устройства стрелцкого войска и всей его исторической роли и судьбы.

В настоящей статье я не задаюсь целью описать все то оружие, каким пользовались или могли пользоваться стрельцы; я постараюсь лишь выяснить, что именно в вооружении стрельцов было определяющим для их военно-тактического значения и организации.

Следует прежде всего категорически возразить против одного укоровившегося в исторической литературе представления.

Все авторы, писавшие о стрельцах, начиная от Н. И. Новикова и кончая М. Н. Покровским и С. К. Богоявленским, утверждают, что все стрелецкие приказы состояли не только из стрелков, снабженных огнестрельным оружием, но и имели в своем составе особые сотни копейщиков.

Это утверждение мы находим у Висковатова, Беляева, Родиславского, Брикса, Шпаковского. У Брикса, например, оно изложено так (в применении к XVII веку): „wie schon früher zerfielen die Strelzen jeder Abteilung in Pikenieren (Kopeischtschiki) und Schützen (Strelzy), von denen die ersten als Elitesoldaten betrachtet wurden und in den Prikasen und Regimenten die ersten Centurien gebildet zu haben scheinen“¹.

С. К. Богоявленский пишет, что «некоторые стрелецкие сотни имели мечи и копья и назывались сотнями «копейщиков»². С. К. Богоявленский повторяет это утверждение и в своей недавней статье «Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.»³.

В особенно подчеркнутой форме это мнение о стрельцах-копейщиках высказано в статье М. Н. Покровского «Стрельцы» (в Энциклопедии изд.

* Настоящая статья является одним из разделов работы автора об организации и составе стрелцкого войска в Московском государстве XVI—XVII вв.

Гранат): «Вопреки довольно распространенному представлению это вовсе не была пехота, вооруженная огнестрельным оружием, были стрелецкие полки и конные, и даже раньше всего упоминаются именно конные стрельцы; часть пехоты была вооружена копьями, как и всякая пехота того времени; наконец, у стрельцов была и артиллерия, от 5 до 10 орудий на приказ. Словом, стрельцы — это армия, а не род оружия».

Перешедшее к Покровскому от других авторов представление, что существовали среди стрельцов особые копейщики, вырастает у него в подчеркнутое отрицание определяющего значения ручного огнестрельного оружия для характеристики стрелецкого войска.

Однако данные источников заставляют считать ошибочным это установившееся мнение даже в тех случаях, когда оно высказывается не в столь гиперболической форме, как у Покровского. Во всех тех памятниках, которые относятся к истории, вооружению, организации и быту стрельцов, нигде не отразилось существование стрельцов-копейщиков. Нигде в материалах не видно, чтобы стрелецкий приказ, как правило и норма, распадался на разнородно вооруженные подразделения. Между тем, если бы такое разделение стрельцов действительно имело место, оно должно бы было найти отражение даже в таких материалах, как описания стрелецких слобод, и в документах, связанных с торговой, ремесленной и сельскохозяйственной деятельностью стрельцов. Мы встречаем в подобных делах среди стрельцов и знаменщика, и барабанщика, и сиповщика, но никогда не видим стрельца-копейщика. Но, не ограничиваясь этим доказательством от умолчания, сошлюсь на многочисленные свидетельства, непосредственно относящиеся к стрелецкому вооружению.

Один из первых иностранцев, писавших о стрельцах, Флетчер, оставил следующее описание их вооружения: «У стрельца или пехотинца нет никакого оружия, кроме ружья в руке, бердыша на спине и меча сбоку. Ложе его ружья не такое, как у мушкета, но гладкое и прямое, несколько похожее на ложе охотничьего ружья, отделка ствола грубая и неискуска, и он весьма тяжел, хотя стреляют из него небольшой пулей».

Другие авторы — Паерле, Карлайль, Мейерберг — повторяют те же основные данные. Почти через сто лет после Флетчера Пальмквист в своем альбоме зарисовывает стрельца с мушкетом, саблей и бердышом. Хотя существовало всегда кроме пеших и некоторое количество конных стрельцов, стрелецкое войско все же представлялось иностранным наблюдателям как пехота по преимуществу. К тому же конные стрельцы имели огнестрельное оружие, т. е. были по сути дела посаженной на коней пехотой. Так, епифанские конные стрельцы в 60-х годах XVI века служили «с пищальми на меринех»⁴.

Паерле, описывая конных стрельцов, встретивших посольство, говорит, что к седлам у них были привязаны ружья⁵.

Олеарий, объясняя своим читателям слово «стрельцы», называл их мушкетерами.

И в упоминаниях о стрельцах русских литературных памятников перед нами тот же образ воина, отличительная черта и основная особенность в вооружении которого — ручное огнестрельное оружие. Там, где наши литературные памятники говорят об оружии стрельцов, всегда налицо ручная пищаль. Второй хронограф, который дает нам ценное сообщение о начале стрелецкого войска, говорит именно о «выборных стрельцах из пищалей»⁶.

В действиях под Казанью в 1552 г. русское войско описывается летописью следующим образом: «И бе много множество людей безчисленно яко бе невместимо круг града, и атоманы бяше и стрельцы с пищальми много множество со всех стран и обступиша град великою силою»⁷.

Под Сыренском (Вейссенштейн в Ливонии) в 1558 г. роль стрельцов изображается так: «И туры вокруг города исстали и наряд по всем турам расставили, а стрельцы с пищалями пред турами в закопах поставили и учили по городу стреляти из всего наряду из пищалей по вокнам»⁸.

В «Повести о приходе короля Степана на град Псков» читаем про действия разных ратных людей: «Овии же под стеною с копья стояху, стрельцы же из пищалей по них (по врагам. С. М.) стреляше, дети же боярские из луков стреляху»⁹.

Наказы стрелецким головам и другие документы, относящиеся к приборам в стрельцы, всегда содержат в себе требование прибирать в стрельцы людей, «которые б из пищалей стрелять были горазды».

К представлению о стрельце, как о стрелке, а не о воине с холодным оружием, ведет и этимология самого этого слова.

Еще более важны и показательны те материалы, которые дают нам возможность познакомиться с вооружением отдельных стрелецких частей, приказов и гарнизонов. Такого рода материалы встречаются в делах Разряда, а иногда и в разрядных книгах.

Начнем с данных о московских приказах. Сведения об их вооружении наиболее интересны, так как московские стрельцы служили предметом наибольших забот, здесь мы вправе ожидать наибольшей правильности и последовательности и, главное, московские приказы предназначались для полковой службы, тогда как значительная часть городских стрельцов оставалась на службе гарнизонной.

Отсутствие архива Стрелецкого приказа, к сожалению, не дает нам возможности рассчитывать на сколько-нибудь полные сведения. Приходится довольствоваться некоторыми из разрядных книг¹⁰ и двумя-тремя документами, случайно сохранившимися в фонде Разрядного приказа.

В разрядной книге 1615 г. в полку Ф. И. Шереметева, отправляемом к Пскову, значится: «с вогненным боем с головою стрелецким Московских стрельцов 500 чел.»¹¹. В книге 1617 г. в наказе Пожарскому, стоявшему с полком в Калуге, говорится: «Головам и сотникам беречь накрепко, чтобы у стрельцов и у казаков пищали были у всех сполна..., а у которых у стрельцов и у казаков пищалей нет, даваны будут им пищали из государевы казны, и им на тех стрельцах и на казаках пищали велети доправить, чтобы однолично никаков стрелец или казак без пищалей не были»¹².

В 1618 г. в росписи ратных людей по московским городским укреплениям, сделанной в ожидании нападения поляков, всюду, где оружие стрельцов указано, это — пищаль¹³.

Очень часто разрядные книги, записывая оружие других категорий ратных людей, ничего не говорят о стрелецком, видимо, полагая его само собой разумеющимся.

Среди книг Белгородского стола Разрядного приказа Архива Древних актов находится «Переписная книга оружия московских стрелецких приказов», которую можно датировать 70-ми гг. XVII в.¹⁴. Речь идет о восьми приказах московских стрельцов, находившихся в этот момент на Украине в ведении Белгородского полка: Сем. Грибоедова, Гр. Титова, Як. Лутохина, Алекс. Карандеева, Никиф. Борисова, Алекс. Танеева, Никиф. Колобова, Аф. Спешнева. Предмет описи — артиллерийский наряд¹⁵ и всякие «припасы», т. е. арсенал каждого приказа, его боевые и хозяйственные запасы и возвращаемое сюда поломанное и неисправное оружие. Опись не распространяется на оружие, находившееся на руках у стрельцов, но вряд ли мы можем предположить наличие среди этого последнего таких видов его, которые не были бы отражены и в составе «припасов». Как и следовало ожидать, ручные пищали или мушкеты фигу-

рируют в каждой из описей в значительном количестве. В одном приказе «10 пищалей длинных с замками и с шомпули железными к походу годятца», и «109 мушкетов с жагры, по осмотру 50 к походу годятца, 30 мушкетов без спусков, 29 в новые станки»; в другом—«309 мушкетов, по осмотру 229 к походу годятца, 80 в починку, к ним починки спуски да петли, что привертывают стволы к станкам, а те мушкеты все с жагры»; в третьем — «250 мушкетов с жагры, по осмотру 200 к походу годятца, да 37 мушкетов с замки и с жагры»; в четвертом — 108 мушкетов с жаграми; в двух—113 и 51 пригодных для похода мушкетов без указания устройства их; только в одном приказе число мушкетов значится небольшим: 14 штук, все с жаграми.

Число кремневых ружей, находившихся на вооружении, видимо, было большим, чем можно подумать по описи припасов, так как там же значатся в некоторых приказах довольно большие количества ружейных кремней. Так, в припасах приказа Титова, где указаны были только мушкеты с жаграми, видим: «6 тысяч кремней к замочным ружьям»; в приказе Борисова, где в припасах также только фитильные ружья, — 650 кремней. В каждой описи припасов значится большое число «ремней с банделеры». Случаи недостачи их до числа годных ружей отмечаются описью.

Далее отметим в ряде приказов значительный запас ручных гранатных ядер; они значатся в разных приказах в следующих количествах: 455, 489, 1144, 366, 462, 210; в описи двух приказов о них ничего не сказано.

Что же касается холодного оружия, то о нем опись говорит немного. Лишь в одном приказе находим 67 бердышей, а в другом пять протазанов и пять аллебард; только в одном случае «1 древко копейное красное». Это последнее не может, конечно, помешать нам признать, что никакого признака наличия копейщиков в этих московских приказах наша опись не обнаруживает. Интересно в связи с этим отметить, что в помещенной в той же книге описи припасов солдатского полка Мих. Вестова значится при 144 мушкетах 170 пик¹⁶.

О двух приказах московских стрельцов (Ив. Грибоедова и Ром. Ефимова) говорит отписка Гр. Ромодановского из Курска в 1673 г., содержащая опись «наряда и всякого полкового и обозного строя» этих приказов, присланных из Рыльска в Курск. В первом из них «налицо 784 человек», в перечне же припасов указано «пушечного зелья на пищали и стрельцам 784 человек, ручного по 50 выстрелов на человека», т. е. порох для мушкетов рассчитан на все число наличных и приказе стрельцов. Ручное зелье вместе со свинцом и фитилем составляет и припасы приказа Ефимова, но здесь, при той же норме 50 выстрелов на человека, не указано, на какое число оно рассчитано¹⁷.

Несколько иной характер имеет «Роспись полковых стрелецких припасов», оставленных в Рыльске двумя приказами московских стрельцов (Як. Лутوخина и Кондр. Крома), проходивших здесь «с великого государя службы из под Чигирина» в 1679 г. В ней указано имущество, которое, видимо, при возвращении стрельцов в Москву было оставлено, как излишнее обременяющее их в походе. Среди него мы видим бочки пороха, свинец в гирях, сеченый свинец, литые свинцовые пульки, гранатные ядра, всякие «подкопные снасти» и т. д. Обращает на себя внимание присутствие в одном приказе 113 «длинных чинаровых спис», а в другом 109 «копеец списных»¹⁸.

Однако эти «списы» и «копейца» не должны заставить нас отказаться от мнения об отсутствии в стрелецких приказах особых подразделений,

Рис. 1. Стрелцы в походе.
 (Миниатора из Царственной книги).

Рис. 2. Стрелы стреляют из-за туров
 (Миниатора из Царственной книги).

рис. 3. Стрельцы и дворянская конница в бою под Казанью.
(Миниатюра из Царственной книги).

Рис. 4. Стрельцы стреляют из окопов.
(Миниатюра из Никоновской летописи).

Рис. 5. Стрельцы стреляют из-за ограды из спис. (Миниатюра из Никоновской летописи).

снабженных вместо мушкетов оружием на древках. Это не основное, а вспомогательное вооружение, выдача которого вызвана определенными потребностями момента. Интересно отметить, что оно значится в припасах, оставленных в Рыльске, среди которых мушкеты вовсе не фигурируют. Подобные сведения мы имеем для того же 1679 г., т. е. времени после падения Чигирина, когда ожидалось наступление турок на Украину, и относительно припасов отправляемых туда стрелецких приказов Сем. Грибоедова, Карандеева, Дохтурова, Парасукова, Бугайского и Бренковского (два последних — сводные приказы низовых стрельцов).

В них значатся «250 копей с древки крашены вместо спис», «72 копы на длинных древках вместо спис», «109 спис немецких, 70 спис русского дела», «1000 полупишных копейцев»¹⁹. Эти списы или копейца употреблялись не только как ударное оружие, но и для составления так называемых испанских рогаток и других заграждений, защищавших стрелков от кавалерии. Таким приспособлением на Западе в XVII веке часто снабжали именно мушкетеров²⁰. В связи с этим обратим внимание на предписание, содержащееся в одном из наказов той же Разрядной книги 1679 г.: «В стрелецких приказах сделать походные надолбы и рогатки, как к ратному делу пристойней и от неприятельских людей к обороне и к лутчему бережению»²¹.

Вероятно, то же назначение имели «древки без копей», «копейные древки», «списы с тротики» и «древки без тротиков», которые мы находим в некоторых количествах в «Росписи полкового наряда и припасов, отпущенных из г. Путивля в полк кн. В. Л. Долгорукова и в разные московские стрелецкие приказы» в 1680 г.²².

Больше всего при этом было древков без «тротиков» или без «копей» (158 в одном приказе, 78 в другом, 79 в третьем и т. д.), меньше всего «спис с тротиками» — их только 38 в одном лишь приказе. Из прочего имущества отмечу гранатные ручные ядра, «гранатные снасти», «пищали долги с замками» (в небольших количествах — 6 и 9 в двух приказах), большое количество свинца (119 пудов, 100 пудов и т. д. на приказ), бумага картузная и, главное, кремни «к замочному ружью». Их в приказе Титова 16000 штук, а в других приказах много меньше: 5260, 4000, 7 019, или просто «кулек с кремнем за печатью»; в некоторых эта статья не значится²³. Ниже мы остановимся на вопросе о значении кремневого замочного ружья в истории стрельцов.

Мы располагаем также сведениями о вооружении городовых стрельцов. Одним из таких источников могут послужить сметные и росписные книги городов, которые иногда не только содержат именные списки стрельцов, но и указывают их вооружение. К сожалению, это бывает сравнительно редко.

Приведу несколько примеров данных этого рода, отнюдь не предполагая охватить сколько-нибудь полно этот вид источников.

Для 1644 г. оружие стрельцов указано в сметных книгах Новосиля, Карачева, Оскола, Воронежа, Кром, Белгорода²⁴. Книга г. Новосиля дает сведения о 50 пеших и 240 конных стрельцах. В ней против имени каждого из пеших стрельцов указано: «с пищалью», а против имени почти всех конных: «на мерине с пищалью». Кроме того, в книге найдем список еще 20 стрельцов, примыкающий к списку конных, но ни о лошадях, ни об оружии в нем ничего не сказано, за исключением примечания в шести случаях: «бою нет», и заметки о наличии пищали у одного из десятников.

В Карачеве значится 400 стрельцов и казаков (отдельно численность их не указана). Их список заключен словами: «стрельцы и казаки Семе-

нова приказу Полякова все служат пешую службу, оружие у них у всех — государевы казенные пищали».

В Осколе список 86 стрельцов предварен замечанием: «Оскольские стрельцы все с пищальями». Сметная книга Кром дает три списка: 1) 33 старых стрельцов, о которых сказано: «стрельцы пеши с государевыми пищальями», 2) 48 новоприборных стрельцов «с государевыми казенными пищальями» и 3) 11 новоприборных стрельцов «без ружья». Об этих последних добавлено: «а потому у тех стрельцов пищалей нет, что государевых казенных пищалей не дано им 11 человекам стрельцам, а в Кромах в государеве казне самопалов нет». В Белгороде в этом же году стрельцов 179 человек, про которых сказано: «пищали у них у всех государевы». В Воронеже старых «200 человек стрельцов с пищальями» и новоприборных «стрельцов 157 человек с пищальями».

«Росписной список» г. Севска 1659 г. содержит именную роспись стрельцов с пометкой против имени каждого: «с самопалом и с бердышом». Список заключают слова: «и всего севских стрельцов с самопалы и с бердыши 170 человек»²⁵.

Сметные книги Пскова и его пригородов 1687—1691 гг. об оружии стрельцов двух псковских приказов числом 1155 человек говорят следующее «А ружье у тех стрельцов государское казенное и свои мушкеты и замковые пищали с алебарды и протазаны и бердыши и банделеры и лядунки, а иным казенного ружья не дано и своего нет». О 300 стрельцах Опочки сказано: «бою у них замковые пищали и мушкеты и бердыши и банделеры». В Изборске 100 человек стрельцов «с самопалы», а в Печерском монастыре 80 стрельцов с «пищальями и бердышами»²⁶. Приведенные примеры типичны. Мушкеты, иногда с бердышами, иногда без них — вот обычное и нормальное оружие городских стрельцов. Данные сметных книг могут быть в этом отношении дополнены и подтверждены и другими источниками.

В одной из грамот, помещенных в Воронежских актах Александра, Дольникова и Второва, идет речь о наличии в Воронеже 182 стрельцов. У них «самопалов казенных у 172 человек добры, а у 10 человек самопалов нет, потому что прибраны внове»²⁷.

Строельная книжка г. Хотмыжска 1640 г., указывая, что число стрельцов там составляет 134 человека, говорит об их вооружении: «И из того числа 126 человек с государевыми с казенными пищальями, что по государеву указу присланы в Хотмыжской в 148 г., а 8 человек с государевыми казенными старыми пищальями, что им дано в городех»²⁸.

В отписке Михайловского воеводы о мерах бережения против татар 1641 г. указаны места, которые должны занимать стрельцы в осадное время, и их оружие: это всегда «вогненный бой», иногда указание точнее: пищаль.

Опись городов 1678 г., где она указывает оружие стрельцов, оставляет то же впечатление. Например, описывая Вологду, она отмечает: «у стрельцов по мушкету да по бердышу»²⁹.

Яблоновские стрельцы, числом около сотни, в своей сказке, поданной в 1680 г., пишут: «а государева жалованья у нас по пищали длинные гладкие с замками»³⁰.

Иногда документ, отмечая, что некоторые стрельцы не имеют мушкетов, указывает, кто именно. Например: «а на Олонце... у стрельцов 282 мушкота, а у пятидесятников и у барабанщиков, у 18 человек мушкетов нет»³¹.

В многочисленных наказах стрелецким головам, хранящихся в делах Разрядного приказа, обычно содержится предписание пересмотреть всех стрельцов «с пищальями и с бердышами» или «с самопалы, и «у ко-

торых стрельцов самопалов не будет, ему (т. е. голове) их заправить». Иногда это выражено несколько иначе: «у которых стрельцов пищалей и бердышей не будет, и ему тем стрельцам сказать, чтобы у них пищали и бердыши были у всех готовы»³².

Актный материал можно дополнить иконографическим. На многочисленных миниатюрах Никоновской летописи и Царственной книги, иллюстрирующих события 1550-х годов и начала 60-х годов, мы видим воинов с ручными пищалами, несущими на плече в походе это оружие

Рис. 6. Фигура стрельца (средняя из трех) с фитильным мушкетом на плече. (Изображение на карте царевича Федора Годунова).

(рис. 1), причем ладонь правой руки поддерживает ложе пищали выше приклада у нижнего конца ствола, или стреляющими с руки без подшошника или бердыша (рис. 2 и 4)³³. Это, конечно, стрельцы. Сопутствующий миниатюрам текст не оставляет в этом никаких сомнений. Никогда мы не видим рядом с ними или среди них воинов, вооруженных копьями.

Любопытна миниатюра Никоновской летописи, на которой изображены стрельцы, стреляющие из-за густой изгороди рогаток, составленной из длинных «спис». Эта миниатюра подтверждает сделанное нами выше предположение о применении этих «спис» (Рис. 5).

На карте, изданной Гесселем Геритцем и приписываемой царевичу Федору Борисовичу (1613), изображен стрелец с фитильным мушкетом и дымящимся фитилем и с саблей (Рис. 6).

Весьма важны рисунки, которые даны на плане осады Смоленска 1632—1634 гг., гравированном знаменитым Гондиусом в 1637 г. (Рис. 8—11).

Среди батальных сцен на этом плане в ряде мест изображены отряды стрельцов на марше, во время стрельбы или как объект атаки польской кавалерии. Среди них нигде не видим копейщиков. Особенно интересно по своей отчетливости изображение стрельцов среди капитулирующих войск Шеина, проходящих перед королем Владиславом. Напротив, в изображении наемной немецкой пехоты в составе польских войск рельефно вырисовываются в центре колонн большие группы пикинеров. В экспликации к плану интересно следующее место, относящееся к атаке конницы Радзивилла против московских стрельцов, которые понесли при этом большие потери: «Московские всадники обратились в бегство, оставив всех своих пехотных стрельцов. Эти стрельцы сражались храбро и жарко..., но были изрублены». Таким образом, здесь предполагается защита стрельцов дворянской конницей и ее отсутствие рассматривается как причина их гибели. В других случаях недалеко от стрельцов Гондиус помещает именно конницу.

Выше уже делалась ссылка на широко известную зарисовку стрельца в альбоме Пальмквиста (Рис. 7).

Что же касается воинов с копьями в известной «Книге избрания на царство Михаила Федоровича», то их нет никакой необходимости принимать в расчет, так же как и другие свидетельства о стрельцах во время торжественных церемоний.

Откуда же могло возникнуть представление о распадении стрельцов на две разнородно вооруженные группы в составе каждой военно-административной единицы? Наиболее ранний автор, у которого нам встретилось это утверждение,— Н. И. Новиков⁴. От него оно и перешло, вероятно, к более поздним писателям. Скорее всего приходится предположить, что это представление возникло по аналогии с западноевропейской пехотой, современной стрельцам, в основе устройства и тактики которой, как хорошо известно, лежало действительно разделение на мушкетеров и пикинеров. Хотя в течение большей части XVI века число первых и возрастало, но оставалось меньшим, чем вторых. В XVII веке соотношение между ними меняется в пользу мушкетеров, но только в самом конце века, с введением штыка, мушкеты приобретают полную самостоятельность и совершенно вытесняют пику или копье из вооружения пехоты. Так обстояло дело на Западе.

Однако аналогия между стрельцами и западной пехотой в данном отношении, видимо, ошибочна. В отличие от западноевропейской пехоты, стрельцы с самого начала в отношении основного своего оружия представляли войско однородное, предназначенное во всей своей массе для огневого боя в первую очередь. Следовательно, уже в середине XVI века стрельцы с этой стороны оказываются на высоте более поздних фаз развития западноевропейской пехоты. Московское государство со времени Ивана IV располагало, следовательно, наряду с очень неплохой — что признавали иностранцы — артиллерией, и пехотой, более полно насыщенной огнестрельным оружием, чем западная пехота. Но в то время, как в Западной Европе стрелки действовали под защитой главной ударной колонны пикинеров с ее массивным построением, в России стрелки, т. е. стрельцы, опирались на конницу — дворянское ополчение или, позднее, кавалерию так называемого иноземного строя

(рейтар, драгун). Более передовая в смысле насыщения огнестрельным оружием русская пехота оказывалась вынужденной действовать в рамках общей военной организации, отличавшейся большим перевесом чисто феодальных элементов, чем та, в которой действовала профессиональная наемная сила Западной Европы.

Отнюдь не рассчитывая в рамках данной статьи полностью разбраться в сложном вопросе о стрелецкой тактике, я лишь приведу ряд примеров из описания осады Казани 1552 г. в Никоновской летописи, чтобы подтвердить высказанное предположение, что стрельцы использовались в сражении именно для «огневого боя» и всегда находились под защитой или специальных сооружений, или дворянской конницы.

23 августа, во время первой стычки под городом, казанцы, «приехав, начаша стреляти на полк, а стрельцы государя нашего из пищалей по ним стреляют. И казанцы конные на пешие стрельцы приехаша и [царь] князю Юрию Ивановичу Шемякину, и князю Федору [Троекурову] велел из полку из своего детем боярским пособити стрельцом».

Через несколько дней после начала осадных работ «стрельцы, по воеводскому повелению на другой стороне Булака, к городу, закопались во рве и не даде из города татаром вылазити». Здесь другой способ обеспечения стрельцов от налетов татарской конницы.

При установке князем Мих. Ив. Воротынским туров, 26 августа стрельцы вместе с казаками и боярскими людьми идут впереди, а пешие дети боярские с самим воеводой позади. Было предусмотрено на случай татарской вылазки конное подкрепление: князь Ив. Мстиславский со своим полком должен быть «на конех», «а велел государь того беречи: вылезут люди конные на князя Михайла, и князю Ивану делати, сколько бог поможет». Отбив татар, стрельцы и казаки становятся «по рву града и стреляху», а затем их отводят к поставленным турам, и они окапываются.

При отбитии вылазки Зейнеш-князя с ногаями из Збойливых ворот на туры, «воеводам же зрящим, и припустиша их близко тур, и удариша на них стрельцы из пищалей, также и воеводы (очевидно, с конными детьми боярскими. С. М.) нападоша на них и побиша их».

Если стрельцы не действуют вместе с конницей, то непременно находятся «во рву», «в закопех», за турами или на осадной башне. Они никогда не выступают перед нами как участники рукопашной схватки. При приступе к Арскому городку велено было детям боярским «пешим пойти ко острогу», «стрельцы же из множества пищалей стреляху... и грому зучну бяшу от пищалей». При штурме Казани 2 октября боярским людям, стрельцам и казакам велено было, как и в других случаях, «приступать наперед», но затем в описании самого штурма и сечи на улицах о стрельцах ни слова: эти бои ведут дети боярские. Выше было отмечено, что автор плана Гондиуса предполагает необходимым содействие стрельцам со стороны дворянской конницы.

Отличие стрельцов от западноевропейской пехоты заставляет нас вспомнить об одном уподоблении, неоднократно встречающемся и в записках иноземцев, и в русских памятниках, а именно, о сопоставлении стрельцов с янычарами. Не думаю, чтобы это сближение было навеяно лишь политической ролью московских стрельцов в последний период их существования, так как оно встречается и у таких авторов, как Коллинс и Рейтенфельс, писавших значительно раньше. Рейтенфельс, например, говорит следующее: «главная сила русских заключается в пехоте и совершенно справедливо может быть уподоблена турецким янычарам»³⁵.

Много позднее, рассказывая о стрельцах, Манштейн пишет: «их ближе всего можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражении и имели почти одинаковые с ними преимущества»³⁶. С другой стороны, к этому сопоставлению приходит и Крижанич, который, ориентируясь на русского читателя, называет янычар стрельцами. Я предполагаю, что основанием для этого сближения могло быть не только положение стрельцов в государстве в последний период их существования, но и тот факт, что янычары, которые были все сна-

Рис. 7. Стрелец. (Зарисовка из альбома Пальмквиста).

чала лучниками, а затем мушкетерами, не имели, как и стрельцы, в своем составе копейщиков. Пехоты, вооруженной пиками или копьями, у турок не было вовсе. Эта особенность должна была бросаться в глаза иностранцам, как отличие от западноевропейского войска.

Господство с самого начала огнестрельного оружия в вооружении стрельцов является, вероятно, одной из причин значительной устойчивости тех форм, в которых существовало это войско на протяжении 150 лет своей истории. Западная пехота в своем развитии от профессиональных войск XVI века с их тактикой массивных построений и преобладанием пикинеров к постоянным армиям XVIII века с их линейной тактикой проходит через ряд этапов. Этих этапов незаметно в истории стрельцов. Мы остановимся ниже на замене фитильного замка кремневым в XVII

веке, замене, важной по своей связи с процессом, подготовившим полную перестройку военной организации. Но при этом конец для стрельцов приходит сразу, застигая их в видимом внешнем расцвете и в тех организационных формах, какие они имели в основном с самого начала.

Вместе с тем однородность стрелецкой массы в отношении оружия и всех зависящих от него различий образует фон, на котором тем ярче выступает социальная дифференциация в среде стрельцов: она подчеркивает и оттеняет причины и ход этой дифференциации.

Таким образом, вопрос о наличии или отсутствии копейщиков среди стрельцов представляет не простую деталь в истории оружия и войска в России. Он существенен для правильного понимания характера стрелецкого войска, его роли и истории. Его правильное решение вскрывает своеобразие этого войска по сравнению с Западом и с войсками иноземного строя в Московском государстве.

Однако в некоторых местах вооружение стрелецкого гарнизона оказывается иным, чем указывалось выше. Например, сметная книга Владимира 1665 г. указывает в городе двух десятников с пищалями и 24 рядовых стрельца, из которых с пищалями 5 человек, с бердышами 14 человек, с топорком 5 человек. Приблизительно та же картина получается и по книгам ближайших лет. В 1674 г. указано: «у стрельцов по бердышу»; мушкеты совсем исчезли. Но ничтожный стрелецкий гарнизон Владимира имел не военное, а полицейское значение⁸⁷. В этом случае полное вооружение мушкетами могло рассматриваться как излишняя роскошь; во всяком случае поддержание определенных норм не было здесь предметом особой заботы.

Явление того же порядка можно наблюдать в Ярославле по переписной книге 1689 г. В именном списке стрельцов 51 человек, «бою у них 32 мушкета да 19 бердышев». У каждого, стало быть, мушкет или бердыш⁸⁸.

Любопытную картину представляет вооружение двух псковских приказов, о котором нам дает детальные сведения «Высылная книга» этих стрельцов, посланных на службу в В. Луки в 1697 г. Она показывает, как сильно могло в отдельных случаях в эти годы расходиться наличное оружие с нормами стрелецкого вооружения. Она дает интересные сведения и о значении, какое могло иной раз иметь собственное оружие.

Мушкеты или пищаля здесь не только не представляют оружия всех стрельцов, но и далеко не занимают господствующего места. Наряду с ними видим стрельцов с одними бердышами, и с саблями, и с копьями, и с алебардами. Причем это оружие большей частью не казенное, а свое. Свою данные «Высылной книги» в таблицу:

1-й полк подполковника Кокоскина

	1 сотня	2 сотня	3 сотня	4 сотня	5 сотня
«С бердышами своими»	64 чел.	49 чел.	53 чел.	49 чел.	57 чел.
«С пищалями и бердышами своими».	16	23	23	15	22
«С мушкетами казенными»	6	6	9	13	5
«С копиями своими»	15	12	7	13	7
«С самопалами своими» (или «с пищалями своими»)	11 „	—	2	—	—
«Без ружья»	—	—	1 „	1 „	1 „
«С протазанами»	4 „	—	—	—	—
Итого, без пятидесятников	116	90	95	91	92

2-й полк подполковника Козодавлева

	1 сотня	2 сотня	3 сотня	4 сотня	5 сотня
«С бердышами своими»	54 чел.	12 чел.	79 чел.	13 чел.	16 чел.
«С пищалями и с бердышами своими»	17	89	13	1	1
«С казенными мушкетами и с бердышами своими»	16 „	—	—	—	—
«С копиями своими»	36 „	2	2	2	2
Оружие не указано	—	1 „	2 „	77 „	74 „
Итого, без пятидесятников	123	104	96	93	93

Примечание: Пятидесятники в 1-м полку — с алебардами, а во 2-м, в тех случаях, где их оружие указано, с протазанами, пятисотенные дьячки и пристава — с саблями.

Крайняя пестрота вооружения здесь наблюдается не только по сотням, но и внутри отдельных десятков. Вот, например, десятки 3-й сотни 1-го полка. В первом десятке: «пятидесятник с алебардой, знаменщик и барабанщик со своими бердышами, 4 рядовых со своими бердышами, 2 со своими пищалями и бердышами, 1 без ружья; во втором десятке: десятник со своей пищалью, 8 рядовых со своими бердышами, 1 со своим копьем и т. д. Нет никакой правильности в распределении этих разных видов оружия и незаметно попыток собрать в одно подразделение лиц, вооруженных одинаково.

Очевидно, мы имеем здесь дело не с намерением вооружить стрельцов по-разному, а с резко отстающим от нормы действительным наличием оружия. Это особенно подчеркивается тем, что оружие большей частью не казенное, а свое. Обращаю внимание на то, что военных действий в тот момент и в тех местах, куда посылают эти два приказа, не было, и что стрельцы в 1697 г. уже не пользовались прежним вниманием.

Несущественными, с точки зрения интересующего нас вопроса, являются сведения об оружии, которым бывали наделены стрельцы во время торжественных царских выходов, когда одни из них шествовали с золочеными пищалями, другие с такими же копиями или алебардами, украшенными шелковыми кистями, а некоторые с батошками и палками «от утеснения нижних чинов людей»³⁹. Не приходится принимать во внимание и оружие, которым стрельцы расправлялись с боярами и приказными людьми в дни бунта 1682 г. Они, разумеется, должны были действовать тогда холодным оружием и предпочтительно на длинных древках⁴⁰.

Итак, несмотря на отдельные факты отступления от норм и на использование стрельцами в некоторых случаях гранат и холодного колющего или рубящего оружия, мы можем повторить на основании сделанного обзора, что основное оружие стрельца на всем протяжении истории этого войска — это ручная пищаль, самопал или мушкет, под каким бы из этих имен оно не выступало⁴¹. Но это оружие само не оставалось в течение этого времени неизменным. В XVII веке происходит постепенное вытеснение мушкетов с жагрой и фитилем мушкетами с кремневым замком. Этот процесс, оставивший свои следы в источниках, но не отмеченный в литературе, не миновал и стрельцов.

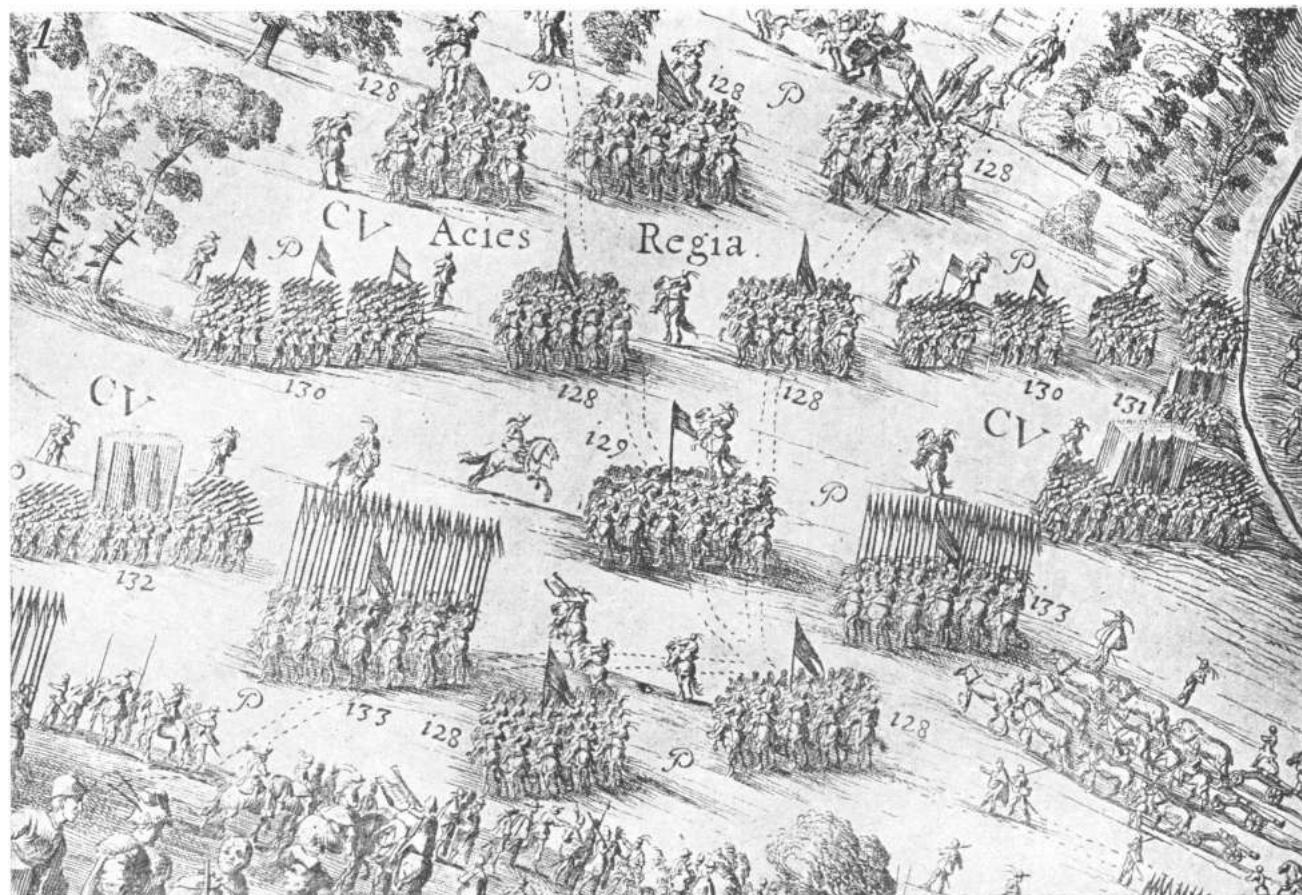

Рис. 8. Стрелцы (№ 130), дворянская конница (№№ 128, 129) и войска ипоземного строю.
(Рисунки на плане, гравиров. Гондрусом).

Рис. 9. Стрельцы (№ 209). (Рисунки на плане, гравиров. Гондиусом).

Рис. 10. Стрелы и дворянская конница. (Рисунки на плане, гравиров. Гондусом).

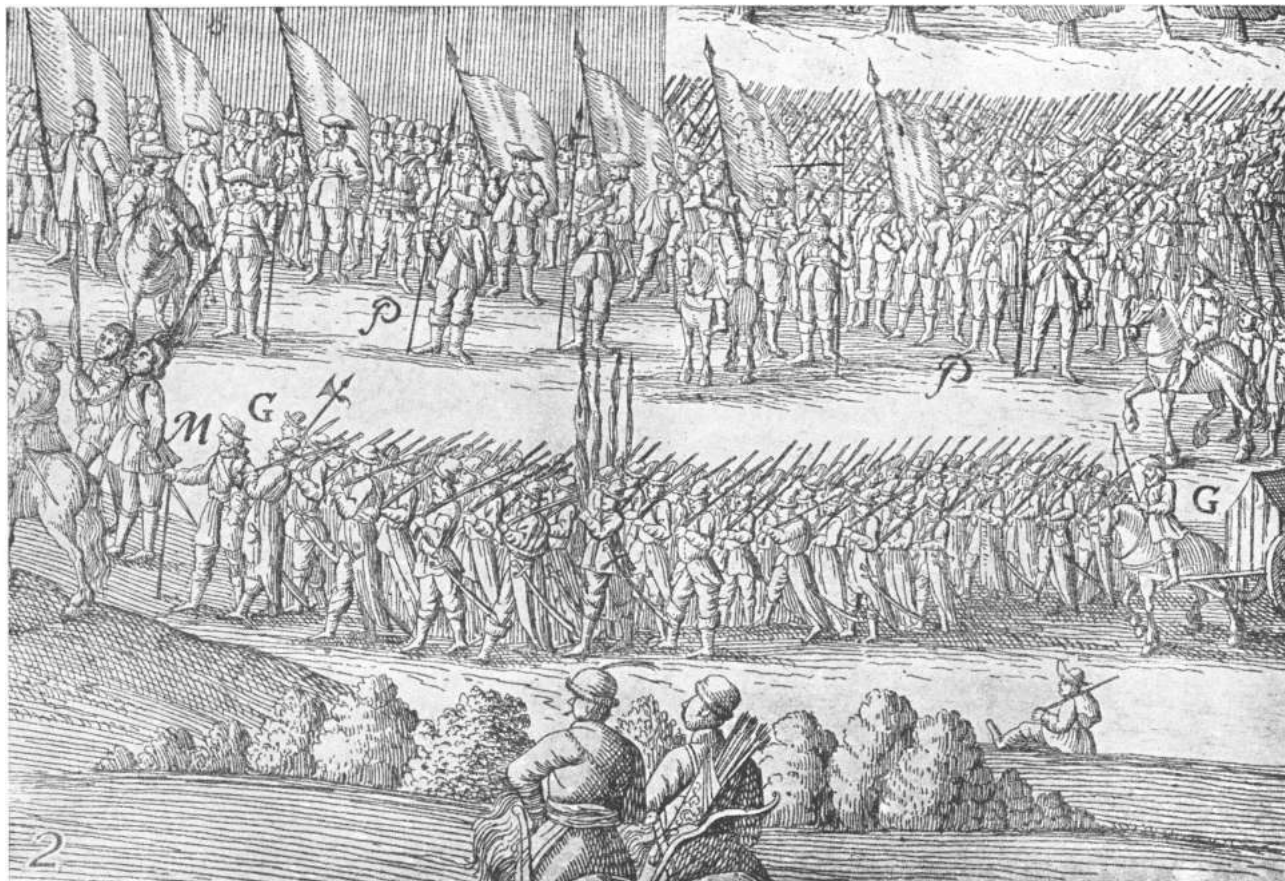

Рис. 11. Стрельцы и дворянская конница. (Рисунки на плане, гравирова. Гондиусом).

Уже в 1637 г. в указе воеводе г. Оскола говорится о необходимости пересмотреть у стрельцов пищали, «чтобы у них пищали и у пищальной замки были добрые, и кременье было запасное»⁴².

В 1638 г., во время провозводства работы на засечной черте в Алексине, присланным туда вяземским стрельцам были выданы мушкеты с жаграми. Стрельцы, по сообщению засечного воеводы, заявили, что «они из таких мушкетов с жаграми стрелять не умеют, и таких мушкетов преж сего у них с жаграми не бывало, а были де у них и ныне есть пищали старые с замки»⁴³.

К 1651 г. относится документ о приеме 27 360 «кремения пищального» целовальниками в г. Короче и о раздаче его детям боярским, казакам и стрельцам, «всякому человеку по 20 кремней», за что взято было с 24 стрельцов, т. е. за 480 кремней, 16 алтын⁴⁴. Год 1651-й а тем более 1637 и 1638 гг. — время для распространения кремневого ружья раннее, принимая во внимание, что во Франции даже Лувуа не допускал еще его на вооружение пехоты. Неудивительно, что мы имеем свидетельство и от позднейшего времени о сохранении — иногда полным, иногда частичном — на вооружении стрельцов фитильных ружей. Подобные указания можно найти в документах, изложенных и цитированных выше. В описи оружия 8 приказов московских стрельцов 1680-х годов⁴⁵ в припасах их мушкеты с жагрой резко преобладают, но на руках у стрельцов, видимо, имеется и значительное число кремневых ружей, судя по наличию в припасах «кремней к замочным ружьям». В 1675 г. в Кунгуре выдается стрельцам для учения вместе с порохом и фитиль⁴⁶. В 1678 г. в отписке Новгородского воеводы о высылке в Путивль боевых припасов в их перечне указано «20 пудов фитилю для того, что у многих стрельцов мушкеты с жагры»⁴⁷. До 70-х годов XVII века фитильные мушкеты оставались, вероятно, господствующими. Переведенный с немецкого и напечатанный в 1647 г. устав «Хитрости ратного строя» в своих многочисленных предписаниях относительно приемов стрельбы из мушкета предполагает этот старый тип ружья.

Какие же требования предъявляло подобное оружие к воину, к его подготовке и организации войска?

Обращение с фитильным ружьем требовало, как известно, большого искусства и длительной профессиональной выучки. Чтобы убедиться в этом стоит только заглянуть в упомянутый устав «Хитрости ратного строя». Мы увидим там, что производство каждого выстрела было сопряжено с необходимостью проделать ряд детально разработанных, трудных и опасных для непривычного человека манипуляций с зажженным фитилем, насыпаемым на полку порохом и тяжелым мушкетом, опирающимся на сошку или бердыш.

Вот описание обращения с мушкетом, заимствованное у историка средневекового военного искусства: «томительно, сложно и в высшей степени опасно было обращение с огнестрельным оружием, снабженным фитильным замком. Прежде всего, зажигание фитиля кремнем, огнем, трuтом и серой (если не было под рукой другого зажженного фитиля или лагерного костра); затем надо было позаботиться, чтобы оградить фитиль от сырости, нужна была осторожность, чтобы оградить себя, свою одежду и аммуницию от тлеющего фитиля. Далее идет скучная процедура заряжения порохом из маленького патрона и пуль из сумки. Наконец, насыпание пороха на полку, причем после того, как она закрыта крышкой, требовались сильные легкие для того, чтобы сдуть лишний порох из всех щелей замка из опасения, что он может случайно воспламениться. Если не надо было стрелять тотчас или вскоре

после этого, то в большинстве случаев необходимо было замазать крышку полки, для вящего ограждения пороха, калом — операция несколько нечистоплотная; затем вправляли фитиль в отверстие курка, не слишком вытягивая его вперед, иначе он не попадет на полку, а также не слишком назад, а то он может потухнуть; всаживать надо было фитиль не слишком плотно, ибо, по мере сгорания, его опять приходилось вытягивать, но и не слишком свободно, а то он мог легко проскользнуть сквозь зажим курка и потухнуть; в то же время непрерывная работа, как бы горящие концы фитиля или искры от него не попали в открытую пороховницу или на платье»⁴⁸.

Насчитывали по уставам до 95 приемов, потребных для заряжения и стрельбы. В записках иностранных путешественников можно встретить часто упоминания о несчастных случаях во время салютов, производимых стрельцами, когда сами стреляющие оказывались пораженными из-за разрыва ствола, сильной вспышки пороха и т. п. Стрельба была так сложна, что, по расчету инструкторов-иностранцев, на каждого солдата приходилось 12—16 выстрелов за время сражения⁴⁹.

Естественно, что для создания пехотного войска, вооруженного огнестрельным фитильным оружием, было недостаточно людей, обязанных ратной службой феодального типа, или даточных, распускаемых после похода. Нужны были получающие свое содержание из казны, поселенные в городах, стрелки-профессионалы. Этой потребности и должно было отвечать в своем устройстве стрелецкое войско.

В заключение отметим значение перемен в вооружении, намечающихся в XVII веке, как одной из предпосылок ликвидации стрелецкого войска в конце этого столетия.

Образование постоянного войска в виде, прежде всего, вооруженной ручным огнестрельным оружием пехоты, составляет очень важный элемент в формировании феодально-абсолютистской монархии. Таким войском явилось в истории Московского государства стрелецкое войско, возникшее в годы, которые составляют наиболее заметный рубеж во всем внутреннем и внешнем развитии этого государства. В отличие от Западной Европы, наемные профессиональные отряды, вербуемые кондотьерами и переходившие на службу от одного государя к другому, здесь не сыграли крупной роли; постоянное войско в России сложилось не из этих элементов, а как наследственная по характеру своей службы и национальная по своему составу и масштабу категория служилых людей, непосредственно подчиненных центральной власти. Оно появилось здесь раньше, чем в большинстве стран Западной Европы, где постоянные войска складываются главным образом в эпоху Тридцатилетней войны. Как по своей насыщенности огнестрельным оружием, так и в некоторых отношениях по своим организационным формам, стрелецкое войско опережало пути развития западноевропейской пехоты в течение XVI—XVII веков.

Но, с другой стороны, практические условия быта стрельцов оказывались гораздо более неблагоприятными для функционирования их в качестве постоянной армии и для достаточно гибкой эволюции при изменении военно-тактических требований, чем наемные «компании» солдат-профессионалов, из которых сколачивались армии на Западе. Казенное жалование не сделалось общей и непременной основой устройства стрелецкого войска; оно частично заменялось земельным верстанием, а частично сочеталось с промыслами и торговлей на посадах. Получалась пестрота условий, создававших разные типы стрелецких поселений. Таковы, во-первых, стрелецкие слободы городов, имевшие пре-

имущественно военное значение, где не было земельных наделов и где не получали большого развития промыслы; во-вторых, недавно устроенные или переведенные гарнизоны, не успевшие завязать большие местные связи; в-третьих, поселения пашенных стрельцов-земледельцев с наделами, тянувшимися вдаль от города, в которых создавался свой особый круг интересов и забот; наконец, старые слободы с прочно осевшим населением, примыкавшие к большим посадам с оживленными торговыми и промысловыми связями.

Во взаимоотношениях стрелецкой слободы, с одной стороны, и посада—с другой, мы наблюдаем противоречивое сочетание стремления к обособлению слободы и тенденций, подчинявших ее общим условиям жизни города. Обособление создавалось изъятием из тягла, судебной властью стрелецкого начальства, промысловыми льготами стрельцов, установлением особого режима внутри слободы, известной территориальной замкнутостью и, наконец, службой, но связь слободы с посадом была сильна силой единства классовых интересов их обитателей. Это единение с посадом воспроизводило в то же время внутри стрелецкой слободы те различия, которые имели место в среде посадского населения, создавая и бобыля, и бездворового стрельца, и стрельца-хозяина ремесленного или торгового предприятия с наемными работниками, и крупного купца или подрядчика.

Характеризуя историческое значение развития огнестрельного оружия, Энгельс говорит: «Огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства; неприступные до тех пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их ружей пробили рыцарские латы»⁵⁰. В России политическая роль города в возвышении самодержавной монархии и роль городских элементов в формировании ее военной опоры были менее заметны. Но и в Московском государстве стрелецкое войско в известной мере явилось силой если не посада, то связанной с посадом, испытывавшей на себе его давление и передававшей это давление дальше; и это давление росло по мере роста самого посада.

Пашенные стрельцы, связанные больше с уездом, чем с посадом, подвергались действию общих условий, разлагавших среду промежуточного между крестьянами и мелкопоместным дворянством слоя служилых людей, наделенных земельными дачами.

У основной массы населения стрелецкой слободы был и общий с массой черного посадского и уездного населения классовый противник. Перед стрельцами он являлся прежде всего в лице их начальных людей. Грань, отделявшая стрельцов, как один из элементов посадских и уездных людей, от господствующего дворянского землевладельческого класса, проходила по линии, лежавшей между пятидесятником и сотником.

Эти условия делали весьма своеобразным положение стрелецкого войска в дворянской монархии, которая должна была рано или поздно пожелать избавиться от стрельцов. В тесной связи стрельцов с посадом, а иногда и с уездом, в тех откликах, которые обнаруживаются в стрелецкой среде на все перипетии классовой борьбы в Московском государстве XVII века, и лежит одна из основных предпосылок ликвидации стрелецкого войска в бурных событиях конца этого столетия. К этому надо прибавить, что и самое расширение Московского государства XVII века, и сопутствовавшие ему сдвиги в распределении его военных сил, подрывали основы стрелецкого быта.

Действительно, если мы сравним данные о местонахождении и величине стрелецких гарнизонов в последней четверти XVII века, например, по описи городов 178 г. (т. е. 1670 г.), с теми сведениями, которые у нас имеются от более раннего времени, то найдем большие перемены в их размещении и численности. Если в конце XVI и начале XVII веков большие стрелецкие слободы, обитатели которых иногда составляли большинство населения целого города, мы находим в заокских, рязанских и украинских местах, то теперь там число стрельцов невелико, зато их много в городах Севского и Белгородского полков и в нижнем Поволжье. В Туле в 1636 г.⁵¹ было 230 стрельцов, а в 1678 г. их стало 79; в Рязани было 200, стало 24; в Калуге вместо 386 осталось 400. Зато в Севске в 1678 г. — 353 стрельца, в Брянске — 206 (50% жителей), а в 1682 г. — 325; в Путивле 391, в Козлове и Карпове, еще не существовавших в 1630-х годах, — 188 и 211⁵². В Самаре, Саратове, Царицыне и Уфе в 1632 г. было по 200—300 стрельцов, а в 1661—1663 г. уже по 500 человек.

Примеров падения числа стрельцов в одних районах и роста его в других можно было бы дать очень много. Эти сдвиги исследованы весьма полно в работе П. Смирнова о городах XVII века, откуда заимствованы некоторые из приведенных цифр. Длительная война за Украину и Прибалтику в 1654—1667 гг. надолго, а то и совсем отрывала стрельцов от их слобод и порывала их местные связи. Служба в «малороссийских городах» требовала больших стрелецких контингентов. Ряд приказов, особенно после 1682 г., были переведены из Москвы на жительство в провинцию с сохранением наименования «московских» и с прежними окладами, но они в действительности были оторваны от Москвы навсегда. Старые слободы, с их столь важными для стрелецкого быта связями, хиреют или вовсе уничтожаются. На новых местах надо заводить все сызнова. Это создает особую специфику стрелецких требований и протестов, особые причины для их недовольства, помимо участия в общей классовой борьбе посадя.

Развившись в пору большого расширения Московского государства в середине XVI века, и приспособившись к создавшимся тогда географическим условиям, стрелецкое войско ненадолго пережило новое расширение государства в середине следующего столетия и произведенные им новые сдвиги.

Следует учесть и то влияние, которое могло оказать на судьбу стрельцов ослабление роли дворянской конницы, прогрессирувавшее на протяжении XVII века. Мы видели, что между ними должна была существовать тесная связь, что их тактика предполагала взаимную поддержку. Постепенное отмирание дворянского ополчения и падение стрелецкого войска — процессы, отнюдь не протекавшие изолированно один от другого.

Но наряду с указанными соображениями, как предпосылка ликвидации, важна и эволюция того оружия, которое имело определяющее значение для стрельца, как воина.

Распространение кремневого ружья, к которому вскоре присоединяется штык, и зарождающаяся новая тактика линейных построений, не требовали той ловкости и опытности в обращении с ружьем, какие нужны были стрельцу-мушкетеру, державшему в руках пицаль с жагрой и фитилем. Но они требовали зато строевой выучки, муштры под офицерской палкой, умения участвовать в новых, сложных боевых построениях. Чтобы научить этому стрельца, его нужно было оторвать от слободы, от его торговых, ремесленных и сельскохозяйственных занятий. «Система военного обучения этого периода — говорит Энгельс о XVII

и XVIII веках — была более сложной, чем когда-либо, и никому, кроме служившего всю жизнь солдата, не удалось бы достичь при ней хотя бы малейшего успеха»⁵³. Если первая фаза развития ручного огнестрельного оружия и его боевого значения вызвала появление стрелка-специалиста, то дальнейший его ход требовал уже иных форм военной организации.

Распространение и усовершенствование ружья делает его оружием не только стрельца, но и всех видов ратных людей. В сообщениях о вооружении дворян, относящихся к XVI или началу XVII века, наряду с саблей постоянно фигурирует лук. Характерно противопоставление оружия пищальников и дворян в летописном рассказе об их столкновении в 1516 г. Во второй половине XVII века картина не та: огнестрельным оружием, т. е. главным образом кремневым мушкетом, вооружен и городской казак, и сын боярский⁵⁴. Думается, что в этом заключалась одна из причин развития конкурирующих со стрельцами войск иноземного строя, вербуемых главным образом из мелкого дворянства: при том же огнестрельном оружии их социальный состав был более благоприятен для господствующего класса. Но дальнейшее развитие пошло не по этому пути. Войска иноземного строя так же мало удовлетворяли новым военно-административным и тактическим требованиям, как и стрельцы. На смену и тем и другим шла армия, которая состояла из людей, взятых из народной массы, но в которой они были навсегда оторваны от родной почвы, поставлены под ежеминутное наблюдение дворянина-офицера. Стрелец, который мог торговать на рынке рядом со своим пятидесятником, а то и сотником, был от этого далек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen S. 250—251.

Брикс делает при этом ссылку на Висковатова и Беляева, сопровождая ее оговоркой: „Hierbei ist zu bemerken, daß sich von einer solchen Einteilung, wie in den neben bezeichneten Werken (т. е. у Беляева и Висковатова, С. М.) angegeben ist, in den Russischen Quellen jener Zeit, weder in den Vorschriften über Ausbildung noch in denen über Bewaffnung oder Verpflegung irgend etwas findet, was auf das Bestehen von Pikieren unter den Strelzen hindeutet“.

² «Москва в прошлом и настоящем», ст. «Войско в Москве в XVII в.», стр. 69.

³ «Исторические записки», кн. 4, 1938 г.

⁴ «Писцовые книги Моск. государства», т. II, стр. 1591.

⁵ «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 2, стр. 44.

⁶ См. «Ученые записки» кафедры истории СССР Моск. обл. педаг. ин-та, вып. I, мою статью «Начало стрелецкого войска».

⁷ ПСРЛ, т. VI, 310.

⁸ ПСРЛ, т. XIII, 298.

⁹ Чт. ОИДР, 1847 г., № 7.

¹⁰ Лишь некоторые из них содержат данные об оружии.

¹¹ Разр. книги, т. I, стр. 66.

¹² Там же, стр. 434.

¹³ Там же, стр. 507—619.

¹⁴ В этом документе даты нет, почему он и значится в описи Московского архива Министерства юстиции как «неизвестного года». Он вклеен в книгу, в которой встречаются дела с 7167 по 7206 г., но по именам голов можно дать указанную датировку.

¹⁵ Его в дальнейшем изложении не касаюсь, так как артиллерия стрелецких приказов обслуживалась не стрельцами, а пушкарями.

¹⁶ ЦГАДА, Разр. приказ, книги Белгородского стола, № 98.

¹⁷ Разр. приказ, столбцы Белгородского стола, № 738.

¹⁸ Там же, № 98.

¹⁹ Разр. книги, т. II, стр. 1314—1321.

²⁰ Рюстов, «История» пехоты», стр. 33—34.

²¹ Разр. книги, т. II, стр. 1168.

²² Тут фигурируют приказы: Гр. Титова, Сем. Грибоедова, Вас. Тяткина, Алекс. Карандеева, Матв. Вишнякова, Ник. Борисова Мещерякова, Дохтурова, Ст. Янова, но о некоторых из них почти ничего не сказано.

²³ Разр. приказ, разрядные вязки, № 8, дело № 25.

²⁴ Разр. приказ, дела разных городов, кн. № 15.

²⁵ Разр. приказ, разр. вязки, № 1, ч. I, дело № 105.

²⁶ Разр. приказ, дела разн. городов, кн. 5.

²⁷ Вор. Акты, т. II, стр. 170.

²⁸ Багалей, «Материалы по истории колонизации и быта», т. II, стр. 37.

²⁹ Доп. АИ, т. IX, стр. 227.

³⁰ Разр. приказ, столбцы Белгородского стола, № 959.

³¹ Доп. АИ, т. VIII, стр. 30.

³² Разр. приказ, столбцы Новгор. стола, №№ 305, 185, где наказы головам в В. Луках, Ржеве и Владимире разных лет.

³³ Бердышей на этих изображениях нет. Наиболее раннее упоминание о них, как оружии стрельцов, находим у Флетчера. В самом начале бердышей, повидимому, не было. Можно думать, что они появились под влиянием обнаружившейся на практике потребности в подкреплении стрельца холодным оружием и в качестве подпорки при стрельбе из пищали.

³⁴ «Историческое известие о странных чинах в России», § 44, «Стрельцы», в т. XX «Древней Российской Вивлиофики».

³⁵ Рейтенфельс, т. III, гл. 3, стр. 125. Он пытается дальше продолжать свое сравнение, но делает это довольно неудачно, подбирая не те черты: «Солдаты женятся, более, впрочем, по приказанию царя, нежели по своему собственному желанию и, будучи посланы в отдаленные и не населенные области не только несут там охранную службу, но и основывают там поселения (colonias) по образцу римских военных поселений». Что здесь речь идет о стрельцах, видно из того, что Рейтенфельс говорит дальше о втором роде войск — дворянской коннице и о третьем — обученных по западному образцу как конных, так и пеших воинах. См. также Коллинс, стр. 34.

³⁶ «Записки о России», стр. 309.

³⁷ В 1698—99 гг. во Владимире оставался всего один стрелец.

³⁸ Разр. приказ, дела разн. городов, № 12.

³⁹ Забелин, «Домашний быт русских царей», т. I, стр. 413.

⁴⁰ На рисунках записок Крекшина в руках у стрельцов видны большею частью протазаны или рогатины, реже колья и бердыши.

⁴¹ Весьма трудно провести границу между значением и временем употребления этих трех наименований ручного огнестрельного оружия.

⁴² Багалей, «Материалы по истории колонизации и быта», т. II, стр. 32.

⁴³ Яковлев, «Засечная черта», стр. 106.

⁴⁴ Разр. приказ, книга Денежного стола, № 87.

⁴⁵ См. стр. 22—23.

⁴⁶ АИ, т. IV, стр. 560.

⁴⁷ Доп. АИ, т. IX, стр. 90.

⁴⁸ Цит. по Дельбрюку, т. IV, стр. 39—40.

⁴⁹ АМГ, т. III, стр. 34.

⁵⁰ «Анти-Дюринг», М., 1933 г., стр. 119.

⁵¹ По данным разрядных книг.

⁵² «Опись городов», I Доп. к АИ, т. IX, стр. 219—314.

⁵³ «Пехота». Собр. соч. Маркова и Энгельса, т. I, стр. 482.

⁵⁴ См. многочисленные сметные списки городов в архиве Разр. приказа в ИГАДА.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА В 1760 г.

Труба — древнейший инструмент управления войсками в боях. Наиболее древними образцами труб считаются египетские, найденные в гробницах фараонов XVIII и XIX династий.

Известно их применение в войсках в древней Греции, в частности в сражениях Александра Македонского.

Трубы, как найденные в Египте, так и воспроизведенные на греческих и римских монетах и на колоннах Траяна и Марка Аврелия, — прямые, конусообразные. В средние века трубы, приглашавшие рыцарей на турнирах к бою, были уже с оборотами колен, с подвешенными под ними кусками цветных материй¹.

В древнерусских памятниках трубы в полках упоминаются неоднократно. Известен рассказ «Слова о полку Игореве» о начале похода:

«Трубы трубят в Новгороде,
В Путивле знамена стоят».

А Всеволод Игоревич, рекомендуя брату курян, отмечает, что они:

«Под трубою ратною повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Острием копья вскормлены».

В так называемой рукописи Манассии, хранящейся в Ватиканской библиотеке, помещены изображения конных воинов Святослава с длинными, прямыми трубами, с широким раструбом².

В ризнице псковского Печерского монастыря хранились жестяные двухколенные военные трубы времен Ливонской войны Ивана IV, близкие к типу так называемых фанфар.

Первое известное пожалование серебряных труб в качестве боевой награды в истории русской армии произошло в 1737 г., когда батальону нового лейб-гвардии Измайловского полка они были даны за отличие при штурме крепости Очаков. Кроме имени мастера, делавшего их, других надписей эти трубы не имели. Не было и особого регламента их хранения и выноса в строй при церемониях и парадах.

В 1760 г., во время Семилетней войны, ряд доблестных русских полков, участвовавших во взятии Берлина, был награжден серебряными трубами с особыми надписями. Обычно такого рода награды жаловались от имени и за счет государства. На этот раз это было сделано по распоряжению главнокомандующего фельдмаршала Салтыкова, который предоставил командирам частей употребить на изготовление серебряных труб часть отпущенной полкам контрибуции, взятой с города Берлина.

В царствование Екатерины II пожалование войсковых частей серебряными трубами не производилось. Напротив, во время войны с Наполеоном, особенно за Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы 1813—1814 гг., оно получило широкое применение, причем некоторым кавалерийским полкам трубы жаловались десятками (20—24 трубы), так что из серебряных труб составлялись полные оркестры. Вероятно в связи с этим появляются, помимо серебряных фанфар, трубы с большим числом колец. В то же время серебряные трубы за отличие стали называться георгиевскими, и знаки этого ордена стали изображаться на трубах с датировкой подвига и названием отличившейся части. Тогда же появилось различие труб по форме: более короткие — пехотного образца, и более длинные — кавалерийские.

В последний раз серебряные трубы жаловались за отличие при взятии форта Таку в 1900 г. и за отличие в боях при Мукдене в 1904 г.

Приводим полный перечень полков³, участвовавших во взятии Берлина в 1760 г. с указанием, какие из них и в каком количестве получили серебряные трубы:

1. Апшеронский пехотный полк	3 трубы
2. Артиллерийская батарея подполковника Глебова	Не получила
3. » » подполковника Лаврова	Не получила
4. » » полковника Маслова	Не получила
5. Архангелогородский драгунский полк	7 труб
6. Бутырский пехотный полк	Не получил
7. Владимирский пехотный полк	Не получил
8. Вологодский пехотный полк (переименованный в Астраханский гренадерский)	Не получил
9. Выборгский пехотный полк	2 трубы
10. Вятский пехотный полк (присоединенный к Суздальскому полку)	2 трубы
11. Военного Ордена кирасирский (он же драгунский) полк	4 трубы
12. Гренадерский 1-й (лейб-гренадерский и гвардии гренадерский) полк	2 трубы
13. Дьячкина казачий полк	Не получил
14. Екатеринославский гренадерский (3-й гренадерский в 1760 г.) полк	Не получил
15. Закавказский пехотный (164-й пехотный) полк	1 трубу
16. Казанский кирасирский (25-й драгунский) полк	Не получил
17. Кексгольмский пехотный (лейб-гвардии) полк	2 трубы
18. Киевский пехотный (5-й гренадерский) полк	2 трубы
19. Кирасирский его величества (Шарскосельский) полк	Не получил
20. Кирасирский ее величества (Гатчинский) полк	Не получил
21. Лифляндский пехотный (бывший Троицкий 97-й пехотный) полк	Не получил
22. Луковина 1-го казачий полк	Не получил
23. » 2-го » »	Не получил
24. Малороссийский гренадерский (4-й и 10-й гренадерский) полк	2 трубы
25. Молдавский гусарский полк	Не получил
26. Московский пехотный (2-й Московский, 65-й пехотный) полк	Не получил
27. Муромский пехотный (21-й пехотный) полк	2 трубы
28. Невский пехотный (1-й пехотный) полк	2 трубы
29. Новосербский гусарский (Хорватов) полк	Не получил
30. Попова донской казачий полк	Не получил
31. Рижский конно-гренадерский (11-й драгунский) полк	Не получил
32. Ростовский пехотный (2-й гренадерский) полк	Не получил
33. Рязанский конно-гренадерский полк	Не получил
34. Санкт-Петербургский конно-гренадерский (1-й уланский) полк	9 труб
35. Санкт-Петербургский пехотный (лейб-гвардии) полк	Не получил
36. Сербский гусарский полк	Не получил
37. Суздальский пехотный (от Вятского полка)	2 трубы
38. Таврический гренадерский (2-й гренадерский) полк	Не получил
39. Туроверова донской казачий полк	Не получил

Таким образом, всего было сделано 19 пехотных и 20 кавалерийских труб; их получили 13 полков или 34,2% участвовавших во взятии Берлина. Не получили труб 25 полков и батарея.

Трубы имеют следующие надписи:

1. Лейб-гвардии Кексгольмского полка (тогда пехотного) 2 трубы: «1760 г. 28 сентября в знак взятия Берлина, под преводательством генерал-поручика и кавалера Петра Ивановича Панина, в бытность полковника Ренненкамфа».
2. 13-го драгунского Военного Ордена полка (тогда кирасирского) 4 трубы: «В знак победы города Берлина 1760 года сентября 28 дня, подполковником Энгельгардом». На другой стороне: «Оная труба построена в 1761 г. генваря 1-го дня полковником фон Осттофом»⁴.
3. 1-го уланского Санкт-Петербургского полка (тогда гренадерского) 9 труб: «С-Петербургскому Карабинерскому полку, поспешностью и храбростью взятие г. Берлина сентября 28-го 1760 года»⁵.
4. 19-го драгунского Архангелогородского полка 7 труб: «Поспешностью и храбростью взятие г. Берлина сентября 28-го дня 1760 г. Арханг. драгунского полка П (олковника) Д (авыдова)».
5. 5-го гренадерского Киевского (тогда пехотного) полка 2 трубы: «В память атаки и вступления в город Берлин — Киевского пех. полка 1760 г. сентября 28 дня»⁶.
6. 21-го пехотного Муромского полка 2 трубы: «В знак победы г. Берлина 28-го сентября 1760 г.».
7. 10-го гренадерского Малороссийского (тогда 4-го гренадерского) полка 2 трубы: «Поспешностью и храбростью взятие г. Берлина сентября 28 дня 1760 года».
8. 1-го пехотного Невского полка 2 трубы: «Поспешностью и храбростью взятие г. Берлина сентября 28 дня 1760 года».
9. 81-го пехотного Апшеронского полка 2 трубы: «Поспешностью и храбростью взятие г. Берлина 1760 г.»
10. 164-го пехотного Закатальского (тогда батальона Апшеронского) полка 1 труба: «Поспешностью и храбростью взятие г. Берлина 1760 г.».
11. Лейб-гвардии гренадерского (тогда 1-го гренадерского) полка 2 трубы: «За взятие города Берлина 28 сентября 1760 г.».
12. 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса Суворова (тогда Вятского пехотного) полка 2 трубы; «За взятие города Берлина 28 сентября 1760 г.».
13. 85-го пехотного Выборского (впоследствии, до 1914 г. императора Вильгельма II) полка 2 трубы: «За взятие г. Берлина в 1760 г.».

Полки, получив контрибуционные деньги, заказывали трубы в Дрездене, в Данциге и в Кенигсберге, главном городе Восточной Пруссии, находившемся с 1758 г. под управлением русского генерал-губернатора.

Каковы причины неполучения серебряных труб некоторыми полками, участвовавшими во взятии Берлина? Одной из причин, вероятно, была поздняя высылка и даже невысылка в полки причитающихся им по расчету контрибуционных денег от Тотлебена, арестованного в 1761 г. Другой причиной мог быть поворот в политике вступившего в то время на престол Петра III, отдавшего все завоевания русской армии обратно Фридриху. В частности, известно, что не получили труб Кирасирский полк, шефом которого был сам Петр III, и 2-й Московский — один из наиболее боевых, отличившихся полков, шефство над которым Петр III предложил Фридриху II.

Части полевой артиллерии, громившей Берлин и его стены, как образованные только для этой экспедиции и вернувшиеся в состав своих основных дивизий или в артиллерию армии, казачьи полки и гусары, как части иррегулярные, возможно, не получили труб по этим причинам или по халатности их командиров. Наконец, возможно предположить скрытый саботаж со стороны некоторых полковых командиров-немцев. В этом отношении характерна затяжка с «построением» труб в лейб-гвардии Кексгольмском полку, где был командиром полковник Ренненкамф. Вот что писал командир 2-й дивизии генерал Румянцев в ордере Ренненкампу 30 декабря 1761 г. «На рапорт вашего высокоблагородия в резолюцию полагаю: касательно до командирования от полку Кексгольмского для разных покупок и построения серебряных труб обер-офицера в Гданск, то имеете ваше высокоблагородье в силе сего декабря 25 дня от меня приказа исполнение чинить, рассмотря оный без переписки».

Как явствует из этого документа, дело тянул командир полка почти полтора года ⁷.

В настоящее время в Государственном Историческом музее хранятся 9 серебряных труб, пожалованных за взятие Берлина. Они были переданы сюда из Военно-Исторического музея. Из них семь—Санкт-Петербургского конно-гренадерского полка и две (как будет показано ниже) — 13-го драгунского Военного Ордена полка, который в 1760 г. был 3-м кирасирским.

Общий вид серебряных труб за взятие Берлина показан на прилагаемых снимках (Рис. 1,2).

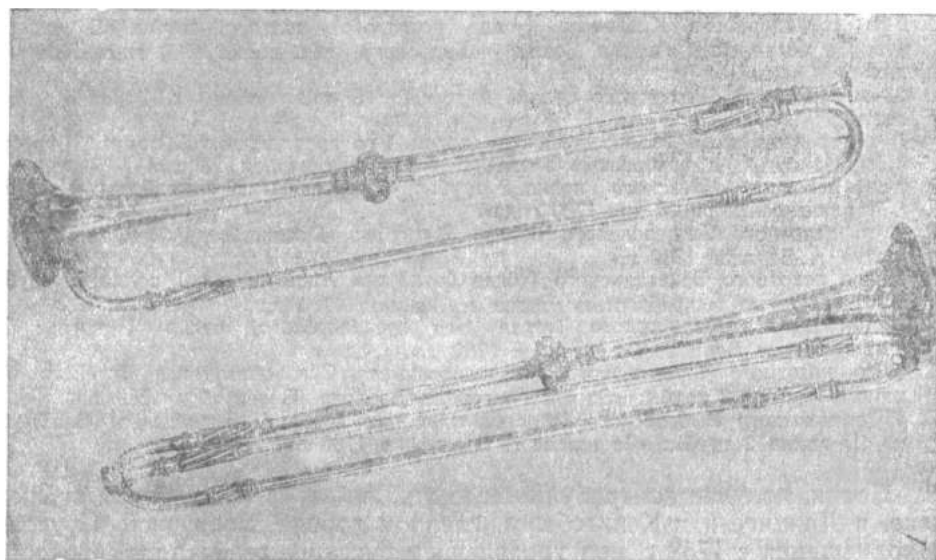

Рис. 1. Серебряные трубы за взятие Берлина.

Эти трубы, имеющие одинаковую форму, различаются по своей длине (от 71,5 до 78 см) и по весу (от 770 до 942 гр).

Рассмотрим более подробно одну из труб Санкт-Петербургского полка и трубы полка Военного Ордена.

Первая труба—фанфара серебряная⁸, длиной 72 см, весом 892, 8 гр, местами золоченая, с чеканными частями и муфтой. На наружной стороне золоченого чеканного раструба в картушах надписи: в первом — «Санкт», во втором — «Петербургского», в третьем — «Карабинерного», в четвертом — «Полку». Картуши разделяются рельефными изображениями погрудных фигур воинов римского типа, в кирасах и касках с перьями, с застегнутыми подбородочными чешуями. Воины обращены лицом друг к другу. По краю раструба над третьей надписью вырезана подпись мастера: «99. Lentholdt fecit Dresden». (Лентхольд делал, Дрезден). Ниже под той же подписью изображение большой императорской короны, под которой выгравировано: «Поспешностью и храбростью». Еще ниже в лавровом венке в четыре строчки: «Взятие города Берлина /сентября 28/ 1760 года.»

Под надписью в четвертом картуше, с противоположной стороны, выше приведенной надписи, выгравирован греб Российской империи — двуглавый орел, на груди которого помещен герб города Санкт-Петер-

бурга (два якоря под короной), присвоенный полку этого имени; еще ниже выгравирован орнамент, состоящий из военных атрибутов — двух штандартов, двух пистолетов, двух ружей, двух труб и двух литавр. Орнамент подразделен стилизованным копьем, под острием которого поперечные накладки клинообразной формы. Здесь же даны клейма. На щитке одного под короной две сабли, поверх которых цифра «13», а на втором простом картуше надпись: «С. G INGER MANN». Это, вероятно, клейма контрольно-фискальных лиц или учреждений.

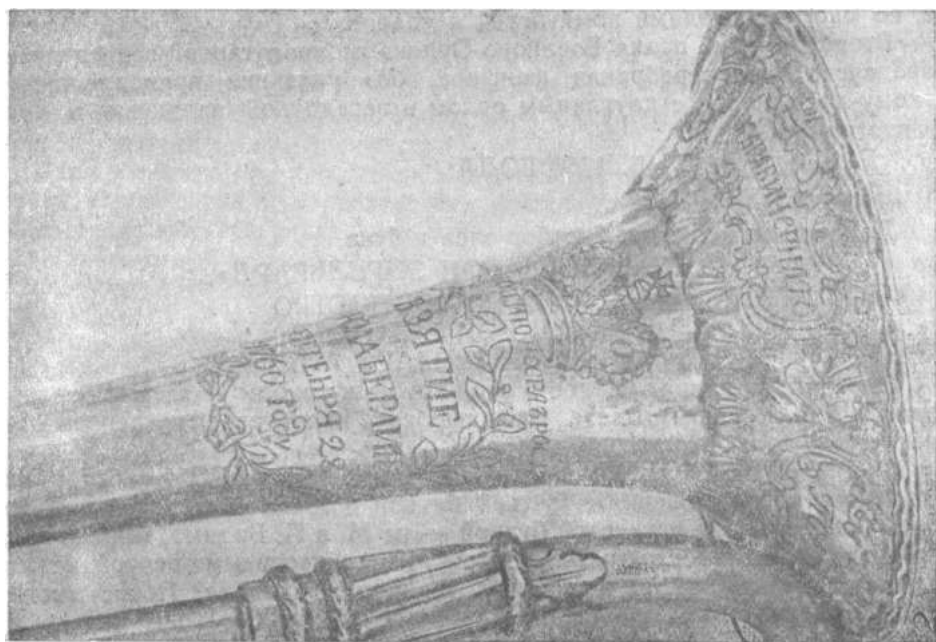

Рис. 2. Деталь одной из труб.

В общем данная труба, как и другие трубы этого полка, квартировавшего в г. Ржеве, находится в хорошей сохранности, несмотря на употребление в течение свыше 150 лет.

Трубы Санкт-Петербургского полка с изящными картушами, бюстами воинов, общим и военным орнаментом и четкой гравировкой надписей, грамматически правильных, выгодно отличаются от труб, принадлежавших драгунскому полку Военного Ордена, исполненных в Данциге.

Оставшиеся в числе двух эти последние трубы различны по своим надписям⁹. На первой, длиной 78,5 см и весом 897,1 гр, на раструбе выгравирован государственный двуглавый орел с андреевским (косым) крестом, а по сторонам между трилистниками расположены надписи.

Первая:

«В ЗНАК ПОБЕДЫ ГОРОДА БЕРЛИНА. 1760 год. СЕНТЕРА 28 ДНА. ПОДПОЛКОВНИКОМ ФОН ЭНГЕЛЬГАРД».

Вторая:

«ОНАЯ ТРУПА ПОСТРОЕНА ПОЛКОВНИКО
ФОН ОСТЬ ГОФОМ
761 ГОДУ ТЕНВАРА 1 ДНА».

Можно заметить, что надписи оделаны крайне небрежно, с выносом почему-то отдельных букв между строчек, с ошибками, описками (вместо дня — «дна», «трупа» — вместо труба, «сетера» — вместо сентября,

«генвара» — вместо генваря, употребление в начале второй надписи вместо простого О — греческой омеги).

Указания на принадлежность трубы 3-му Кирасирскому полку нет, что, однако, можно установить по списку командиров этого полка. Зато указаны командиры полка, сменившие друг друга, причем вся заслуга второго заключалась лишь в «построении» трубы с надписями, полными небрежностей и грамматических ошибок. Можно думать, что сам командир, заказывавший надпись, плохо владел русским языком. Труба эта значительно худшей сохранности, чем трубы Санкт-Петербургского полка, со многими следами помятостей и ударов.

Вторая из труб полка Военного Ордена по инвентарной записи музея определена как серебряная фанфара, без указания принадлежности какому-либо полку, с двуглавым орлом и загадочной надписью в виде криптограммы:

«В. З. М. Г. Б. 1760 ГОДА:

СЕНТЯБРЯ 28».

Далее идет небрежный набор слов и букв:

«ПОЛ МОЛОКО ФОН ЭНГЕЛЬГАРД»,

и далее: «ОНАА ТРУБ ПОСТРО

ПОЛКОВ ФОН ЪСТОБОНЬ

1761 ГОЛУ ТЕНВАРЯ АНЯ».

Определить принадлежность этой трубы к трубам за взятие Берлина возможно было лишь по дате. Расшифровать криптограмму первой надписи можно только с помощью второй.

Так, в «ПОЛ МОЛКО» перед «ФОН ЭНГЕЛЬГАРД» следует видеть слово «подполковник», третьей буквой должно быть Д, вместо которой написано Л, а четвертой буквой — не М, а П. Видимо, тоже П должно было стоять вместо третьей буквы М в криптограмме первой надписи, но почему эта замена произошла, и в чем тут ошибка? После многих предположений, нам пришла мысль, что при отпращивании заказа на изготовление трубы была составлена записка для гравированной надписи, где буква П была написана небрежно: верхняя черточка вместо прямой, оказалась слегка искривленной вниз, что подало повод иностранному мастеру, несколько знакомому со славянским алфавитом, принять эту букву за М. Подставив в буквы криптограммы вместо М—П, получим возможность такой расшифровки всей фразы: «В знак победы города Берлина», что соответствует надписи на первой трубе. Точно так же и вторая надпись, очевидно, должна повторять надпись на первой трубе. Опять надо читать про двух командиров фон-Энгельгарда и фон-Остгофа. Замену буквы Я — буквой А и буквы Д — буквой А, вероятно, следует опять объяснить слабым знакомством данцигского мастера с русским алфавитом и небрежным составлением сопроводительной записки. Все это приходится поставить в вину, по нашему мнению, второму командиру фон-Остгофу, не пожелавшему серьезнее отнестись к боевой награде полка, втайне, быть может, сочувствовавшему Фридриху II и Тотлебену.

Заметим, что никакого замечания о «поспешности и храбрости» русских частей при взятии Берлина на трубах полка Военного Ордена совершенно нет. Зато в то время, как на рассмотренных выше трубах Санкт-Петербургского карабинерного полка нет упоминания о командире его (это был полковник Измайлов), а на трубах Архангелогородского драгунского полка имя командира скромно скрыто под литерами П. Д. (полковник Давыдов), на трубах полка Военного Ордена полностью приведены обе немецкие фамилии командиров с вынесенной

под строчкой частицей, отмечающей принадлежность к прусско-немецкому дворянству («ФОН»), написанной через букву Ф (фита).

Это же выставление фамилии командира следует отметить и на трубах Кексгольмского полка, коим в 1760 г. командовал полковник Ренненкамф, тянувший, как мы видели, переписку об изготовлении труб свыше года и призванный к исполнению приказа самим Румянцевым.

С серебряными трубами за Берлин в течение 150 с лишним лет нахождения их в частях произошло несколько небезинтересных событий. Так, в царствование Павла I один из полковых командиров, фон-Ховен (опять немецкая фамилия), учитывая большую склонность Павла к пруссакам, решил упразднить трубы за Берлин и продал их. Однако Павел, узнав об этом, приказал восстановить трубы за счет командира и уволил затем его от службы. При Николае I командир другого полка решил перелить полковые трубы за Берлин на церковные вещи. Снова было приказано восстановить трубы и на будущее время подтверждено почитать их регалиями.

Нам кажется, что необычная медлительность в изготовлении боевых наград, зашифровка слов «взятие Берлина», недовысылка в 1760—1761 гг. денег в казачьи, гусарские и некоторые пехотные полки, переливка и даже продажа впоследствии этих боевых труб на сторону в частях войск, командиры которых носили не русские, а чисто немецкие фамилии — все это не является простой случайностью.

Еще один эпизод из истории этой трубы относится к концу XIX в. Когда последний германский император Вильгельм II приехал для отдачи визита Александру III, то ему, без особой проверки, был назначен в шефство Выборгский пехотный полк, получивший в свое время трубы за взятие Берлина. На параде, после Нарвских маневров, куда был вызван этот полк, Вильгельм, увидев большие серебряные трубы, спросил, за какие отличия полк получил их. «За взятие Берлина» — ответили ему. Как рассказывают, Вильгельм произнес в ответ: «Ну, это было давно, впредь не будет».

Он оказался плохим пророком. Советская Армия вновь водрузила знамя победы над Берлином.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wendelin Boeheim. Das Waffenwesen, Leipzig, 1890, S. 514, P. 606.

² Чертков. «Описание войн вел. князя Святослава Игоревича», М., 1843 г., прилож., рис. 6.

³ Список составлен по боевым хроникам и историям полков и дополнительно выверен по трудам Б. Адамовича, А. Григоровича, Г. Габаева и Н. Волынского.

⁴ На полученные 400 талеров. См. А. Григорович, «История полка Военного Ордена», т. I, стр. 190.

⁵ При полковнике Измайлове.

⁶ За счет полученных 9288 талеров. См. «История 5-го Гренадерского полка», стр. 59.

⁷ «История лейб-гвардии Кексгольмского полка».

⁸ ГИМ, № 6701.

⁹ ГИМ, №№ 6708 и 6706.

КУТУЗОВ И РУССКАЯ АРМИЯ В 1812 ГОДУ *

Высокий пост главнокомандующего русской армией Кутузов занял в критические дни августа 1812 года.

Большой полководческий опыт подсказывал ему, что исход кампании должны решить свежие и вполне сформированные силы. Армия, совершившая длительный отход под натиском противника, не могла не расстроиться и к предстоящему крупному сражению должна была получить подкрепления.

В день отъезда из Петербурга 23 (11) августа Кутузов послал в военное министерство запрос о состоянии резервов¹. Ответ был неудовлетворительный. Истинное положение выяснилось для Кутузова постепенно уже в ходе военных действий. Как на надежный боевой резерв вначале ему указывали на корпус Милорадовича, формировавшийся в районе Калуги. В соответствии с этим еще с дороги Кутузов послал письмо Милорадовичу, в котором возлагал на его отряд ответственную задачу — быть «вторичной стеной» на подступах к Москве. Он писал: «найдет враг наш другие преграды на дороге к Москве, когда бы паче чаяния силы 1-й и 2-й западных армий недостаточны были ему противостоять, чтобы могли сии армии при надобности удачно опираться на вас и вами пользоваться»².

29 (17) августа у Гжатска Кутузов встретился с прибывшим туда в то же время отрядом Милорадовича и должен был убедиться, что этот отряд далеко не мог оправдать большой надежды, которая на него возлагалась. Пятнадцатитысячный с лишним отряд состоял в большей своей части из слабо обученных рекрут. Он не мог быть самостоятельной частью и послужил лишь для пополнения уже имеющихся полков, причем основные кадры отряда были отправлены обратно для вторичного набора.

Печальное состояние самого близкого и, казалось бы, наиболее надежного подкрепления затемняло Кутузову виды на предстоящее решительное сражение. Приходилось обращаться к более далеким резервам. Военный министр уверял Кутузова, что резервные полки, формировавшиеся в разных местах Замосковья под присмотром Д. И. Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля, «пришли уже в некоторую зрелость и вооружены». Им дается предписание по два полка прислать в армию, а остальные сосредоточить в Москве³. Повидимому, опытный Кутузов теперь уже не разделял оптимистического взгляда военного министра. Он не посылал вторичных вызовов Лобанову-Ростовскому, кото-

* Доклад, прочитанный на заседании ученого совета Государственного Исторического музея, посвященном 200-летию со дня рождения Кутузова.

рый так и не мог довести свои «еле существующие войска» до Москвы. Положение осложнялось и тем, что Александр I просил, по возможности, не привлекать в армию эти еще не окрепшие резервы, предлагая использовать так называемую «московскую силу». Сложный характер документов Кутузова, которыми мы располагаем, крайне затрудняет разрешение вопроса о том, когда Кутузов осознал необходимость временной сдачи Москвы. Очевидно, надежда на сохранение Москвы оставалась у него до самых последних дней августа, но и переход армий на Калужскую дорогу после сдачи Москвы представлялся ему реальной возможностью еще в предбородинские дни.

Исходя из заверений Московского главнокомандующего, Кутузов пишет Чичагову о том, что главная задача армии—спасти Москву, и объясняет Тормасову свой отход к Можайску желанием соединиться с подкреплениями. Он демонстративно прекращает за два дня до Шевардинского боя эвакуацию жителей Можайска, утверждая, что враг не подойдет к их городу. Но все же громкие фразы Ростопчина не влияли на Кутузова в те моменты, когда не на словах, а на деле решалась участь государства и армии. В генеральном сражении 26 августа несравненный полководческий талант Кутузова подсказал ему такое расположение своих войск на Бородинском поле, которое позволило за целый день ожесточенного боя не ощущать острого недостатка в свежих силах. Судя по документам, Кутузов не терял надежды завершить разгром противника еще на подступах к Москве, но этого уже нельзя было достигнуть без свежих подкреплений. До 29 августа в армию влилось немного менее, чем 15 тысяч ратников Московского ополчения, но лишь четыре с половиной тысячи из них имели ружья, остальные 10 тысяч были вооружены только пиками⁴.

Уже совсем на подступах к Москве, 11 сентября (30 августа), Кутузов отправил письмо Ростопчину, которое свидетельствует о том, насколько тяжело для него было принять свое историческое решение на военном совете в Филях. Ради защиты Москвы русский полководец был готов дойти до последней степени риска. «Войска мои,—писал Кутузов,—несмотря на кровопролитное бывшее 26-го числа сражение, остались в таком почтенном числе, что не только в силах противиться неприятелю, но даже иметь и поверхность над ним». Но главная армия уже не могла отделить достаточно сил для отражения обходного маневра противника. Корпус Нея численностью в 20 тысяч человек шел на Москву через Рузу и ему противостоял всего лишь 2½-тысячный отряд Винценгероде. Кутузов своим письмом старался побудить Ростопчина с его «московской силой» на предотвращение обхода русской армии: «между тем неприятельский корпус, находящийся ныне на Звенигородской дороге, неужели не найдет гроб свой от дружины Московской, когда бы осмелился он посягнуть на московскую столицу?»⁵. Ответа на это письмо, повидимому, не было, и Кутузов, не давая нового боя и пройдя через Москву, выступил на Рязанскую дорогу.

Мы напомнили эти известные факты для того, чтобы отчетливее представить, насколько сложными были для великого полководца первые дни командования объединенной армией. Это необходимо сделать потому, что в общераспространенной исторической литературе обычно скрадываются действительные размеры кризиса августовских дней Двенадцатого года.

Представление о Кутузове, как только о продолжателе дела Барклая де Толли, значительно обесценивает его истинные заслуги перед страной и народом.

В рапорте из села Жилина от 16 (4) сентября Кутузов дал отчет о всем совершившемся, начиная с Бородинского сражения. В заключительных словах рапорта он указал, что сдача Москвы и другие события «нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»⁴. Эта очень значительная фраза вызвала большой отклик у современников. Она послужила предметом разбора многих позднейших исследователей. Однако, в значительной мере потому, что царская цензура сделала известной обществу лишь первую часть, полностью же рапорт был опубликован в сравнительно недавнее время, обсуждение слов Кутузова было недостаточным глубоким. Оно пошло по линии сравнения достоинств позиций под Смоленском, Царевым Займищем и Бородиным. Но сила кутузовских слов кроется в сочетании двух указанных в них моментов: допущения противника вглубь страны и полного расстройтва армии.

Думается, что под последним подразумевается не столько истощение армии, что было естественно в результате длительного отхода под натиском противника, а полный разлад способов ее пополнения, отсутствие подготовленных резервов, с чем так остро пришлось столкнуться Кутузову в предшествующие дни.

В этих словах надо видеть не указание на упущение благоприятных в тактическом отношении возможностей, а осуждение всей стратегической обстановки, в которой приходилось действовать Кутузову, обстановки, сложившейся не случайно, а в результате порочной системы, которой руководились его предшественники.

Как известно, начало XIX века было отмечено широкими реформами в деле организации армии, которые охватили все ее существенные стороны, начиная от высшего военного управления и кончая мелкими строевыми подразделениями. Эти нововведения, несомненно, явились важным фактором в ходе Отечественной войны 1812 года.

Реформаторская деятельность, которой были отмечены министерства Вязмитинова (1802—1808), Аракчеева (1808—1810) и Барклая де Толли (1810—1812) проходила по гораздо более сложному и извилистому пути, чем это излагается в тех кратких обзорах устройства армии, которыми обычно снабжаются общие обзоры событий Отечественной войны. В частности, если присмотреться к некоторым существенным подробностям устройства строевой части русской армии, то легко можно убедиться в том, что преобразующая деятельность военного управления шла далеко не по прямой линии, что она носила на себе следы борьбы противостоящих точек зрения, порожденных сложной экономической и политической обстановкой, которой была отмечена жизнь России начала XIX века, причем законодательная мысль не только отклонялась в сторону, но иногда возвращалась обратно и радикально изменяла то, что было только что установлено.

Такими колебаниями было отмечено, например, важнейшее мероприятие по строевой части — введение высших тактических единиц: дивизий и корпусов. Объединение в одну строевую единицу всех родов оружия, достигнутое в результате образования дивизий в 1806 г. (которые, впрочем, тогда еще не имели вполне строевого значения), упроченное последующими мерами, было нарушено вместе с введением корпусной организации, когда кавалерия была выделена из состава дивизий и были организованы особые кавалерийские дивизии и корпуса. Перед войной 1812 года это разделение вновь было нарушено, когда отдельные кавалерийские части были приданы пехотным корпусам и вновь фактически были образованы смешанные соединения, хотя формальное расписание армии и не было соответствующим образом изменено.

Рис. 1. Портрет фельдмаршала М. И. Кутузова (гуашь) работы худ. А. Орловского.
(Гос. Исторический музей).

Рис. 2. Генерал А. С. Кологрибов.
(Гравюра с портрета работы худ. Сандерса).

Рис. 3. Князь Д. И. Лобанов-Ростовский.
(Литография Гоппиуса, 1822 г.).

Еще более сложными и внутренне противоречивыми были искания в области комплектования армии. Необходимость значительного увеличения армии была очевидна для военного руководства, но опыт войн 1805—1807 гг. также заставлял серьезно задуматься и над вопросом о повышении качества строевой и тактической подготовки ее личного состава. Заботы на этот счет выразились прежде всего в издании относительно большого количества всякого рода военных руководств и пособий, охватывающих не только вопросы общей тактики, но и говорящих непо-

Рис. 4. Миниатюрный портрет фельдмаршала М. И. Кутузова.
(Гос. Исторический музей).

средственно о воспитании и обучении рядовых солдат, как, например, «Краткое наставление о солдатском ружье» (1809), «Школа рекрут или солдат» (1809), вошедшая потом в «Воинский устав о пехотной службе» (1811) и др.⁷ Но выпуском литературы нельзя было ограничиться, надо было предоставить практические возможности для прохождения рекрутами школы не в переносном, а в буквальном смысле. И такие школы были созданы в 1808 г. в виде рекрутских депо.

Рекруты 78-го набора частично были использованы для строевых дивизий, а значительная их часть была употреблена для вновь образованного «запасного войска» в виде 24 рекрутских депо. Положение о них точно определило цели, которые преследовались при создании «запасного войска». «Рекруты 9 месяцев или больше, но не меньше осьми, судя по тому, как дойдут до депо, оставаться будут в оных при отправлении легкой службы, а после разойдутся по полкам, зная главные правила военной службы и имея уже навык к жизни солдатской»⁸.

Намерение организовать обучающееся запасное войско являлось несомненным большим достижением в деле комплектования армии. Для уяснения последующей судьбы этого мероприятия необходимо несколько остановиться на вопросе о взаимоотношениях между строевыми частями и запасными рекрутскими депо. Будучи территориально отделенными от укомплектованных дивизий, депо тем не менее сохраняли с ними организационную связь. Они были расписаны по дивизиям, которые для обучения рекрут выделяли 6 обер-офицеров, 24 унтер-офицера и 240 рядовых. Депо вскоре были переведены на положение четвертых батальонов полков. Существование запасного войска по идее не должно было прекращаться и в военное время, а служить резервом, откуда действующие армейские части получали бы пополнение убывающего людского состава. Так между армией и питающей ее народной массой было установлено посредствующее звено, находящееся в тесном контакте и под непосредственным воздействием строевых частей. В 1810 г. армия получила пополнение из рекрутских депо по вновь установленному порядку, но во время министерства Барклая де Толли был принят иной порядок комплектования армии.

«Находя себя в необходимости готовиться к войне, успели мы в продолжении 1810 и 1811 годов усилить почти вдвое армию» — писал в своем оправдательном отчете Барклай де Толли 27 (15) декабря 1812 г.: Действительно, военное руководство в короткий срок сумело значительно увеличить ряды русской армии, но это было достигнуто дорогой ценой.

Перспектива предстоящей большой войны, в которой национальной самостоятельности России угрожало сильное государство, обладавшее невиданной по размеру армией, ставила перед новым военным министром огромные и трудные задачи. Способы для значительного увеличения количественного состава русской армии были очень ограниченными. Собственниками большого количества податного населения были дворяне. Изъятие крестьян из крепостных вотчин в повышенном против установившейся нормы размере встречалось правящим сословием с враждебностью. Противоречие между общегосударственными потребностями и принципом частного обладания крепостными «душами» давало знать о себе с необычайной силой.

Характерно, что протесты со стороны дворянства вызывала даже такая мера, как введение запасного войска, означавшая расширение контингента армии за пределы норм, установившихся в долговременной практике рекрутской системы, так как состав рекрутских депо набирался сверх комплекта; к тому же увеличение численности армии влекло за собой не только повышенные поборы людьми, но и требовало соответствующего увеличения материальных ресурсов. Будет ли обладать правительство достаточным авторитетом, чтобы дворянство безропотно продолжало восполнять во все увеличивающихся масштабах военные силы государства, в этом правительство не вполне было уверено, о чем свидетельствует, например, признание самого Александра I, сделанное им в разговоре со шведским государственным деятелем Эрнстремом. «Необходимый набор рекрут постоянно вызывал ропот и неудовольствие со стороны владельцев этих людей (т. е. крепостных крестьян). Когда исход войны не был благоприятен для государства, то подымались клики против правительства, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и т. д. Вследствие чрезвычайной отдаленности театра военных действий людям праздным, пустым и болтунам предоставлялась хорошая пища для всевозможных измышлений, так как даже наиболее прискорбные события войны, кото-

рой они мало интересовались, затрагивали их только косвенно». Высказанная здесь царем неуверенность в отношении позиции дворянства и своем авторитете среди правящего сословия заставляла искать каких-то новых, необычных путей в подготовке к предстоящему испытанию.

«Теперь нужно было убедить народ, — продолжал дальше Александр I (подразумеваемая под «народом» в первую очередь дворянство), — что правительство не ищет войны, что оно вооружалось только на защиту государства. Надобно было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским по прошествии ста лет впервые вблизи, у них на родине. Это было единственным средством сделать ее народной и сплотить общество вокруг правительства для общей защиты, по его собственному убеждению и по собственной его воле»¹⁰.

Высказанная здесь царем неуверенность в поддержке дворянством общегосударственного дела в случае, если военные действия непосредственно не коснутся принадлежащих им земель, дополнялась соображениями другого порядка.

Среди передовых руководящих кругов в России и за границей в начале XIX века было широко распространено недоверие к армии в ее традиционной форме, как к эффективному средству борьбы с наполеоновской Францией. Военный министр Барклай де Толли еще в 1810 г. в письме к Румянцеву высказал свое отрицательное отношение к армейским кадрам: «Вместо сильных и мужественных войск полки наши составлены большей частью из солдат неопытных и к тягостям войны непривыкших. Продолжительная нынешняя война затмевает в них наследственные героические добродетели. Дух национальный от бремени усиленной и бесполезной войны, как и силы физики, начинает ослабевать»¹¹. Недооценка армейских кадров питалась впечатлениями от неудачных войн 1805—1807 гг., под которыми находились руководящие военные круги России в период подготовки к новому решительному столкновению. Остро чувствовалась необходимость решительных преобразований, которые бы позволили укрепить военную мощь России в условиях сложной экономической и политической обстановки.

Опыт войн начала XIX века подсказывал, в каком направлении нужно было искать разрешение этой задачи. Одновременно с фактами, свидетельствовавшими о бессилии армий, построенных по прусскому образцу, приходили сведения о явлении иного порядка. Успехи народной войны в Испании, непреодолимое упорство гверильясов указывало пути наиболее эффективной борьбы с наполеоновской агрессией.

Во многих записках и предположениях, в современной публицистике и даже в высказываниях самого царя часто можно найти ссылки на пример Испании. Идея народной войны, как единственно эффективной формы сопротивления наполеоновской агрессии, получила перед войной 1812 года необычайно широкое распространение, на ней сходились самые различные круги русской общественности.

Ополченец князь Д. Шаховской кратко и точно обозначил господствующее мнение: «Наполеоново торжество продолжится, пока он будет иметь дело с армиями, а не народом»¹². Это общераспространенное настроение разделял, по крайней мере на словах, и Александр I и его окружение. Официальные документы, исходившие от царя, приобретали характер патриотических воззваний. Они, и такие мероприятия правительства, как призыв, обращенный к дворянам, способствовать рекрутскому набору и созыв ополчения отвечали настроением даже наиболее активных и критически настроенных элементов. «Император Александр многое обещал нам, он, можно сказать, исполински двинул умы

народа к священным правам, принадлежащим человечеству» — писал впоследствии из Петропавловской крепости декабрист Каховский.

Однако в своих «новаторствах» царь, по существу дела, руководился чисто реакционными задачами. Обращение к общественной инициативе было лишь проявлением тех новых форм, в которые облекались консервативные идеи после революционных потрясений конца XVIII века.

Реакция начала XIX века оформлялась по-иному, чем во время еще не нарушенного революцией феодально-абсолютистского строя. Для собственного укрепления она намеревалась подчинить себе возросшую общественную активность. Уступая духу времени, самодержавие обращалось в «обществу», «народу», вкладывая в эти понятия своеобразные реакционно-романтические идеи: народ, воодушевленный патриотизмом, идет на защиту своего «богоданного» монарха, он целиком вручает свою судьбу дворянам, сам же остается вполне пассивным исполнителем их воли, он не мыслит себе иных форм гражданского быта, как в рамках классической феодально-сословной системы.

Таковы были те общие предпосылки, из которых выросли конкретные планы обороны России. Они могли быть при этом построены в двух вариантах. С одной стороны, признавалось возможным пресечь вторжение Наполеона решительными действиями русских армий, главным образом маневренным порядком, причем эти действия должны были быть быстрыми, так как даже Барклай де Толли, как мы видели, сомневался в устойчивости «национального духа» кадровой русской армии. С другой стороны, видели выход в более рискованной системе действий: в допущении противника в глубинные области России, чтобы вызвать там своеобразно понимаемое, возглавляемое дворянством, народно-патриотическое движение. Как видно из разнообразных документов, перед войной 1812 года и в первый ее период русское командование одновременно придерживалось обоих этих вариантов, причем возможность перехода к «народной» войне во внутренних областях России понималось как дополнительное обеспечение обороны в случае, если попытки пресечения агрессии у западных государственных границ не приведут к успеху.

Вначале, как видно, намеревались произвести немедленные активные действия, как только обнаружатся агрессивные действия противника. Согласно утвержденной Александром I записке 1810 г. о системе обороны страны, в случае наступления Наполеона по ожидаемому направлению, русская Северная армия должна была войти в Восточную Пруссию, чтобы действовать во фланг и тыл противника, а Южная армия сдерживать его наступление в укрепленном лагере близ Житомира¹³. По так называемому плану Фуля предполагалось допущение противника на нашу территорию, но не далее линии Западной Двины, после чего в результате самостоятельных действий обеих западных армий он должен был потерпеть поражение. Согласно этому плану и были сделаны все приготовления в армии: укреплены старые и заложены новые крепости, размещены склады продовольствия и оружия, учреждены госпитали и т. д. Позднее, когда уже в ходе войны выяснилась необходимость глубокого отхода, эти подготовительные мероприятия оказались не в соответствии с новым образом действий.

Ведя подготовку обороны по двум разнохарактерным планам, военное командование накануне 1812 года соответствующим образом делило между ними наличные и предполагавшиеся вооруженные силы. Регулярная армия предназначалась для быстрых и решительных действий в некотором отдалении от западных границ России. Эти действия могли быть тем более решительными и смелыми, что в последующем они, в

случае их неудачи, должны были быть дополнены длительной «народной» войной, ведущейся главным образом новыми, не армейскими силами. С точки зрения этой второй системы обороны действия армии могли рассматриваться только как действия выдвинутого вперед авангарда перед основными силами, которые должны были быть созданы совершенно заново на особых основаниях. И действительно, мы видим, что конкретные мероприятия министерства Барклая перед войной 1812 года в отношении подготовки вооруженных сил России проходили в соответствии с этими соображениями.

Созданные в недавнее время рекрутские депо, которые должны были пополнять основные кадры армии не только в мирное время, но и в период военных действий, ликвидируются. Депо осенью 1811 и весной 1812 года были преобразованы в строевые части. Не только была уничтожена «школа рекрут», но и весь внеочередной 82-й рекрутский набор, объявленный 4 апреля (23 марта) 1812 года, уже идет не на пополнение основных армейских кадров.

Таким образом, военное министерство Барклая само разрушало налаженные источники пополнения армии и тем самым как бы изолировало армию от питающей ее народной массы.

Зато теперь большим вниманием правительства пользуются внутренние гарнизонные части. Эти, прежде наиболее «застойные» подразделения, получают новую организацию, для них издается ряд важных постановлений. Значительная часть прежнего состава гарнизонных войск ушла в армию, оставшиеся же полубатальоны и батальоны получают новое большое пополнение. При них были созданы депо 1-й линии, которые, в отличие от депо 1-й линии, уже не имели прямой связи со строевыми частями. В отличие от армии, гарнизонные соединения теперь официально называются «внутренней стражей»; они готовились к тому, чтобы принять в себя значительную часть чрезвычайного 82-го набора.

Уже из этих мероприятий правительства видно, что перед войной 1812 года в лице «внутренней стражи» оно подготовляло ядро особой вооруженной силы, которая должна была явиться, как бы неожиданно, в случае глубокого вторжения противника. В действительности же эта «неожиданность» была преднамеренной, она была обусловлена особенностями характера той «необыкновенной» «народной» войны, в особом официальном понимании этого термина, которую рассматривали как второе и наиболее надежное обеспечение обороны. Еще более явственно об этом свидетельствуют некоторые особенности созыва 82-го набора.

Специальное архивное дело о рекрутском наборе 1811 г. включает в себя особые записки, обосновывающие новые принципы комплектования. Одна из них носит название: «О наборе вольных полков». Автор, учитывая особенности предстоящего столкновения с армией буржуазной Франции, предлагает заменить обычную систему рекрутского набора некоторым подобием ополчения, которое должно быть создано внезапно, уже после объявления войны, но подготовлено заранее. В другой записке подробно излагаются основы, на которых должен быть проведен будущий рекрутский набор. Положения этой записки в главных чертах и были приняты при объявлении 82-го набора и при создании ополчения. «Необходимо нужно силы уже существующие, сколь бы многочисленны ни были, подкрепить новым ополчением, готовым на помощь, а в случае несчастья и на замену их» — пишет автор. Предстоящий набор должен был быть «необыкновенный». Следовало объявить, что ратники берутся только на время войны. Все дело создания новых формирований отдавалось в руки местных властей, для чего в губер-

ских городах учреждались комитеты из гражданского губернатора, предводителя дворянства, прокурора. Присутствия должны были передавать новобранцев в губернских городах во внутренние гарнизонные батальоны, а в уездных в инвалидные команды¹⁴.

4 апреля (23 марта) 1812 года был объявлен новый, внеочередный 82-й рекрутский набор. Он имел целью восполнить силы России. Однако рекруты, как было сказано, шли не в армейские запасные батальоны, а предназначались для составления вновь учрежденной, изолированной от армии, внутренней стражи. Они собирались и содержались в губернских городах при гарнизонных полках и внутренних батальонах. В указе, изданном в дополнение к манифесту, говорилось: «Штаб-офицеров от полевых полков для приема рекрут не посылать, членами же рекрутского производства и вместе воинскими приемщиками оставить командиров губернских гарнизонных батальонов и нарядить по одному штаб-офицеру или старшему офицеру из батальона, а где есть гарнизонные полки, там нарядить по два штаб-офицера от оных, сверх того окружные генералы и бригадные командиры внутренней стражи в местах своего пребывания также должны быть членами рекрутских присутствий. Принятых рекрут содержать впредь до востребования при губернских гарнизонных полках»¹⁵.

Оригинальность нового набора этим не ограничивалась. Вопреки установившимся порядкам, все снабжение новых формирований «предметами, наиболее нужными для военного употребления», возлагалось на дворянское общество соответствующих губерний. Еще в декабре 1811 г. на места были разосланы образцы вещей, по которым надлежало, используя внутренние ресурсы, заготавливать амуницию. Наконец, само оформление манифеста о предстоящем «необыкновенном» рекрутском наборе особо заботило Александра I. Он хотел придать ему вид воззвания, будящего патриотические чувства дворян и их инициативу в укреплении обороны государства. Именно для составления этого манифеста был впервые вызван к царю А. Н. Шишков, автор последующих официальных воззваний и манифестов 1812 года.

Черты, отличающие военную стражу от армии: территориальный принцип ее организации, снабжение на основах самостоятельности местного дворянства, способ комплектования командного состава, идеологическое оформление основных документов,—рождают внутреннюю стражу с ополчениями, которые начали создаваться после воззвания 18 (6) июля. Надо отметить также, что в инструкциях, данных губернаторам, о сборе ополчений говорилось, что они в основной своей части должны состоять при гарнизонных батальонах.

Ополчения не были внезапной чрезвычайной мерой правительства. Их организация была продумана заранее.

Гарнизонные полубатальоны, пополненные рекрутами последнего набора, должны были быть организационным ядром проектировавшегося в то же время ополчения, которое создавалось на началах, близких к тем, которые были приняты для предшествовавшего ему рекрутского набора.

Следует признать, что призыв к созданию ополчения, особенно в конкретных исторических условиях начала XIX века, имел за собой большие основания. Недостаток вооружения и отсутствие возможностей быстро восполнить этот недостаток, а также ограниченность военных кадров, обусловленная особенностями рекрутской системы, могли быть более или менее преодолены в ответственный момент столкновения с «великой армией» Наполеона лишь с призывом к общественности.

№ 22852

11. Августа 1812

Милостивый Государь мой, Князь Алексей
Иванович.

Почтеннейше. прошу Ваше Святительство
доставить по моей ведомости сведения

1^ю О числе рекрутских Лето, ныне в Камском
или Кабардинском, в числе и о сооружении оных.

2^ю О числе рекрутских войсков, которые вступят
Камский сформировать, для и какой уехав, сего
сформирования продолжать.

Св. подполковник Потемкин и преданности
милости все.

Ваше Святительство
Всепочтеннейший Служба

Князь Михаилу: Кутузову

№ 13
4 Августа 1812

По Служб. К. И. Горчакову.

Князь Кутузову 11 Августа
№ 3414.

Рис. 5. Письмо князя М. И. Кутузова управляющему военным министерством
князю А. И. Горчакову от 23 (11) августа 1812 года с запросом о состоя-
нии резервов. (Гос. Исторический музей).

Военное руководство предприняло некоторые меры для организационного укрепления «внутренней стражи», которая, как сказано, создавалась в качестве ядра предполагавшихся ополчений. Для управления гарнизонными частями были образованы восемь округов, возглавляемых специальными окружными генералами. Они были изъяты из подчинения министерству полиции и переданы военному министерству.

В апреле 1812 года князю Д. И. Лобанову-Ростовскому было поручено составить из рекрутских частей, состоящих при гарнизонных полубатальонах, две дивизии по 6 полков в каждой, причем командирами дивизий ставились окружные генералы корпусов внутренней стражи генерал-майоры Урусов и Русанов. Директору 2-го кадетского корпуса Клейнмихелю 9 июля (28 июня) 1812 года предписывается составить шесть полков в Петербурге, Новгороде, Твери, Москве, Туле и Калуге из личного состава вторых рекрутских депо и некоторых оставшихся депо первой линии¹⁶. Наконец, уже 17 (5) июля Милорадовичу поручалось составить особое соединение из 55 батальонов, 26 эскадронов и 14 артиллерийских рот, расположив его между Калугой, Волоколамском и Москвой. Этот отряд должен был состояться из потерявших связь с полевыми частями четвертых рекрутских батальонов¹⁷.

Но, одновременно с этими рациональными мероприятиями, правительственная организация «внутренней стражи» страдала глубокими недостатками, проистекавшими из реакционной по существу концепции «народной войны», которой руководствовались правящие круги, и которую они положили в основу подготовительных мероприятий к Отечественной войне 1812 года.

Усиливая «внутреннюю стражу», правительство преследовало цель не только увеличить оборонную мощь государства, но и усилить внутреннюю полицейскую охрану в государстве, причем эта последняя задача, как видно, превалировала над первой.

По замыслу правительства, ополчения должны были строиться на основах дворянского ополчения, т. е. крестьянство должно было в них играть лишь пассивную роль. Предполагалось, что государственные крестьяне, лишённые дворянской опеки, не войдут в ополчение, принимались меры для ограничения активности городской буржуазии и т. д.

Но основным порок заключался в том, что «внутренняя стража» создавалась как обособленная от армии организация, в значительной степени за счет тех людских сил, которые могли бы пополнить основные кадры армии.

Интересно отметить, что эти искания в области формирования вооруженных сил России проходили в предвоенные годы одновременно с первыми практическими опытами организации военных поселений. Эти оба явления, приобретшие в действительности противоположный друг другу характер, в замыслах имели одну и ту же основу, заключавшуюся, во-первых, в соображениях экономического порядка, в потребности уменьшить расходы на содержание армии и, во-вторых, в соображениях политико-идеологических — желании усилить моральное влияние на вооруженные силы государства, создать большую «внутреннюю стражу». Очевидно, не случайно организаторами новых формирований были поставлены Аракчеев и те лица, которые потом получили известность как его приспешники в деле насаждения военных поселений. Начальником 8-го округа внутренней стражи, который руководил организацией военных сил Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний, был генерал-майор Русанов, автор первого проекта организации военных поселений, а формированием полков в Петербурге, Новгороде,

Государю Императору Александру I
Императору Всероссийскому
Великому Князю Павлу Александровичу

На милостивое Ваше Высочайшее
снисхождение. Я, Александр Голицын, имею
честь доложить Вам, что в продолжение
последних нескольких лет я счастливо
исполняю обязанности Вашего
личного секретаря. В продолжение
этого времени я имел честь
быть свидетелем многих доблестных
подвигов Вашего Величества и
Вашего Императорского Высочества.
Самая высокая награда, которую
я могу получить, это быть
приближенным к Вам и
иметь честь быть Вашим
личным секретарем.

Ваше Высочайшее
повеление. Александр Голицын
Полковник
Генерал-майор

№ 161
Сентября 11. 1812
Секретарь

Рис. 6. Письмо фельдмаршала князя М. И. Кутузова командующему
Владимирским ополчением князю Б. А. Голицыну от 23 (11) сентября 1812 года
из с. Красная Пахра. (Гос. Исторический музей).

Твери, Калуге, Туле и Москве ведал известный аракчеевец Клейнмихель. В составе основного ядра отряда Милорадовича были батальоны Елецкого полка, перешедшие на поселение еще в предвоенное время. Величественное событие — разгром наполеоновской Франции, по мысли царского правительства, должно было утвердить новую систему организации армии.

Можно было бы не останавливаться на этих правительственных замыслах, так как они, естественно, оказались нежизнеспособными. Народная активность в 1812 году пошла совсем не по тому руслу, в которое ее хотели направить. Ополчения переросли либо в подлинные народные формы войны, сливаясь с партизанским движением, либо вошли в тесный, неразделимый контакт с регулярной армией. Однако для познания внутренних взаимоотношений в среде главного командования эти замыслы имеют существенное значение; они усложнили общую стратегическую обстановку, так как под их знаком проходили подготовительные к войне мероприятия. Кроме того, они могут объяснить нам некоторые, еще недостаточно разъясненные моменты первого периода Отечественной войны, предопределившие кризис августовских дней 1812 года.

Казалось бы, что значительное превосходство сил противника, истинные размеры которого выявились с началом военных действий, должно было повести к полному пересмотру ранее составленных планов обороны. На самом деле это произошло лишь в ограниченных размерах. Как показали обстоятельные исследования военных историков конца XIX века, русское командование до самых критических дней начала августа, игнорируя действительную стратегическую обстановку, упорно намеревалось проводить в жизнь первоначальные замыслы¹⁸.

Перед лицом наступающего сильного противника относительно малочисленные русские армии должны были действовать разьединенно и осуществлять смелые операции, вплоть до крупных сражений, причем в замыслах не останавливались иногда и перед тем, чтобы открыть путь Наполеону во внутренние губернии России.

Историки Попов и Омелянович убедительно доказали, что командующий Первой армией стремился к решительному столкновению с врагом, иногда в явно невыгодных для русской армии условиях.

Запечатленная в документах попытка к самостоятельному наступлению за Вильно в то время, как армия Багратиона, по предположению, действовала бы во фланг и тыл противника, находясь за 80 верст от Первой армии, и планы активных действий этой армии после ее сосредоточения в Дрисском лагере, подтверждают мнение историков, так же как замысел решительного сражения с превосходными силами противника близ Витебска, о котором говорит Барклай де Толли в одной из своих оправдательных записок царю¹⁹.

И после соединения армий под Смоленском «мысль отделиться от Второй армии и действовать самостоятельно, хотя и сохраняя связь с нею, не оставляла главнокомандующего Первой армией»²⁰. Этот свой вывод А. Н. Попов подкрепляет многими прямыми высказываниями Барклая де Толли. Последний предполагал передвинуть свою армию от Смоленска в северозападном направлении, после сего единственным прикрытием Москвы, куда устремлялись главные силы противника, должна была остаться немногочисленная армия Багратиона.

А. Н. Попов не находит никаких оправданий «убийственным» замыслам Барклая. Он считает их результатом недружелюбных отношений, существовавших между двумя главнокомандующими. Омелянович

пытается решить вопрос по-другому. «Наша главная квартира не сознавала опасности принятого способа действий, так как считала противника слабее, чем он был в действительности. Иначе трудно объяснить ту настойчивость, с которою мы, наперекор всем неблагоприятным обстоятельствам, стремились выполнить этот маневр»²¹, т. е. решительные действия разъединенными армиями. Однако такое объяснение неубедительно. Трудно себе представить, чтобы в течение полуторамесячной активной обороны русское командование продолжало оставаться в неведении о действительных силах противника. Даже под Бородиным, где превосходство сил Наполеона было явным, Барклай опять-таки предлагал Кутузову план действий, который являлся как бы сколком с все того же первоначального плана. Первая армия должна была занять позицию от Горок до дер. Семеновской, а вся Вторая армия сосредоточиться за Утицким курганом. Центр позиции должен был быть не занят, а обеим армиям предназначалось теснить врага с флангов²².

На самом деле руководители военных сил России отводили главным армиям ограниченную роль. По смыслу многих их высказываний, наступательные действия не должны были привести к полному разгрому врага. «Я веду медленную войну» — писал Александр I Бернадотту²³.

В своих отчетах Барклай де Толли ссылался на то, что он действовал согласно плану, принятого «с общего согласия», по которому надо было «открыть кампанию отступлением к древним нашим границам и, завлекши неприятеля в недра самого отечества..., истощив силы его с меньшим, сколько возможно, пролитием своей крови, нанести уже ему удар решительный»²⁴.

Итак, медлительная война велась с целью, во-первых, изменить ее театр, перенести военные действия вглубь России и, во-вторых, истощить силы противника.

Но при принятой системе действий истощиться или даже выйти из строя должны были в первую очередь русские армии, которые без предварительного соединения, несмотря на свою малочисленность и в условиях полного расстройств способов пополнения, должны были войти в соприкосновение с противником. Кто же мог в таком случае в недрах страны нанести врагу решительный удар?

Отдельные высказывания военного министра свидетельствуют, что русское командование рассчитывало на новые силы, вмешательство которых должно было привести войну к благополучному окончанию. «Весьма хорошо и полезно было бы удерживать Смоленск — писал Барклай де Толли Багратиону, — но сей предмет не должен нас однако же удерживать от важнейших предметов, т. е. сохранения армии и продолжения войны, дабы между тем приготовить внутри государства сильное подкрепление сим армиям»²⁵. Он же в письме к Ростопчину более определенно называет это подкрепление: «Я прежде сего полагал продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений и посему надобно было вести войну общими движениями»²⁶. Итак, исход войны должны были решить особые не армейские формирования. Армии в принятой системе обороны должны были играть роль лишь как бы авангарда основной военной силы России. Отсюда и истекает, поразившая исследователей, нерасчетливость в их использовании.

Предполагая после сдачи Смоленска оставить Багратиона на Московской дороге, Барклай не думал, что Вторая армия будет одинока. Здесь, в глубине России, и должна была проявить себя новая сила.

По смыслу первого отчета бывшего военного министра, русская армия совершала отступательный марш, имея своей основной целью натолкнуть главные силы Наполеона на корпус Милорадовича, который был сосредоточен в окрестностях Московской дороги²⁷. По плану руководящих военных кругов, этот корпус должен был быть центром всего ополчения. Еще 17(5) июля, накануне первого воззвания о созыве ополчения, Александр I сообщил Милорадовичу, что «войска под начальством вашим должны будут служить основанием для образования общего большого воинского ополчения, которое признали мы нужным произвести ныне же в государстве нашем»²⁸. Затем, 27 (15) июля, ему же был послан приказ о расположении отряда между Можайском и Калугою, «дабы по первому востребованию могли присоединиться к армии на Вязьму или Можайск»²⁹. Ополчения Московской и примыкающих к ней губерний, которые должны были только в первую очередь присоединиться к корпусу Милорадовича, проектировались в количестве 80 тысяч человек. Ясно, что появление такой силы перед лицом уже измотанного врага, предвещающее начало новой, или, как любили тогда выражаться, «необыкновенной», «народной» войны, должно было оказаться решающим фактором для благополучного исхода событий.

Как видим, новым формированиям «внутренней стражи», как костяку ополчений, придавали исключительное значение. Уверенность в их способности отразить натиск вражеской армии была настолько велика, что порою командующий Первой армией не останавливался в своих замыслах перед очень рискованными действиями.

Посмотрим, как выглядели на деле эти новые формирования к тому времени, когда потребность в них чувствовалась особенно остро. О соединении Милорадовича мы уже говорили выше. Вместо 80 тысяч (по проекту) оно состояло всего лишь из 15 тысяч человек и было очень слабо подготовлено к боевым действиям.

Резервы стали подтягиваться к армии лишь в конце августа и в первые дни сентября.

Три полка (12, 13 и 14-й) из шести, формировавшихся Клейнмихелем, подошли еще накануне Бородинского сражения и вскоре после этого соединились с формированиями генерал-майора Ушакова, который сменил Милорадовича в Калуге. Значительно позднее присоединились два полка Рязанской бригады, о которых 24(12) сентября Кутузов писал, что они еще подходят к армии. Наконец, уже к концу месяца подошли остальные четыре полка дивизии Русанова (7 и 8-й Тамбовские, 3 и 4-й Воронежские егерские).

Провинция начала XIX века, т. е. губернские чиновники и местные воинские чины, были плохими организаторами и воспитателями войсковых соединений. Вновь введенный территориальный принцип комплектования, как средство воспитания армии в духе старых устоев, на деле привел к большой задержке формирования. Мартовский набор 1812 года по плану должен был быть проведен в течение 1½ месяцев, а в действительности он все еще не был закончен к осени. Мелкие дразги и несогласия, типичные для провинции, губительно отразились на ходе дела. Дворяне трех губерний, которые должны были поставить рекрут для четырех полков дивизии Урусова, долго не могли поделить между собой выпавшее на них бремя. Лобанов-Ростовский, бывший не в ладах с Нижегородским губернатором, не мог получить места для сбора войска. Конфликт был таким острым, что пришлось вывести рекрут в другую губернию. Нижегородское дворянство сдало подряд на обмундирование московским купцам, но Москва сгорела и купцы разорились,

в результате пропали деньги и было упущено время. Вологодское дворянство закончило сбор денег лишь к началу 1813 г. и т. д. Главное зло было в том, что нехватало командного состава. В результате сформированные части получились слабо обученными и плохо снаряженными.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, хотя он и был на 13 лет моложе Кутузова, чрезвычайно тяготился своими обязанностями. Он находил возможным в самый критический период войны жаловаться на Кутузова, что тот заставляет его делать якобы совершенно излишние и очень затруднительные движения, как лично для самого Лобанова по его крайнему нездоровью, так и для его неокрепшего войска. Вместе с тем в этих жалобах он дает уничтожающую характеристику своим соединениям. Находясь в тылу, Лобанов-Ростовский опасался всякого возможного соприкосновения с противником. «Сильная партия неприятельская внезапно набегит на кучу народа сего без орудий и без легких войск и постыдно наверно рассеет... Полки те (т. е. его собственные) без ротных командиров, без внутренности, без пороховых ящиков и без сухарных фур жалостным образом таскаются»—писал Лобанов-Ростовский³⁰.

Его донесения позволяют подробно ознакомиться с состоянием резервных полков к тому моменту, когда они выступили на соединение с главной армией. Лобанов-Ростовский попытался отвести от себя нарекания, которые делались на него в связи с плохой подготовкой войска: «Недвижим почти и теперь будучи, крайне оскорбляюсь, что безвинно навлек может я на себя негодование вашего императорского величества»—писал он Александру I в октябре 1812 года³¹. К этому донесению он приложил подробную ведомость о состоянии полков в августе «по выступлении их в повеленный поход». Укомплектованность резервных частей характеризуется следующими цифрами (привожу только итоговые данные по дивизиям):

	По списку						Недостаёт					
	штаб-офицеры	обер-офицеры	унтер-офицеры	музыканты	рядовые	нестроевые	штаб-офицеры	обер-офицеры	унтер-офицеры	музыканты	рядовые	нестроевые
Дивизия Урусова (6 полков)	9	93	341	324	11 463	609	33	231	379	—	824	159
Дивизия Русанова (6 полков)	11	116	174	301	11 608	344	31	208	564	23	745	424
Итого по двум дивизиям	20	209	515	625	23 071	943	64	439	925	23	1569	583

По штатному расписанию пехотных полков на каждого штаб- и обер-офицера должно было приходиться 35 нижних чинов, а у Лобанова было их по 109, на одного унтер-офицера полагалось по 16—17 рядовых, у Лобанова же приходилось по 47. Из этих сопоставлений мы должны сделать вывод, что первоначальная квалификация им своих полков, как «кучи народа», имела свои основания.

Полки, сформированные Клейнмихелем, также не были на надлежащей высоте. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что 9-й полк во время столкновения с французским отрядом в окрестностях Москвы почти весь рассыпался.

Печальное состояние резервов, в каком их застал Кутузов, должно было быть суровым приговором новшества в деле комплектования резервной «внутренней стражи», на которую возлагали такие большие надежды.

Соединение армий под Смоленском справедливо считается замечательным достижением русского командования. Однако надо напомнить, что обстоятельства, сложившиеся к тому времени, казались для Барклая де Толли почти катастрофическими. Так как объединение армий под Смоленском произошло не в соответствии с его первоначальными планами, то Барклай не позаботился во-время подтянуть необходимое материальное обеспечение для армии, за что он получил легкий выговор от Александра I.

К тому времени был найден и главный «виновник» того факта, что вопреки первоначальным планам русские армии дошли до Смоленска, не дав Наполеону генерального сражения. «Крупные ошибки, сделанные Багратионом..., заставили вас покинуть берега Двины и отступить к Смоленску»²³ — писал Александр I Барклаю де Толли, соглашаясь с мнением командующего Первой армией.

Как показывают в особенности материалы переписки Багратиона с Платовым и Тормасовым, мы в действительности должны признать, что успешное отступление армий и благополучное достижение ими Смоленска было в большой мере результатом чрезвычайно предусмотрительного и осторожного поведения Багратиона, которое фактически в значительной степени регулировало и действия Барклая де Толли.

Так или иначе к августу 1812 года выяснилось полное крушение задуманных планов.

«Наступательные операции обеими армиями — писал Барклай де Толли 26 (14) августа царю — не могли еще начаться..., пока (армии) составляют почти единственный действительный оплот России против превосходного и коварного врага»²⁴.

Действительно, численность главной армии была далеко недостаточной. По рапорту Кутузова от 17 августа, в Первой армии офицеров и солдат состояло 100 453 человека, а во Второй армии всего 34 925. Багратион уверял перед этим, что в обеих армиях нет и 100 000 человек²⁴.

Нерешительность Барклая в подготовке сражения под Гжатском, мысль о действиях фланговыми армиями, к которой он пришел в последние дни перед назначением Кутузова, являются выражением глубокого кризиса в верховном командовании после того как обнаружилась несостоятельность «внутренней стражи», как оплота обороны. Так выяснилась глубокая необходимость смены главнокомандующего, а вместе с тем и выдвижения новой концепции оборонительной войны.

После сдачи Москвы Кутузов получил возможность создать благоприятные условия для последующих решительных действий. В вопросах стратегии он настолько отличался от своих предшественников, что ему пришлось пересоздавать самые основные элементы, из которых складывается стратегическая обстановка, и в ряду этих основных элементов едва ли не самым главным является состояние армии. Заботы об ее организации теперь выступают на первый план. Для познания Кутузова как стратега эта его деятельность не менее значительна, чем его тактические и оперативные планы.

«Главною заботою, которою теперь занимаемся, есть укомплектование войск» — писал Кутузов Александру I из Красной Пахры 11 сентября.

Кутузову пришлось взять на себя многие функции военного министерства. Преемник Барклая де Толли на посту министра Горчаков был далеко не на высоте своего положения. Лишь только сам главнокомандующий, исходя из своих дальновидных планов, мог рассчитать во вре-

мени дозировку военных усилий и подчинить этому расчету организацию армии. Журналы походной канцелярии Кутузова—яркое свидетельство необычайной по размеру и разнообразию работы, которую вел он сам и его скромно обставленная походная канцелярия, восполняя и исправляя деятельность министерских департаментов в Петербурге.

Управлять ею в чине дежурного генерала Кутузов поставил своего лучшего боевого помощника, будущего военного министра генерала П. П. Коновницына. Это назначение показывает, насколько важным делом для Кутузова была организация армии.

«Я жив, но замучен должностью, — простодушно писал жене Коновницын, — и если меня делами бумажными не уморят, то по крайней мере совсем мой разум и память обессилят. Я иду охотно под ядры, пули, картечи, только чтоб здесь не быть»³⁵.

Кажется, что ни одно из мероприятий по устройству армии в сентябре Двенадцатого года не обошлось для фельдмаршала без конфликта с царем. И везде в этих расхождениях Кутузов стоит на позициях защиты интересов армии.

Учитывая большую убыль в частях, Александр I еще 13 (1) сентября предложил слить малочисленные дивизии, с тем, чтобы их было меньше числом, но оставшиеся были бы уже комплектным. На деле эта мера привела бы к свертыванию армии, так как был бы значительно уничтожен ее основной костяк и был бы разрушен ее управленческий аппарат. В то же время новые формирования, еще не побывавшие в боях, сохраняли бы свою самостоятельность наряду с уже испытанными в боевой обстановке частями. Кутузов решительно воспротивился этому мероприятию. Он не пошел на «уничтожение дивизий», предложив употребить в каждой дивизии один пехотный и один егерский полк на укомплектование остальных четырех полков³⁶. Но расформированные полки не должны были при этом ликвидироваться, как строевые единицы.

«По 60 человек от расформированных полков, при приличном числе офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и от обоих расформированных полков по одному штаб-офицеру, составив от каждой армии команды, вместе отправить под начальством старшего штаб-офицера и с знаменами в Нижний Новгород на предмет желаемый вашим величеством — писал Кутузов царю. Сим способом дивизии те же самые останутся, четыре полка в каждой укомплектуются, а расформированные полки будут преобразовываемы и по мере прибывать к армии»³⁷.

На самом деле свертывание армии было проведено еще в меньших размерах. Кутузов уже через три дня изменил свое решение и из армии было решено отослать лишь по одному егерскому полку от дивизии³⁸. За время переформирования к Лобанову-Ростовскому было отправлено в резервы лишь 9 егерских полков. То обстоятельство, что изменение решения произошло за такой короткий срок, и то, что об этом изменении было сообщено в Петербург спустя уже длительное время, заставляет предполагать, что фельдмаршал с самого начала принял решение ограничить до минимума свертывание армии и своим первым рапортом лишь хотел смягчить свое расхождение с царской волей. В качестве официального объяснения нарушения предписания из Петербурга о переформировании говорилось о необходимости упрощения денежных расчетов, однако в приказе по Первой армии от 12 сентября выставлялись мотивы, более близкие к истинным причинам: «чтобы не посылать из армии из лучших людей команд, и особливо, чтобы сохранить состав полков». Таким образом, были сохранены основные кадры и внутренняя структура армии.

В отборе кадров для главной армии Кутузов строго придерживался суворовского принципа «воевать не числом, а умением». Поэтому только часть из прибывших формирований была включена в армию. Причем характерно, что ни один из новоприбывших полков не вошел в нее как самостоятельная единица; из них изымался рядовой состав, а основные кадры отправлялись обратно.

Весь 4-й Костромской полк в полном своем составе, как неудовлетворительный по подготовке, был отправлен из Тарутина к Лобанову, 2

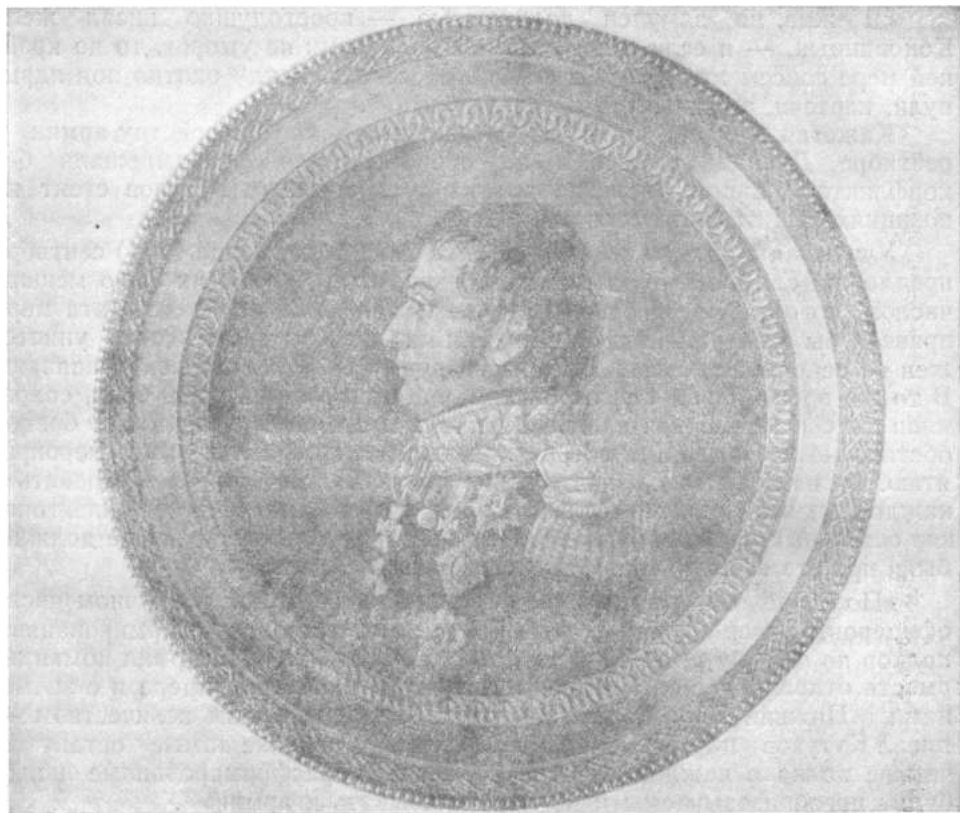

Рис. 7. Миниатюрный портрет генерала П. П. Коновальца.
(Гос. Исторический музей).

остальные пять полков дивизии Урусова, несмотря на то, что они уже подошли к главной армии, были отправлены для переподготовки в Тулу. По той же причине три полка Клейнмихеля, в числе которых был и злополучный, вновь сформированный, 9-й полк, были отправлены во Владимир.

Вторым источником пополнения армии были рекрутские партии уже из 83-го набора, объявленного 4 августа 1812 года. Но и из этих партий Кутузов использовал непосредственно для действующей армии лишь тульских рекрут в количестве 991 человека по той причине, что они оказались хорошо подготовленными, остальные же отсылались в ведение Лобанова-Ростовского³⁹.

Таким образом, распространенное в литературе мнение о значительном пополнении армии в дни Тарутина в отношении пехоты является сильно преувеличенным. Со времени Бородина главная действующая

Рис. 8. Русская регулярная кавалерия и казаки. (Современная гравюра).

Рис. 9. Портрет партизана генерал-майора Дорохова.
(Рис. Вендрамини).

Рис. 10. Князь Кутузов-Смоленский.
(Рис. Гезендамм).

армия получила приблизительно около 8,5 тысяч солдат, не считая отдельных мелких пополнений из госпиталей, рекрутских депо и др.⁴⁰.

Ограничение размеров действующей армии в то время, когда предоставлялись широкие возможности для ее пополнения, было сделано ради создания новой резервной армии, образование ядра которой является одним из важнейших и замечательных достижений тарутинского периода Отечественной войны.

Многие современники Кутузова высшим достижением считали восприятие и перенесение на свою почву отдельных элементов полководческого искусства Наполеона. В результате война превратилась как бы в огромную дуэль армий враждующих сторон, причем посредствующие звенья между армией и народом были не налажены. Так и обстояло в докутузовский период войны 1812 года.

Кутузов пошел по другому пути. Стремительной тактике Наполеона он противопоставлял наращивание потенциальной силы армии непосредственно в ходе военных действий.

Источником образования резервных частей послужили самые разнообразные элементы. Сюда вошли остатки рекрутских депо, «основания» расформированных полков, главным же образом рекрутские партии нового набора и другие формирования. 7 октября (25 сентября) Александр I утвердил подробную инструкцию о формировании резервных частей, которая была отослана Лобанову-Ростовскому для руководства⁴¹. Но Кутузов радикально изменил ход дела, придав ему гораздо более значительные масштабы, чем это предполагалось, и руководство по основным вопросам полностью осталось за ним. По смыслу инструкции предполагалось лишь восполнить личный состав 19 полков действующей армии, употребленных для пополнения оставшихся в Тарутине дивизий. Поэтому по расписанию «Свода рекрут 83-го набора» в Арзамас должны были быть направлены рекруты из 13 губерний в количестве 70 166 человек, из которых затем 9 тысяч следовало отобрать для кавалерийских резервов в Муром⁴². Но Кутузов посылает Лобанову рекрутские партии сверх назначенных по расписанию. В то же время в качестве основания для формирования выделяются не части действующей армии (кроме 9 егерских полков), а кадры дополнительных рекрутских дивизий Клейнмихеля и Лобанова-Ростовского, а также оставшиеся в Калуге четвертые рекрутские батальоны⁴³. Таким образом, только благодаря вмешательству Кутузова, формирующиеся в Поволжье воинские части приобрели характер свободного стратегического резерва. Комплектование полков было поручено Лобанову-Ростовскому, который хотя и не зарекомендовал себя хорошим организатором, но не был заражен аракчеевским духом. Кроме того, его руководство давало возможность Кутузову непосредственно контролировать и направлять то дело, которому он придавал такое большое значение. Хотя вначале резервные части официально были подчинены Лобанову, но некоторые из них, расположенные вблизи Москвы, фактически находились прямо в распоряжении Кутузова.

На это Лобанов-Ростовский опять посылал безрезультатные жалобы в Петербург. «По распоряжениям фельдмаршала главнокомандующего все полки, в команде моей бывшие, — писал он, — не только из мест, где они формировались, взяты, но и все вообще из распоряжения моего вышли»⁴⁴.

Среди полков, отправленных Кутузовым Лобанову-Ростовскому, оказались и те, которыми ведал Клейнмихель, так что этот аракчеевец остался не у дел. По прямому предписанию царя, Кутузов должен был

вновь передать полки Клейнмихелю; причем ради этого формирующиеся части перекидывались из Арзамаса, где в то время действовал Лобанов-Ростовский, в Ярославль.

Темпы формирования армии при деятельном вмешательстве Кутузова резко изменились. Теперь вновь подготовка резервов стала делом самой армии.

В журнале исходящих бумаг Кутузова отражены его многочисленные сношения не только с военным министерством, царем и начальниками различных военных частей и учреждений, но и с местными властями. Он проводил огромную работу по обеспечению армии боеприпасами, людским и конским составом, проявлял большую заботу о раненых. «Журнал ярко рисует ту необычайно обширную деятельность, которая выпала на долю кн. Кутузова как главнокомандующего не только соединенными армиями, направленными для борьбы с Наполеоном, но и всеми вообще вооруженными силами на театре военных действий и прилегающих к нему губерний, а также и всевозможными войсковыми учреждениями; такой громадной работы еще не выпадало на долю ни одного главнокомандующего»⁴⁵ — отмечает Б. М. Коллюбакин. Действительно, из предшественников Кутузова можно назвать только Петра I, которому, так же как и ему, приходилось держать в своих руках все многообразные отрасли государственной стратегии.

В переписке с Александром I Кутузов несколько раз напоминает об особых правах ополченцев. В противовес правительственной точке зрения, для него не существует искусственной грани между армией и ополченскими частями. То и другое в его глазах имеет одинаково народный характер, хотя армии, как испытанной и надежной форме организации народных сил, дается предпочтение. Поэтому Кутузов не останавливается перед тем, чтобы изъять из ополчений отдельных губерний все необходимое для армии. Он ставил перед ними определенную и доступную, при условии взаимодействия с армейскими частями, задачу охраны границ губерний от неприятельских отрядов. В соответствии с этим он и перераспределяет наличные силы между ополчениями и армией.

Узнав, что в Тульской губернии были собраны два конных полка по 200 лошадей каждый, Кутузов решает, ввиду острой нужды главной армии в конском составе, взять из Тульского ополчения 2 000 лошадей, с тем, чтобы остальные употреблять для разъездов по границе губернии. Но когда выяснилась необходимость укрепить оборону Тулы, то изъятие в пользу армии было уменьшено с 2 000 до 500 лошадей⁴⁶. Такие изъятия делались и из других ополчений.

В зависимости от относительной близости губерний к фронту, значение и сложность обороны их границ были различными. Кутузов принимает меры для укрепления ополчений ближайших к фронту губерний. Калужскую заградительную линию защищает местное ополчение в комбинации с частями регулярной армии и генерал-майор Шепелев является одновременно командиром и ополченческих, и партизанских, и армейских отрядов⁴⁷. Неразрывное взаимодействие между ополчением и партизанскими отрядами, достигнутое по указаниям Кутузова в Калужской губернии, придало ополчению подлинно народный характер. Контакт Владимирского ополчения и партизан Богородского и Бронницкого уездов Московской губернии в охранении Владимирской дороги был столь же плодотворен.

Деятельность Кутузова по части специально кавалерийских соединений была не менее значительной, чем в отношении пехотных частей. Она имела здесь даже еще больший эффект.

В отношении количества в армии пехоты Кутузов был терпелив и больше обращал внимания на качество подготовки солдат. Обратное отношение у него было к кавалерии. В первые же дни по оставлении Москвы начинаются энергичные поиски источников для ее пополнения. Уже упоминалось, что кавалеристы из Тульского ополчения были привлечены в армию. Однако Кутузов этим не ограничивается и обращается к тульскому дворянству с предложением о дополнительном сборе лошадей⁴⁸. Фельдмаршал организует сбор в армию излечившихся после ранения и отставших кавалеристов. Этих «опешелых» людей он призывает с возможной скоростью вновь сажать на коней, прибывших из разных губерний, и опять вводить в строй⁴⁹. Пополнению конским составом кавалерийских частей дается преимущество перед артиллерией⁵⁰. Задача создания при армии больших масс легкой кавалерии разрешается привлечением казачьего ополчения с Дона. Кутузов всячески форсирует его приход в армию и лично контролирует размещение и употребление прибывших казачьих полков.

Размеры пополнений армии кавалерией и пехотой, полученных в тарутинский период, резко непропорциональны. Правда, причиной тому были отчасти большие потери кавалерии по сравнению с пехотой за предыдущее время, но если присмотреться к цифрам, то увидим, что это сообщение не меняет сделанного вывода.

Основываясь на данных Бутурлина о численности русских войск к 18 (6) октября⁵¹, мы можем сделать следующие примерные исчисления итогов пополнения армии за тарутинский период. Комплект пехотных частей был заполнен солдатами, рекрутами и ополченцами примерно на 50%, а комплект кавалерии солдатами и рекрутами всего лишь на 36%. Но картина резко меняется, как только мы примем во внимание прибывших в Тарутино и ранее бывших там казаков. К сожалению, сведения о их численности очень неточны. Возьмем явно приуменьшенную цифру в 20 000 (Богданович указывает, что казаков было более 20 тысяч). Казаки, хотя они не причислялись к войскам, действовали непосредственно вместе с ними. Для уяснения картины нарушим графы формальной ведомости и присчитаем казачество к регулярной кавалерии, подобно тому, как и в число пехоты входят ополченские части. Тогда окажется, что штат кавалерии был заполнен более чем на 110%.

Таким образом, по общему своему облику армия за тарутинские дни сделалась гораздо более легкой и подвижной. Можно предполагать, что оставление Кутузовым пехотных корпусов в значительном недокомплекте, кроме своей основной причины — необходимости резервной армии, имело и дополнительную причину — стремление облегчить армию для будущих дальних походов. В решительном же сражении, которого Кутузов ждал до последних дней Тарутина, он рассчитывал получить победу не столько в результате численного перевеса сил, сколько от превосходства своего оперативного искусства. Изменение соотношения в численности между двумя главными родами войск стоит в тесной связи с известным планом действий русской армии в сентябре—октябре 1812 года, по которому предполагалось значительное развитие так называемой «малой войны».

Большая часть кавалерии находилась не в лагере. Вновь назначенный командир 1-го и 2-го кавалерийских корпусов Уваров доносил Кутузову, что на месте он нашел только небольшие разрозненные части⁵², вся же основная масса конницы, как регулярной, так и иррегулярной, была в летучих отрядах. Кутузов изъяс кавалерийские полки из ведения командиров пехотных корпусов, сведя их опять в специальные кавалерийские соединения.

Еще в августе 1812 года было положено начало организации специальных кавалерийских резервов, но это дело подвигалось слабо до тех пор, пока руководство им не было передано от Толстого к генералу Кологривову. Последний, проявляя большую инициативу, успешно разрешал свою задачу. В письме к Аракчееву от 5 ноября (24 октября) из Мурома Кологривов жаловался на утвержденную в Петербурге нерациональную систему комплектования: «Рекруты 9 тысяч, которые мне назначены от кн. Лобанова, думаю я, не скоро соберутся в Арзамас, где будет он выбирать способных для кавалерийской службы и присылать ко мне... Я призывал к себе начальника внутреннего полубатальона и советовал ему, чтобы поскорее обмундировать и приготовить к отправлению людей, заставить шить мундиры и прочую рекрутскую одежду самих же рекрут, но он отозвался тем, что губернатор сделал подряд и теперь рекрутская одежда в Тамбове стоит 71 рубль. Тем более еще жаль, что употребляют на то фабричное сукно, русское же, хотя бы и добротное, не берут от отдатчиков»⁵³.

Тем не менее, несмотря на трудности, энергичная деятельность генерала Кологривова давала свои результаты. Служивший у него молодой А. С. Грибоедов дал восторженный отзыв о деятельности своего начальника: «Кто приведет себе на память, что прежде всего один конный полк формировался целыми годами, кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприняли свое начало, кто притом знает, чего стоит заставить забыть его мирную безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места»⁵⁴.

Грибоедову в этой же статье удалось впервые в печати отметить значение стратегических резервов, которым Кутузов уделял такое большое внимание. «Сей рассадник юных воинов, — писал Грибоедов, — который единственно делал, что войско наше после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как Феникс восставало из пепла своего, дабы пожать новые неувядаемые лавры на зарейских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля»⁵⁵ — был создан в самые напряженные дни Отечественной войны.

В летучих отрядах сливались воедино различные по своему характеру элементы. Кутузов во многом ограничил обособленность казачьего войска. Он требовал от его начальника Платова ежедневных рапортов о численности⁵⁶, он установил снабжение казаков боеприпасами из общеармейских ресурсов⁵⁷. Это ограничение «казацкой вольности» проходило не без трудностей. Например, однажды почти все командиры полков, очевидно в знак протеста, объявили себя больными. В ответ на это фельдмаршал написал Платову укоряющее и грозное письмо: «Таковое известие не могло меня не оскорбить и я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с просьбою уведомить меня в откровенности без отлагательства о причине странного сего случая, хотя, правда, и не даю я оному полной веры, ибо теперешнее положение нашего отечества одно весьма сильно возбудит каждого из нас преодолевать всякие трудности и самой жизни не щадить, о чем я излишним да считаю наломнить вам»⁵⁸. Кутузов грозит донести о случившемся царю и обещает сам предпринять строгие меры взыскания.

Фельдмаршалу пришлось преодолевать и индивидуалистические наклонности, столь свойственные армейским партизанам. Он успешно их группирует и подчиняет одного другому.

Делу Кутузова благоприятствовала вся обстановка Отечественной войны. Он выращивал и укреплял те новые ценные явления в армейской

жизни, которые были так обильны в дни небывалого подъема общественной сознательности и активности.

Действия отряда Д. В. Давыдова, благодаря обильному и красочному материалу записок его предводителя, получили широкую известность. В силу этого и в научной и научно-популярной литературе при описании партизанского движения 1812 года зачастую фигура «первого партизана» занимает доминирующее место. Однако, как бы не были замечательны подвиги этого выдающегося участника Отечественной войны, все же при исследовании партизанского движения и деятельности Кутузова по организации этого движения не их нужно ставить в центр внимания. Отряд Давыдова был не крупный и некоторое время подчинялся другому отряду; состав его был сравнительно ограничен и соответственно этому были ограничены и поручаемые ему задания.

Из числа предводителей более крупных отрядов выделяется И. С. Дорохов. Как видно, ему особенно доверял Кутузов, давая наиболее сложные поручения. На его действиях он как бы производил эксперименты в поисках лучшей организации «летучего отряда». Изучение боевого пути отряда Дорохова, состав которого и масштабы операций шли по непрерывно восходящей линии, дает очень много для познания «малой войны» 1812 года и роли Кутузова в ее организации.

Когда арьергард 4-го пехотного корпуса в составе двух егерских, Изюмского гусарского и двух казачьих полков генерал-майора Дорохова еще в начале войны попал в окружение и, преодолевая большие трудности, вышел на соединение с русской армией, тогда здесь был заложен первый в 1812 году опыт самостоятельного действия относительно небольшой части легкой кавалерии в тылу врага. Этот опыт был проверен Кутузовым. Он дал поручение тому же Дорохову совершить налет на Смоленскую дорогу еще в то время, когда неприятельские дивизии только подтягивались к Москве. Для этой операции начальник арьергарда генерал Милорадович должен был выделить два полка легкой кавалерии, три казачьих полка и $\frac{1}{2}$ роты конной артиллерии, чем Милорадович был очень обеспокоен. «Отряжая полки сии под команду генерал-майора Дорохова, — писал он Беннигсену, — оставляю арьергард совершенно без конницы»⁵⁹.

21 (9) сентября Дорохов выступил с летучим отрядом, состоявшим из Елисаветградского гусарского, лейб-драгунского и трех казачьих полков при двух орудиях конной артиллерии. В то же время Давыдов располагал лишь 50-ю гусарами и 30-ю казаками. Набег Дорохова на Можайскую дорогу в районе с. Перхушково прошел удачно. Было взято 200 человек пленных (из них 5 офицеров) и ряд трофеев⁶⁰.

Этот успех, как и удачные действия других более мелких отрядов, подтвердил целесообразность в данных конкретных условиях малых форм военных действий, с которыми Кутузов был знаком уже давно по многолетней практике русско-турецких войн. Общий план военных действий русской армии, сформированной Кутузовым после завершения им замечательного флангового маневра, отводил «малой войне» значительное место, в связи с чем предпринимается общая реорганизация отрядов. На них возлагаются новые задачи. «Занимаемый ныне армией укрепленный лагерь на правом берегу Нары при Тарутине позволяет отделять от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров и обеспокоивание неприятеля, но которые силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный вред»⁶¹. Так в сентябре 1812 года партизанское движение под руководством Кутузова быстро развивается и организационно поднимается на новую ступень.

Дорохову поручается крупное предприятие — освобождение города Верей от засевших там вестфальцев из армии Наполеона. Для этой операции он получает значительные подкрепления — к нему причислен полковник Вадбольский с Мариупольским гусарским полком и 500 казаками. Теперь у Дорохова попрежнему два полка кавалерии и три полка казаков, но артиллерия усиливается шестью легкими орудиями, а главное — ему придается пехота в количестве двух полков (по 2 батальона) и один батальон егерского полка. Повидимому, Кутузов был обеспокоен таким «утяжелением» легкого отряда и Дорохову запрещается «брать обозы, какие бы то ни было»⁶². Интересно, что придавая партии Дорохова значительное количество пехоты, Кутузов хотел здесь, как видно, проделать опыт усложнения состава партизанского армейского отряда, который до того времени был лишь кавалерийским. Коновницын по поручению Кутузова писал Дорохову: «Если ваше превосходительство не найдете нужным на дальнейшие экспедиции иметь столько пехоты с собою, тогда можете обратиться к армии, смотря по обстоятельствам, ибо мысль светлейшего есть отнюдь не далее двух маршей с оной удаляться»⁶³.

Известная история взятия города Вереи отрядом Дорохова является во всех отношениях классическим примером партизанского действия в смысле тактического приема и взаимодействия с местным населением.

Целесообразность подкрепления легучего отряда пехотой подтвердилась и в еще более обширных действиях Дорохова под Фоминском в дни подготовки и осуществления Тарутинского сражения.

По примеру отряда Дорохова организуются и другие «летучие» части. В октябре партизаны в общей сложности оттянули из армии значительные силы. У них было 36 казачьих полков и одна команда казаков, 7 полков, 5 эскадронов и одна команда легкой кавалерии, 5 полков пехоты, три партии егерей по 100 человек, 22 орудия легкой артиллерии⁶⁴.

Эволюцию партизанского движения хорошо подметил известный партизан 1813 г. Чернышев: «Прежде всего партизанами называли малые отряды, поручаемые подкомандующим офицерам для выполнения незначущего. Отбить конвой, атаковать маловажный отряд, взять пленных для получения известий, вот чем ограничивалось их дело. В нынешнюю же кампанию они оказали величайшие услуги и возымели совсем другое назначение. Главный предмет их состоял в том, чтобы, врезываясь в неприятельские операционные линии, пересекать на продолжительное время всякое сообщение, окружая неприятеля со всех сторон, открывать движение его, и таким образом, как бы заграждая нашу армию, обманывать насчет наших действий»⁶⁵.

Образование партизанских отрядов, как и некоторые другие меры, предпринятые Кутузовым, резко нарушило официальные армейские распорядки. Фельдмаршалу пришлось значительно преобразовать аппарат главного управления армий ввиду того, что этого требовал сам факт объединения двух Западных армий. Основные меры по реорганизации были осуществлены еще в ходе флангового маневра. Быстрота и решительность, с которыми действовал Кутузов, давали повод его недоброжелателям или просто недальновидным людям обвинять полководца в разделе армии. Известны те резкие отзывы о состоянии армии в сентябре 1812 года, которые делались Ростопчиным, Вильсоном и др. Характер деятельности Кутузова, как стратега совсем нового типа, был непонятен его современникам и соратникам. Работу по укреплению и преобразованию армии они не привыкли приравнивать к полководческой деятельности в узком смысле слова и связывать одно с другим. Отсюда обвинения в пассивности, которые высказывались по адресу Кутузова

современниками в период наибольшего развертывания его полководческого таланта, оставившие длинный след в исторической литературе.

Для уяснения основных результатов деятельности Кутузова по преобразованию русской армии лучше всего сравнить ее официальные расписания на июнь и декабрь месяцы 1812 года. В первом случае она только готовилась к отражению врага, во втором она уже очистила русскую землю от нашествия Наполеона и готовилась сама перейти западную границу. Во втором документе появились совершенно новые, но уже узаконенные традиции, такие, как «летучий отряд» и даже «летучий корпус», «резервная армия» и др. В графе «группы» указано, например, такое безномерное соединение, как «кавалерия генерал-майора Корфа и генерал-майора Васильчикова». В перечислении полков, его составляющих, указаны три донских казачьих полка, Тульский казачий, т. е. ополченский полк, шесть полков легкой и два полка тяжелой регулярной кавалерии⁶⁰. Нечего и говорить, что подобное соединение перед войной 1812 года показалось бы совершенно невероятным.

О замечательном отношении Кутузова к солдатам и офицерам в документах и мемуарах имеется большой материал. Забота о раненых, о санитарном состоянии лагерей, ограждение материальных интересов рядового солдата, душевные обращения к нему Кутузова в приказах — все это находится в большом обилии в исторических источниках. Упомянем об одном показательном случае. Кутузов принужден был уведомить Александра I о некотором учащении случаев нарушения дисциплины в сентябре 1812 года. В ответном письме Александр I предложил ему, как одну из возможных мер, привести весь состав армии к новой присяге, текст которой прилагался. По тону дальнейших писем Кутузова и по тому факту, что он отослал обратно в Петербург письмо и присягу, чувствуется, что фельдмаршал был возмущен этим бесцеремонным отношением царя к солдатской чести. Кутузов принимает сам строгие меры для восстановления дисциплины, а в Петербург доносит, что нарушения ее почти ликвидированы.

Вопрос об особенностях Кутузова как стратега иногда пытались решать путем изучения только его оперативных и тактических приемов. Между тем Кутузов был подлинным стратегом в самом полном понимании этого термина. Отсюда следует, что вопрос об организации Кутузовым армии является одним из важнейших вопросов в изучении его полководческого искусства. В нем таится секрет того «дейтельного бездействия» (Пушкин), благодаря которому Кутузов пришел к своим историческим победам.

При исследовании организаторской деятельности фельдмаршала яснее обрисовывается обстановка, в которой ему приходилось действовать. Мы привыкли считать, что в эпоху наполеоновских войн лучшим представителям русской классической военной школы приходилось сталкиваться с господствовавшей в России устаревшей фридриховской военной системой. На самом деле в 1812 году дело обстояло несколько по-другому. Теперь реакционные мероприятия облекались в модные покровы. Традиционная русская военная система приносилась в жертву реакционным новаторствам. Представителям противоположного лагеря с этим было труднее бороться, чем с пережитками старой прусской системы. Делом пересоздания армии ведал руководившийся определенной политической программой Аракчеев с его огромным влиянием на царя, пережитки же фридриховской военной тактики держались только на рутине и косности.

Можно думать, что деятельности Кутузова в 1812 году мы в значительной мере обязаны также и тому, что торжество аракеевщины в

послевоенные годы имело все же ограниченные размеры и она не поглотила всей армии. В недоброжелательстве царя к Кутузову имели значение не только личные чувства и прошлые обиды, но гораздо более принципиальные основания.

Отстаивая славные традиции русской военной силы и армейскую организацию в ее исторически сложившихся формах, Кутузов тем не менее отнюдь не был рутинером. Он смело шел навстречу всему новому и ценному, что рождалось в обстановке Отечественной войны. Он сам стал во главе народного патриотического движения, которое под его руководством получило свободное развитие и не вгонялось в чуждые ему парадийные формы. Кутузов в 1812 году смог найти естественное сочетание народной войны с действиями обновляющейся в своей структуре русской регулярной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Шуклиным». М., 1904 г., ч. 8, стр. 81.

² «Подробный журнал исходящих бумаг... генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смолenskого в 1812 г.», «Труды Моск. отд. имп. Русского военно-историч. общ.», М., 1912 г., т. II, стр. 4, № 12. Письмо ген. Милорадовичу от 23 (11) августа.

³ Письмо Кутузова Горчакову от 1 сентября (20 августа) 1812 г. См. «Подробный журнал»..., № 37, стр. 5.

⁴ Ведомость о распределении Московского ополчения в армии. «Отечественная война 1812 г.», Материалы военно-ученого архива, т. XVII, стр. 190—191.

⁵ «Подробный журнал...», стр. 15, 79.

⁶ «Документы, относящиеся к истории 1812 г.», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собств. е. и. в. канцелярии», вып. 14, ч. 1, под ред. В. Строева, СПб., 1913 г., стр. 96.

⁷ «Опыт общей тактики», 1807 г., Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе, 1812 г., Общие правила для артиллерии в полевом сражении Кутайсова, 1812 г.

⁸ ПСЗ, т. XXX, № 23297. Подробно об организации рекрутных депо см. «Столетие военного министерства», ч. I, отд. II, гл. 2, СПб., 1902 г.

⁹ «Оправдание главнокомандующего Барклая де Толли в действиях его во время войны с французами в 1812 г.», «Тр. имп. Русск. в-ист. об-ва», т. VI, стр. 69.

¹⁰ Шильдер Н. К. «Император Александр I, его жизнь и царствование», СПб., 1905 г., т. III, стр. 101.

¹¹ «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, т. I, ч. 1, стр. 80.

¹² «Русский архив», 1886 г., т. III.

¹³ «Записка Барклая де Толли об обороне, представленная Александру I», «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, т. I, ч. 2, стр. 1.

¹⁴ «Отечественная война», Материалы ВУА, т. VII, стр. 175—183.

¹⁵ Чернопятаев В. И. «Дворянское сословие Тульской губ. Ополчение 1812 г.», 1912 г., вып. II, стр. 2.

¹⁶ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собств. е. и. в. канцелярии», вып. I, указ А. И. Горчакову 27 июня, стр. 5.

¹⁷ Там же. Указ Милорадовичу 5 июня, стр. 22.

¹⁸ Попов А. Н. «От Смоленска до приезда Кутузова в армию», «Русская Стар.», 1893 г., тт. XI и XII. Омелянович «План Пфуля», «Воен. сб.», 1898 г., № 2.

¹⁹ Труды ИРВИО, т. VI, стр. 19—20.

²⁰ Попов А. Н. «От Смоленска до приезда Кутузова в армию», «Русская Старина», 1893 г., т. XI, стр. 352.

- 21 Омелянович. Указанная работа, стр. 253.
- 22 Труды ИРВИО, т. VI, стр. 47.
- 23 Богданович. «История Отечественной войны», т. II, ст. 508.
- 24 Труды ИРВИО, т. VI, стр. 3.
- 25 Цитир. по Попову, указ. статья, «Русская старина», 1893 г., т. XI, стр. 352.
- 26 Колюбакин Б. М. «Бородинская операция и Бородинское сражение», кн. I, Труды ИРВИО, т. V, стр. 89. Письмо от 22 (10) августа 1812 г.
- 27 Труды ИРВИО, т. VI, стр. 1.
- 28 «Сборник исторических материалов...», вып. I, стр. 22.
- 29 Там же, стр. 23.
- 30 «Подробный журнал...», Труды Моск. отд. ИРВИО, т. II, стр. 31.
- 31 «Сборник исторических материалов...», вып. XI, стр. 90.
- 32 Труды ИРВИО, т. VI, стр. 10.
- 33 Колюбакин Б. М. «Бородинская операция...», кн. 1, Труды ИРВИО, т. V, стр. 179.
- 34 «Журналы комитета министров», т. II, Труды ИРВИО, т. V, стр. 133.
- 35 «Бумаги, относящиеся до Отеч. войны 1812 г., собр. Щукиным», ч. 8; стр. 111.
- 36 «Сборник исторических материалов...», выпр. X, стр. 38.
- 37 Там же, стр. 38—39.
- 38 «Подробный журнал...», Труды Моск. отд. ИРВИО, стр. 31. Письмо Кутузова Барклай де Толли от 12 сентября.
- 39 «Сборник исторических материалов...», вып. X, стр. 157.
- 40 Там же, стр. 152—158.
- 41 «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, т. XVIII, стр. 125.
- 42 Там же, стр. 127.
- 43 Рапорт Любанова-Ростовского с приложением замечаний Кутузова на инструкцию 13 октября, Сборник исторических материалов..., вып. XI, стр. 84—85.
- 44 «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, стр. 158.
- 45 Труды Моск. отд. ИРВИО, т. II, стр. IX.
- 46 «Подробный журнал...», Труды Моск. отд. ИРВИО, стр. 21, 25.
- 47 Там же, стр. 13.
- 48 Там же, стр. 26, № 145.
- 49 Там же, стр. 18, № 104 и стр. 26, № 146.
- 50 Там же, стр. 81, № 425.
- 51 Бутурлин Д. «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.», ч. 2, СПб., 1824 г., стр. 429. Данные, приведенные в книге Богдановича «История Отечественной войны 1812 г.», т. III, СПб., 1860 г., стр. 18, расходятся с цифрами Бутурлина, но собственные рапорты Кутузова, напечатанные в «Сборнике материалов, извлеченных из архива собств. е. и в. канцелярии», т. X, стр. 50—57 и 152—158, заставляют предполагать, что данные Бутурлина более точны.
- 52 «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, т. XIX, стр. 2.
- 53 Там же, стр. 306.
- 54 Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, изд. Акад. Наук, т. III, стр. 12. Статья «О кавалерийских резервах» была напеч. в «Вестнике Европы» за 1817 г.
- 55 Там же, стр. 10.
- 56 «Подробный журнал...», Труды Моск. отд. ИРВИО, т. II, стр. 45, № 244.
- 57 Там же, стр. 58, № 314.
- 58 Там же, стр. 59.
- 59 «Отечественная война 1812 г.», Материалы ВУА, т. XVIII, стр. 35—36.
- 60 Там же, т. XV, Журнал военных действий с 1 сентября по 31 декабря.
- 61 Там же, стр. 34.
- 62 Там же, т. XVIII, стр. 8.
- 63 Там же, стр. 8—9.
- 64 Там же, т. XXI.
- 65 Там же, стр. 468.
- 66 Там же, т. XVII, стр. 50 и далее и т. XXI, стр. 418 и далее.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. Л. Марголин. — Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века	3
1. Сторожки и станицы	5
2. Засечная черта	13
3. Пожог степи	15
4. Выводы	16
Карта на отдельном листе: «Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI века»	17
Приложение 1. Сторожки по росписям 1571 г.	18
Приложение 2. Материалы по топографии сторожек и станиц	24
Примечания	28
М. М. Денисова. — Поместная конница и ее вооружение в XVI — XVII вв.	29
Примечания	45
Н. Л. Рубинштейн. — Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века	47
1. Постановка вопроса и его освещение в исторической литературе	47
2. Польская интервенция и Тушинский лагерь	50
3. Начало борьбы. Местные восстания	52
4. Второй этап борьбы. Организация областных ополчений на Севере и очищение Поволжья	57
5. Развитие военной организации народной армии	68
6. Переход к всенародному ополчению. Земское ополчение и ополчение Ляпунова	71
7. Всенародное ополчение. Минин и Пожарский и освобождение Москвы	76
8. Заключение	82
Примечания	83
С. Л. Марголин. — Вооружение стрелецкого войска	85
Примечания	101
В. А. Афанасьев. — Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.	103
Примечания	109
П. Г. Рындзюнский. — Кутузов и русская армия в 1812 году	110
Примечания	136

Техн. ред. Б. Н. Петров.

Л. 92632. Сд. в пр-во 20/II—47 г. Подп. к печ. 26/II—48 г.
Печ. л. 9,75+1 карта. Уч.-авт. л. 13,8. Форм. бум. 70×108/16.
Зак. 1793. Тираж 3.000. Цена 15 руб.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва, Пушкинская пл., д. 5.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
7	14	в «ближнии города»	в «ближние города»	Автора
	17 снизу	чинити 3	чинити отсылки 3	
10	3	первый	правый	Коррект.
13	11 снизу	1648 г.	1638 г.	Автора
15	3	засеки	засеке	
19	по пор. № 16, кол. 5	Кунеча	Кунача	
58	7 снизу	Тотомского	Тотемского	Коррект.
108	18	«ПОЛ МОЛОКО	«ПОЛ МОЛКО	
118	24 снизу	А. Н. Шишков	А. С. Шишков	Автора
122	6 снизу	сего	чего	Коррект.

Труды ГИМ, вып. XX.

